

ЛЮБИМЫЕ ДЕТЕКТИВЫ
АГАТЫ КРИСТИ

ФЕРГЮС ХЬЮМ

КОРОНОВАННЫЙ
ЧЕРЕП

Впервые на русском!

Annotation

Тихую корнуолльскую глубинку всколыхнуло жестокое преступление. посреди бела дня застрелен пожилой миллионер. Полиция признала свое бессилие, однако местные жители быстро нашли козла отпущения: тихий джентльмен, бывший деловой партнер убитого, получивший согласно завещанию все его состояние. Слухи и сплетни распространяются словно пожар — того и гляди, к дому старика явится толпа, готовая вершить самосуд. Очистить имя джентльмена берется молодой адвокат, жених его прекрасной дочери. Но в поисках правды сыщику-любителю предстоит столкнуться с вещами, будто сошедшими со страниц романа ужасов. Как старая гадалка умудрилась заранее предсказать убийство? Кто живет на вересковых пустошах, в хижине под сенью древних руин? И какую роль в этой драме сыграл загадочный алый череп в серебряной короне, явившийся жертве перед самой смертью

- [Коронованный череп Фергюс Хьюм](#)
  - [Глава I Шатер тайн](#)
  - [Глава II Предсказание сбывается](#)
  - [Глава III Странная улика](#)
  - [Глава IV Последняя воля](#)
  - [Глава V Дальнейшие события](#)
  - [Глава VI Дипломатия миссис Крент](#)
  - [Глава VII Бегство](#)
  - [Глава VIII Сыщик-любитель](#)
  - [Глава IX История слуги](#)
  - [Глава X Странное исчезновение](#)
  - [Глава XI Рабочие](#)
  - [Глава XII Новости](#)
  - [Глава XIII Рассказ госпожи Крент](#)
  - [Глава XIV Неожиданная встреча](#)
  - [Глава XV Муж и жена](#)
  - [Глава XVI Письмо](#)
  - [Глава XVII Под землей](#)
  - [Глава XVIII Откровенный рассказ](#)
  - [Глава XIX Что было дальше](#)
  - [Глава XX Ужасная ночь](#)

- [Глава XXI Оправдание мисс Стреттон](#)
  - [Глава XXII Красный череп](#)
  - [Глава XXIII Мать Анака](#)
  - [Глава XXIV Отпетый негодяй](#)
  - [Глава XXV Откровение](#)
  - [Глава XXVI Потоп](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
-

Коронованный череп Фергюс Хьюм

Глава I Шатер тайн

Сэр Ганнибал Тревик был известной личностью в Санкт-Эвалдсе. Увы, ему не хватало денег, чтобы поддерживать образ жизни, соответствующий славе его громкого имени: родовое поместье, особняк Тревик Грандж, он был вынужден уступить южноафриканскому миллионеру, а сам поселился в небольшом доме в корнуолльской глубинке. Но поскольку он принадлежал к старой и знатной семье, то обладал большой силой воли. Кроме того, он был человеком набожным и занимался благотворительностью. Наконец, у него была чудесная дочь, которая совмещала в себе два качества: была и умной, и красивой — две вещи, которые очень редко встречаются вместе.

Дерика Тревик — так ее звали, и это милое христианское имя неизменно поражало археологов, ибо восходило к вавилонской морской богине. Сама же девушка напоминала фею: маленькая, стройная, золотоволосая и голубоглазая, быстрая, как ртуть. На кого-то подобное описание произвело бы впечатление о ней как о натуре поверхностной и недалекой, но ничто не могло бы быть дальше от истины. Дерика обладала замечательным вкусом. Она всегда была уверена в себе и моментально принимала безошибочные решения. Все хозяйство лежало на ее плечах. Сэр Ганнибал полностью подчинялся дочери в бытовых и денежных вопросах, но, чтобы не уронить свое достоинство, делал вид, что это подчинение — всего лишь родительская доброта и что он ни в чем не может отказать своей прекрасной фее. Однако, несмотря на свой внешний вид и манеры, мисс Тревик была сильной и могла бы сойти за Елизавету ^[1] или Екатерину ^[2] в молодые годы.

Кроме того, она была популярна у местных жителей, и поэтому все молодые люди из Санкт-Эвалдса пытались ухаживать за ней. Но девушка не обращала внимания ни на одного из них. Для Дерики эти поклонники были слишком пасторальными и ручными. Более шести месяцев назад она отдала свое сердце умному и молодому адвокату из Лондона, которого звали Освальд Форд. Сэр Ганнибал одобрил выбор дочери, тем более что карьера господина Форда шла в гору, и со временем он мог стать окружным прокурором или судьей. Но помолвки пока еще не было. Дерике только исполнилось двадцать, а Форду — двадцать семь лет, так что у них было еще достаточно времени для раздумий, действительно ли они подойдут друг для друга.

В день, когда началась эта история, господин Форд приехал в Санкт-Эвалдс насладиться обществом красавицы и оказался на празднике, который устроил сэр Ганнибал в помощь Часовне Рыбаков, построенной на мысе неподалеку от города. Был великолепный теплый осенний день, и обширную территорию во дворе и на прилегающей к дому площади занимали разнообразные лавки, торгующие всем, чем была богата эта земля. Сам дом — квадратное здание в георгианском стиле [3], уродливое, но уютное, — хорошо смотрелся, возвышаясь над водами залива Санкт-Эдвардс, окруженный садом, спускавшимся к краю острых скал, тут и там вылезая на гладкие участки прибрежного песка, на который наплзали белые волны Атлантики. Сам сад был полон привозных и местных растений, цветов всех видов, которые росли на границе зеленых лужаек. Это было прекрасное место, но из-за ярмарочных палаток и павильонов оно сейчас напоминало походный лагерь. Люди покупали и продавали, ели и пили, танцевали и играли под жарким солнцем, и сэр Тревик втайне с большим удовольствием отмечал, что этот праздник и в самом деле принесет много денег — может, их даже хватит, чтобы закончить ремонт часовни. Ему нравилось играть роль сквайра, пусть даже местного масштаба. Он с удовольствием рассматривал гостей, пришедших на праздник, а те, без сомнения, обожали его на свой снобистский манер.

Поскольку сэр Ганнибал был вдовцом с дочерью, которую вскоре собирался выдать замуж (по крайней мере, так говорили местные сплетники), многие женщины пытались обратить на себя его внимание. Он остановил свой выбор на мисс Энн Стреттон, темноглазой красавице, которая обучалась искусству и имела достаточно большой доход, чтобы прилично одеваться. Старый аристократ, в свою очередь, был человеком небогатым и легко поддавался управлению, что было хорошо известно мисс Стреттон. Она считала, что стоит потратить время и силы для того, чтобы стать леди Тревик, даже несмотря на то, что в глубине души она любила Ральфа Пенрифа — статного мужчину с длинной родословной и крошечным доходом. Они были на празднике вместе, бродили вместе и много болтали — быть может, девушка устроила так специально для того, чтобы пробудить ревность сэра Ганнибала и заставить его наконец решиться сделать предложение.

— Вы и словом со мной не перекинулись, — жалобно объявил организатор праздника, подойдя к скамейке, на которой удобно устроилась мисс Энн Стреттон вместе с его соперником. — Не сочтете за дерзость, если я предложу вам руку и приглашу прогуляться по ярмарке?

— Конечно, — согласилась дама и бросила извиняющийся взгляд на

своего спутника, который тут же нахмурился. — Но недолго... Мать господина Пенрифа уговорила меня погостить у него несколько дней, и он обещал отвезти меня к ней в четыре часа.

— Сейчас уже три, — добавил Ральф, посмотрев на часы. — У вас ровно час.

— Проехать пять миль много времени не займет, — небрежно бросила девушка и отправилась на прогулку с баронетом, оставив помрачневшего Пенрифа. Но в одиночестве он сидел недолго. Поднявшись, молодой человек направился к палатке, где продавали хмельные напитки.

А мисс Стреттон, прогуливаясь среди праздничной толпы, искоса рассматривала своего спутника. Она видела, что сэр Тревик хорошо сохранился для своих пятидесяти и мог бы даже сойти за сорокалетнего. Она восхищалась его идеальным костюмом и военной выправкой. Заметив ее взгляд, сэр Ганнибал в свою очередь внимательно оглядел свою спутницу. Энн была красивой и стройной, хотя было совершенно очевидно, что с годами она наберет вес, станет полной и тяжеловесной. У нее были темные глаза, и она отлично знала, как обратить на себя внимание мужчины. А платье девушки могло удовлетворить вкус даже такого привередливого мужчины, как сэр Ганнибал Тревик.

— Вы очень жестоки по отношению ко мне, — прошептал он ей на ухо.

— Напротив, — ответила мисс Стреттон, улыбаясь. — Я должна во всем винить вас. Я здесь уже более получаса, а вы только сейчас обратили на меня внимание. И из-за вас я вынуждена была общаться с господином Пенрифом. А я должна сказать вам, что жители Санкт-Эвалдса свысока смотрят на бедную художницу.

— Они ревнуют, моя дорогая. Из всех присутствующих дам лишь вы годитесь в королевы.

— Пока что я королева без королевства, — усмехнулась Энн.

— Ну, думаю, в ближайшее время положение изменится, — многозначительно ответил ей баронет. — У вас будет маленькое королевство, это правда, но зато вы станете властвовать в нем безраздельно.

— Размер не имеет значения, если только там будет властвовать любовь.

— При вашем правлении так и будет.

— Это будет зависеть от моих подданных, — быстро ответила дама, бросив еще один взгляд на сэра Ганнибала, от чего его сердце забилось быстрее, чем оно билось в течение многих лет.

Они находились в уединенной части сада, откуда открывался вид на

залив. Несомненно, место и время для объяснений были самыми благоприятными, и сэр Тревик уже открыл рот, чтобы начать, а мисс Стреттон, заранее покраснев, готова была принять его объяснения, когда совершенно неожиданно появилась Дерика в сопровождении господина Форда. Златокудрая девушка и ее возлюбленный выглядели очень милой парой. Но сэр Ганнибал нахмурился, и его мрачный вид отразился на лице царственной женщины рядом с ним. Мисс Тревик, обведя их взглядом, сделала определенные выводы. Она хорошо знала Энн и не любила ее и, поняв, что прервала важный разговор, быть может, объяснение в любви, лишь поздравила себя. Освальд Форд же ничего не заметил и пожал протянутую мисс Стреттон руку, в то время как Дерика вновь задумалась, пытаясь сообразить, как бы ей отвлечь отца от этой авантюристки — именно так она называла про себя мисс Энн Стреттон.

— Я за тобой, папочка, — быстро проговорила мисс Тревик. — Господин Боуринг ждет вас в библиотеке.

— Боуринг! — следом за ней повторил сэр Ганнибал, рассерженно краснея. — Что же господину Боурингу от меня нужно?

— Не знаю. Он приехал из Гранджа на своем автомобиле и очень хотел увидеться с тобой. Скорее всего, у него какое-то важное дело.

— Он мог бы выбрать другой день, когда я не так занят, — вздохнул сэр Ганнибал Тревик, однако, подумав несколько мгновений, повернул в сторону дома. — Я должен увидеться с ним, — скривившись, заметил баронет. — Он мой самый богатый арендатор, миллионер. Но и самый придирчивый. Мисс Стреттон, вы простите меня? Дерика, прошу тебя, составь компанию нашей гостье.

И он ушел, бросив прощальный взгляд на Энн, которая, понурившись, осталась стоять, чертя зонтиком круги на песчаной дорожке.

— Не хотите ли чего-нибудь освежающего? — сухо поинтересовалась у нее мисс Тревик.

— Спасибо, — вымолвила мисс Стреттон с любезной улыбкой, скрывающей зlobу оттого, что ее прогулку прервали самым ненадлежащим образом. — Пожалуй, мне нужно что-то купить, чтобы поддержать ярмарку.

— Можете попробовать узнать будущее, — улыбаясь, предложил господин Форд. — Вон шатер гадальщицы мисс Уорри, она всегда предсказывает удивительнейшие вещи.

— А вам она что предсказала? — спросила темноволосая красавица, кинув взгляд на Дерика.

— О, об этом вы и сами догадаетесь без труда, — ответил Освальд,

снова улыбнувшись.

Энн потрянула головой:

— Так вы суеверны?

— Я всего лишь считаю, что на Небе и на Земле есть многое, о чем наши философы и понятия не имеют, — сухо ответил молодой человек.

— Могли бы процитировать Шекспира и поточнее.

— Скажите спасибо Бэкону^[4], - рассмеялась Дерика.

— Где уж мне с моим умишком разобраться, где Бэкон, а где Шекспир.

То ли дело вы!

— Ах, мисс Стреттон, вы меня захвалили!

Невозможно сказать, как далеко зашел бы этот словесный поединок, но присутствие господина Форда сдерживало девушек, и им ничего не оставалось, как умолкнуть и обменяться многозначительными взглядами. Потом Энн отвернулась, продемонстрировав напоследок натянутую улыбку, скрывающую подлинное чувства.

— Пойду прогуляюсь, а вы пока можете репетировать «Ромео и Джульетту», — насмешливо фыркнула она.

Однако в этот миг мисс Тревик больше напоминала леди Макбет.

— Как я ненавижу эту женщину, — тихо проговорила она, сжав кулачки, когда гостя удалилась. — Она авантюристка и...

— Ты, дорогая, слишком сурова по отношению к ней, — возразил Освальд.

— Нет, она настоящая авантюристка. Приехала сюда, делает вид, что пишет картины, а сама ищет, кого бы на себе женить.

— Ходят слухи, она положила глаз на Пенрифа.

— А я вот слышала, что она охотится за моим отцом.

— Пф! Сэр Ганнибал слишком стар, чтобы думать о браке.

— Мужчина никогда не бывает слишком стар, когда речь идет о женщине, — с ядом в голосе заметила Дерика.

— Мне ли не знать, в мои-то преклонные двадцать семь, — весело заметил Форд.

В сердцах девушка ущипнула его за руку:

— Какой же ты ослик!

— Будь ты добрее, не поскупилась бы добавить прилагательное, — ехидно улыбнулся ее собеседник.

— Глупенький ослик!

Вместо того чтобы отвечать на оскорбление, молодой человек поцеловал свою возлюбленную.

— Когда ты позволишь мне поговорить о нас с твоим отцом? — мягко

поинтересовался адвокат.

— Поговори завтра, прежде чем вернуться в город. Думаю, папа не станет возражать, дорогой. Он уже устал от меня и, подозреваю, будет рад переложить бремя заботы обо мне на другие плечи.

— Драгоценное бремя... — прошептал Освальд, обнимая ее, но тут же спустился с небес на землю. — А какие дела у господина Боуринга с твоим отцом? Я слышал, что они старинные друзья.

— Скорее уж старинные враги, — заметила Дерика, скривившись. — Господин Боуринг познакомился с папой в Африке много лет назад, когда я была еще маленьким ребенком. Именно тогда он заработал кучу денег и попросил папу, чтобы тот сдал ему в аренду Грандж — наше семейное поместье. Он предложил хорошую плату. Но папа и господин Боуринг очень редко видятся и никогда не ездят друг к другу в гости.

— Но сейчас господин Боуринг приехал к нему.

— Да, и я думаю, нам надо пойти в дом и посмотреть, в чем дело.

— Нет необходимости, — возразил юноша, удерживая свою возлюбленную.

— Есть, еще как есть, — решительно объявила мисс Тревик. — Папочка во многом как ребенок, мне приходится все за него решать. К тому же характер у него очень вспыльчивый, а господин Боуринг на редкость грубый человек. Не знаю, что и случится, если они поссорятся.

— Тогда позволь, я пойду с тобой.

— Нет, останься здесь. Люди и так уже шушукаются, видя нас вместе.

— Ну и пусть себе шушукаются! Мы же, считай, уже помолвлены!

— Нет уж, подожди, пока о нашей помолвке не объявят официально, — быстро сказала Дерика. — Вот тогда я точно не буду возражать. Ненавижу сплетни, да и мой папа подобных вещей не одобряет.

— Неужели его слово для тебя так важно?

— Конечно. Да и я сама люблю во всем порядок. Все считают папу человеком сильной воли и твердого характера. Но, сказать по правде, за ним стоят моя воля и мой характер.

— Какая жена у меня будет! — шутливо произнес господин Форд. — Ты будешь мной командовать, как тебе вздумается.

— Тогда я начну прямо сейчас, — объявила девушка, со смехом разглядывая его красивое лицо. — Приказываю тебе: оставайся тут. Я вернусь, как только узнаю, зачем приехал господин Боуринг. Папа не может вести дела без меня.

Освальд, чувствуя себя несколько раздраженным, закурил и застыл, глядя, как волны накатывают на берег, в то время как его возлюбленная

быстро пошла к дому. У девушки и в самом деле были причины для беспокойства, так как, насколько ей было известно, отец не ладил с арендатором. Как она и сказала, Боуринг был человеком грубым — ей пару раз приходилось с ним видеться. Прожив много лет вдали от цивилизации, он совершенно разучился вести себя в обществе. Слабый и изнеженный сэр Тревик в споре не имел против него никаких шансов. Выходец из Южной Африки наверняка попробует взять верх над своим арендодателем. Но в присутствии Дерика такой номер не прошел бы. Боуринг же, с другой стороны, не имел никаких возражений против присутствия девушки при беседах с ее отцом, так как откровенно восхищался ею.

Но опасения мисс Тревик о том, что разразится скандал, не оправдались: когда она подошла к кабинету отца, то увидела, как он провожает своего посетителя. Баронет казался немного взволнованным, а господин Боуринг выглядел совершенно спокойным.

Миллионер был могучим и седым, словно старый волк, его растрепанные волосы обрамляли обширную лысину. Мохнатые брови нависали над серыми, пронизательными глазами. У него была длинная лохматая борода, но его кожа, несмотря на шестидесятилетний возраст, казалась такой же свежей и розовой, как и у смотревшей на него девушки. С презрением, которое богатые мужчины порой испытывают к своему туалету, он носил потертый черный костюм с африканской фетровой черной шляпой. Перчаток на нем не было, а в руках он вертел странную резную палку, какие обычно бывают у зулусских знахарей. На фоне сэра Ганнибала, отутюженного, статного и аккуратно одетого, господин Джон Боуринг выглядел как дикарь, но дикарь, обладающий могучим разумом.

Строгие глаза старика чуть потеплели, когда он увидел Дерика, которая в свою очередь глядела на него, словно зачарованная его силой.

— Добрый день, мисс, — сказал он глубоким, резким голосом, постаравшись заставить его звучать как можно добродушнее. — Мы уже поговорили, и ваш отец, мой старый друг, — он бросил косой взгляд на баронета, — желает вернуться к веселью.

— Дерика проводит вас, — поспешно сказал сэр Тревик. — А где мисс Стреттон, моя дорогая?

— Она в Шатре тайн, — небрежно ответила девушка. — По крайней мере, я посоветовала ей пойти туда, чтобы ей погадали.

Сэр Ганнибал внимательно посмотрел на свою дочь, пытаясь понять, говорит ли она всерьез или язвит. Но девушка спокойно восприняла взгляд отца, и тот поспешил ретироваться. Его гость с улыбкой наблюдал эту сцену, когда у него за спиной появилась худая дама в темных одеждах.

— Софи, а почему вы не в палатке? — спросила Дерика, с удивлением узнав свою гувернантку.

— Я отошла всего на несколько минут, — робко ответила ей мисс Софи Уорри. — Я пыталась гадать. Прочитала линии руки госпожи Стреттон.

— И что же вы там вычитали? — поинтересовалась мисс Тревик.

— Печаль, беда и обман, — торжественно объявила мисс Уорри, и старый миллионер снова усмехнулся.

— Вы в самом деле можете узнать будущее? — с презрением спросил он.

— Именно так, — спокойно ответила гувернантка, уязвленная его неверием. — Пойдемте со мной в палатку, и я предскажу, что ждет в будущем вас.

— Мое будущее осталось в прошлом, — резко объявил Джон. — Вы не сможете сказать ничего интересного. Тем не менее я хотел бы дать немного денег на часовню. Просто так я никому ничего не даю, а вот получить несколько сказок за мои гинеи можно.

— Я, конечно, могу и ошибаться, — заметила мисс Уорри, опустив взгляд своих усталых глаз. — Ведь я не так уж и много знаю о сверхъестественном. Но иногда мои предсказания и впрямь сбываются.

— Тогда давайте посмотрим, что случится со мной, — шутливо проговорил господин Боуринг и с мрачной улыбкой последовал за Софи, которая поплыла — это слово лучше всего подходило для того, чтобы описать ее походку, — к своему Шатру тайн.

Было уже около четырех часов, и Дерика пошла за ними, чтобы издали посмотреть, как ее отец прощается с мисс Стреттон, которая вновь буквально висела на господине Пенрифе. Баронет же казался много симпатичнее и моложе, купаясь в улыбках своей гостьи.

— Без сомнения, она хочет выйти замуж за папу из-за его положения, — пробормотала мисс Тревик себе под нос. — Только эта авантюристка просчиталась. Никаких денег в кармане у сэра Ганнибала Тревика она не найдет.

Потом Дерика увидела, как тройца, повернувшись, прошла по аллее к экипажу господина Пенрифа, в котором он должен был отвезти Энн на вересковые пустоши, в дом своей матери. Проводив их взглядом, мисс Тревик немного побродила среди посетителей. Обменявшись несколькими словами с гостями ярмарки, она подошла к Шатру тайн, откуда ей навстречу выскочил бледный Боуринг, за которым следовала гувернантка.

— Вы мне не верите? — серьезно спросила его мисс Уорри. Она

говорила так серьезно, как ей только позволяла врожденная застенчивость.

— Нет! — резко ответил Джон. — Вы говорите глупости.

— Тем не менее вы выглядите расстроенным, — заметила Дерика, вмешавшись в разговор и внимательно разглядывая миллионера.

Тот тем временем достал платок и промокнул лысину.

— Я и впрямь несколько разволновался, — сердито проговорил он. — Но вовсе не из-за той чепухи, что эта женщина мне наговорила.

Гувернантка вновь удалилась в шатер, и мисс Тревик, решив, что инцидент с гаданием исчерпан, повела расстроенного гостя в буфет. Однако внезапно Софи вновь выглянула из палатки, держа в руке конверт.

— Господин Боуринг! — позвала она, и несколько человек обернулись на ее крик.

— Что еще? — грубо спросил Джон.

— В этом конверте пророчество, которое я прочитала на вашей руке, — ответила гадалка. — Оно исполнится еще до наступления завтрашнего дня. Конверт запечатан, и если то, что я записала тут, и в самом деле произойдет, истина моих слов будет доказана.

Боуринг взял запечатанный конверт и сунул его в карман.

— Я распечатаю его завтра ночью, — пообещал он.

— Это может оказаться слишком поздно, — торжественно объявила мисс Уорри и скрылась в своей палатке.

Глава II Предсказание сбывается

— Что она имела в виду? — резко поинтересовался господин Боуринг, когда гувернантка исчезла, отправившись предсказывать будущее новым клиентам.

— Не знаю, — пожала плечами Дерика, а затем указала на карман, в который миллионер убрал запечатанное письмо. — Но вы можете узнать, если прочтете то, что там написано.

Ее собеседник достал письмо и с задумчивым лицом покрутил его в своей корявой старческой руке.

— Нет, — произнес он отрывисто после некоторого размышления. — Если там нет ничего страшного, то это может подождать, а если она предсказала мне что-то плохое, то я хочу встретиться со злом вслепую. Будущему лучше оставаться скрытым от людских глаз.

— Тем не менее вы пошли в Шатер тайн, чтобы узнать, что вас ожидает...

— Всего лишь потому, что хотел передать свои гинеи на постройку часовни. Я ничего не отдаю просто так. Именно этот принцип помог мне создать свой капитал. Но все это гадание — ерунда, — сказал Джон, внимательно глядя на Дерика. — А вам эта мисс Уорри гадала?

— Да. По картам, и по руке, и глядя в кристалл.

— И вы верите в то, что она предсказывает?

Девушка покраснела, отвела взгляд и увидела господина Освальда Форда, который в ожидании ее возвращения прогуливался по ярмарке, попыхивая сигаретой.

— Я хотела бы ей верить, — мягко сказала она.

Боуринг проследил за ее взглядом и тоже увидел высокого, симпатичного молодого человека. Присутствие Форда, похоже, вызвало у него неприятные чувства. Миллионер нахмурился.

— Вы глупы, девочка моя, — грубо сказал он. — Мы сами творим свою судьбу, к добру или к худу. И не нужно никакой хиромантии, чтобы понимать: мы пожнем то, что посеем.

Дерика же не отводила взгляда от своего возлюбленного, который остановился, чтобы поговорить с какой-то симпатичной девушкой. Ей явно хотелось присоединиться к господину Форду, а не беседовать, защищая то, что мисс Уорри называла «своим искусством». Она задумчиво ответила господину Боурингу:

— Для некоторых людей завеса, отделяющая наш мир от потустороннего, очень тонка. И иногда чувствительные натуры обретают предчувствия, которые оказываются истинными. Таким образом они могут предсказать будущее. Я знаю несколько пророчеств Софи, которые сбылись в точности.

— Софи?

— Мисс Уорри. Она — моя гувернантка уже много лет, но если пожелает нас покинуть, то легко сможет зарабатывать себе на жизнь с помощью гадания.

— Если она откроет такой бизнес в Лондоне, ее схватят и предадут суду магистратов как авантюристку, и правильно сделают, — объявил Джон. — Эта дама глупа как пробка.

— Она очень хорошая и добрая женщина, господин Боуринг.

— Ну, она, конечно, имеет хорошего защитника в вашем лице, мисс Тревик. — пожал плечами миллионер, а потом резко сменил тему разговора. — Где же ваш отец?

— Где-то тут, — ответила Дерика, оглядываясь. — Вы хотите еще раз увидеть его?

— Не сейчас. Я собираюсь уехать часов в пять и не прочь увидеться с ним до этого. До Грандж путь неблизкий, но у меня быстрая машина. Прежде чем уехать, я хотел бы поговорить с вами.

— Со мной? — удивилась мисс Тревик. У нее не было почти ничего общего с этим стариком.

— Да.

С этими словами Джон отвел девушку в укромный уголок, где стояла садовая скамейка, и кивнул, предлагая ей присесть. По его лицу было видно: этот человек привык, чтобы ему подчинялись.

— Мы с вашим отцом говорили о вас, — резко объявил господин Боуринг, когда Дерика устроилась на скамейке.

— Да? — холодно отозвалась она и внимательно уставилась голубыми глазами на огрубевшее лицо миллионера. Мисс Тревик не знала, что ответить, потому что и представления не имела, о чем идет речь. Боуринг, как она чувствовала интуитивно, был не таким уж простым человеком.

— Вы мне кажетесь девушкой весьма разумной, — сказал он.

— Спасибо за комплимент. Но я хотела бы знать, в чем дело?

— Я слышал, как ловко вы управляетесь с домом, а заодно и со своим отцом — он, между нами, всегда был простаком.

— Откуда вы все это знаете?

— Ваш отец был со мной в Африке в те годы, когда вы были

крошечной девочкой. Он вернулся домой примерно в то время, как умерла ваша мать, и притом без гроша. А я... Я теперь стою очень дорого. — Тут миллионер буквально надулся от гордости. — Я сделал целое состояние!

— Это я и так знаю, — холодно отозвалась Дерика. — Но какое это имеет отношение ко мне?

— Я к этому и подхожу... Я арендовал Грандж у вашего отца не потому, что хочу там жить, а лишь для того, чтобы помочь ему. Я плачу ему фантастическую аренду, на которую он, собственно, и живет.

— Вы не имеете права так говорить, — покраснев, заявила его собеседница. — В конце концов, речь о моем отце! То, что вы вместе были в Южной Африке, не дает вам право оскорблять его.

Миллионер застыл.

— А я смотрю, вы девушка упрямая, — одобрительно сказал он. — О, мне это нравится!

— С вашего позволения, — сказала Дерика с сарказмом, встав со скамейки. — Я лучше вернусь к своим обязанностям — присоединюсь к гостям.

— Присоединитесь к этому молодому фату, — заметил Боуринг, кивнув в сторону Форда. — Я вижу, что это значит.

— Сэр! — Теперь мисс Тревик выглядела возмущенной. Впрочем, она и в самом деле сильно рассердилась. — Мои личные дела никоим образом вас не касаются!

— О, нет, напротив, они касаются меня напрямую. Именно об этом я и говорил с вашим отцом.

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте, прежде чем ответить, я задам вам один вопрос: когда мисс Уорри предсказывала вам судьбу, что она сказала о том, кто должен стать вашим мужем?

— Не хочу отвечать на этот вопрос, — решительно объявила Дерика, но тут же невольно дала ответ, бросив взгляд на Освальда.

— Нет, — объявил Боуринг, проследив взгляд девушки. — Ему не быть вашим мужем.

— Я уже выбрала себе жениха, господин Боуринг.

— Вы слишком горячая девушка. Послушайте. Я всего лишь старый друг вашего бедного отца и желаю ему только самого лучшего.

— Никогда не знала, что мой отец и вы были друзьями.

— Да, отношения у нас были натянутые, — мрачно объявил Джон. — Он держался в стороне от меня, я от него... Но сегодня я приехал, чтобы помириться. Мы все сделали как надо, хотя ваш отец настолько забылся,

что даже угрожал мне смертью.

— Смешно!

— Так я и сказал ему, — спокойно продолжал миллионер. — Конечно, из-за некоторых событий, случившихся в Южной Африке, он был бы не прочь видеть меня в гробу. И все же мне удалось объяснить ему, что наши интересы совпадают. И я предложил ему новое соглашение, — тут он сделал многозначительную паузу.

Дерика вопросительно посмотрела на него, и миллионер продолжил:

— Я намерен заплатить вашему отцу много больше арендной платы, чтобы помочь выйти из нынешних финансовых трудностей, о которых вы наверняка осведомлены. Если вы... вы, мисс Тревик, выйдете замуж за моего сына Моргана.

Девушка в ошеломлении вскочила:

— Выйти замуж за вашего сына... Этого идиота?

— Ну, не такой уж он и идиот, — с досадой заметил Боуринг, — хотя, конечно, человек слабовольный. Тем лучше для женщины с вашим характером, моя дорогая. Моргану нужна супруга, которая смогла бы о нем как следует заботиться, а вы, мисс Тревик, как я слышал, как раз такая. Вы станете моему сыну хорошей женой. Кроме того, вы девушка из благородной семьи, дочь баронета. Вот за это я и готов заплатить. Если вы выйдете замуж за Моргана, то превратите его в нечто напоминающее мужчину, а я верну вам имение Грандж, и вы с мужем получите доход более десяти тысяч в год. А когда я умру, вы получите основную часть моих денег. Кроме того, я поправлю все дела вашего отца.

— Вы это серьезно? — поинтересовалась его собеседница, краснея.

— Абсолютно. Я не бросаю слов на ветер.

— Я тоже. Подождите-ка минуту! — Больше не говоря ни слова, девушка развернулась и ушла.

Господин Боуринг остался сидеть на скамейке, пытаясь разгадать, что она могла придумать. Но гадал он недолго: вскоре мисс Тревик вернулась с Освальдом Фордом.

— Я попросила этого джентльмена присоединиться к нам, чтобы и он услышал мой ответ, — холодно заметила она. — Освальд, господин Боуринг и мой отец решили, что я должна выйти замуж за Моргана, сына этого человека.

— Дерика, но ты же не станешь... ведь я...

— Ведь ты любишь меня, — закончила она за него фразу, а потом нежно поцеловала его. После этого, повернувшись к Джону, который, нахмурившись, наблюдал за этой комедией, девушка продолжила: — Вам

еще нужен какой-то ответ?

— Что все это значит? — сердито спросил Форд.

— Это означает, что господин Боуринг хотел купить меня, но он, видимо, не знал, что я не продаюсь. И еще это означает, Освальд, что я выйду за тебя замуж, как только ты назначишь дату свадьбы.

— Это также означает, что если вы не послушаетесь отца и не выйдете замуж за моего сына, то сэр Ганнибал Тревик будет публично опозорен, — невозмутимо возразил ей миллионер.

— Опозорен!.. О чем вы? — изумилась мисс Тревик.

— Советую вам поговорить об этом с отцом, — насмешливо объявил Боуринг. — Вы увидите, что он на моей стороне. А потом позвоните Моргану — похоже, вам стоит познакомиться поближе. Что же до свадьбы, то я могу подождать, но недолго, — с этими словами он вытащил из кармана часы и взглянул на них. — Уже пять. Я должен идти. Но я вернусь завтра. Надеюсь, к моему приезду вы поговорите с отцом и измените свое решение. Доброго вам вечера!

Когда миллионер ушел, Дерика с испугом уставилась ему вслед.

— Что он имел в виду? — в очередной раз повторила она.

— Это шантаж, — тихо ответил Форд. — Говорю тебе как юрист. Твой отец жил в Южной Африке и, видимо, попал там в какую-то передрагу. Этот человек знает все о том случае, и если ты не выйдешь замуж за Моргану

Боуринга, то его папаша расскажет всему миру то, что твой отец предпочел бы держать в тайне.

— Освальд, мой отец во многих отношениях слабый и глупый человек, — быстро сказала мисс Тревик. — Но я не верю, что он сделал или хотя бы подумал сделать что-то зазорное.

— Тогда почему этот тип так уверен, что ты выйдешь замуж по его приказу?

Девушка с усталым вздохом провела рукой по лбу.

— Я не знаю, — сказала она. — Этот Морган Боуринг полоумный, на него даже смотреть страшно. Но если бы он и был в своем уме, я все равно не вышла бы за него замуж. Все в Санкт-Эвалдсе знают, что этот парень не отвечает за себя. Отец не мог согласиться с тем, чтобы я вышла за него замуж! Я в этом уверена.

Форд молчал. Он знал, что сэр Ганнибал Тревик был человеком эгоистичным, и, вероятно, в его судьбе было немало страниц, о которых он не хотел бы поведать окружающему миру. Скорее всего, чтобы спастись от публичного позора, он с легкостью мог пожертвовать Дерикой. Но Освальд

по вполне понятным причинам не мог сказать этого своей возлюбленной, так что теперь они замерли в неловком молчании. Дерика первой оправилась от потрясения.

— Я немедленно поговорю с отцом, — сказала она решительно. — И пусть он переговорит с господином Боурингом, прежде чем тот уедет.

Господин Форд согласился. Но напрасно они искали хозяина особняка. Сэра Тревика не было ни в доме, ни в саду. Гости, устав от праздника, уже начали разъезжаться, и Дерика с Освальдом, следующим за ней по пятам, отправились к воротам, полагая найти отца там, прощающимся с посетителями благотворительной ярмарки. Вместо этого она увидела, как Джон Боуринг сел в свой автомобиль, на вид больше похожий на гоночное авто, чем на машину для поездок по сельским дорогам. Однако перед тем, как уехать, миллионер вновь обратился к девушке: — Я так и не нашел своего старого приятеля сэра Ганнибала, — насмешливо объявил он. — Иначе я рассказал бы ему о нашем разговоре. Но я заеду завтра. Еще раз доброго вам вечера.

И, развернув машину, он уехал — его гудящий автомобиль напомнил девушке огромную пчелу.

Дерика посмотрела ему вслед, но не нашлась что сказать. Потом она вместе с Фордом отправилась на поиски отца, но тот как сквозь землю провалился.

Сложно было сказать, что думал господин Боуринг о том, почему девушка отказалась его слушаться. Он сидел рядом с водителем, глубоко задумавшись, мрачная улыбка то и дело кривила его губы, и он то и дело сдвигал брови. Шофер, тихий молодой человек по имени Дональд, уверенно вел машину. На полной скорости она вылетела на центральную улицу Санкт-Эвалдса, а потом понеслась вперед по мостовой. Многие останавливались посмотреть ей вслед. А потом, что уж было и вовсе чудно, автомобиль понесся вверх по склону холма, словно муха, карабкающаяся вверх по стене. Однако все горожане хорошо знали Боуринга и его машину, и многие завидовали его богатству, которое позволяло ему иметь авто — редкость в этих краях.

Когда крутой подъем остался позади, машина полетела по ровной дороге, пока не добралась до следующего склона и не скользнула вниз по наклонной кривой, которая уходила назад в долину.

После опять начался подъем, и автомобиль вновь пополз вверх, выплюнув облако черного газа.

Теперь со всех сторон тянулись голые пустоши, заросшие вереском и дроком. Тут и там лежали серые валуны: словно великан рассыпал

камешки из кармана. По обе стороны поднимались пологие холмы, увенчанные кромлехами с фиолетовыми прожилками. На западе расцвели яркие краски заката, розовые чуть ниже зенита и золотые у самого горизонта. Слева маячили мрачные пригорки, справа темно-синей равниной раскинулся холодный океан, и волны взбивали белую пену среди черных острых камней. Боуринг отлично знал этот пейзаж. Но он никогда не обращал внимания на такие пустяки, как восходы и закаты. Богач думал о многих вещах, возможно, о прошлом, которое, если верить сплетням, было не слишком безоблачным. И еще он думал о сказочной фее, которая отважилась отказать его настоящей просьбе. Как такая хрупкая девушка может быть столь упрямой? Дерика была бы великолепной женой для безумного Моргана. Она принесла бы свежую кровь в семью. Тогда он, Джон Боуринг, миллионер, мог бы спокойно умереть, зная, что будущее его рода в твердых руках.

А пока старик предавался мечтам, его автомобиль скользил по дороге, взлетая на подъемах. словно живое существо, он несся по серпантину с уровня на уровень. Примерно в трех милях от Санкт-Эвалдса был участок дороги, идущий вниз, и Дональд решил воспользоваться им, чтобы прокатить хозяина с ветерком. Двигатель взревел, и машина понеслась вперед, словно снаряд. Свежий воздух резко ударил в лицо шоферу и пассажиру, и авто громко загудело перед длинным спуском. Внизу был резкий поворот, а дальше дорога шла по пустошам.

Господин Боуринг дремал, в то время как Дональд лихо проскочил поворот. Но тут водитель неожиданно увидел прямо на дороге перед собой огромную каменную глыбу. С воплем ужаса он резко ударил по тормозам, но было уже слишком поздно. Машина на полном ходу врезалась в гранитный обломок, и двое мужчин вылетели из груды смятого железа и стекла.

Это было похоже на ночной кошмар. Шофер словно пробка вылетел из кабины и упал на мягкую поросль вереска, едва не задев головой огромный камень, который убил бы его. Пролежав какое-то время и еще не придя окончательно в себя, Дональд с болью поднялся и вернулся на дорогу. словно во сне, он увидел разбитую машину. Его хозяин тоже пытался подняться на ноги. Боуринг встал, выпрямившись, и закачался из стороны в сторону. В тот же миг с обрыва спрыгнул какой-то человек. Подскочив к старику, он приставил пистолет к его уху. В следующий момент раздался выстрел, Джон рухнул наземь, а Дональд, задыхаясь от ужаса и ослабев от потери крови, потерял сознание. Со стороны могло показаться, что он мертв, точно так же, как и старый миллионер.

Но выстрел привлек еще чье-то внимание. Убийца услышал крик и без колебаний полез вверх по склону, а потом исчез в долине пурпурного вереска. Едва он скрылся, из-за поворота дороги выбежало несколько рабочих. Они вырубали камни в старом карьере, который принадлежал сэру Тревику, неподалеку от места аварии. Увидев, что случилось, каменотесы испуганно вскрикнули. Сначала они решили, что произошла всего лишь автомобильная катастрофа. Да и что они могли подумать, увидев разбитую машину, бесчувственного человека и огромную гранитную глыбу посреди дороги?

— Но как же выстрел? — сказал один из мужчин, поднимая тело Боуринга. В следующую секунду рабочий с ужасом отшвырнул его. — Посмотрите! — закричал он, указывая на голову миллионера.

— Да это убийство! — воскликнул один из его спутников, и каменотесы стали испуганно переглядываться.

Потом раздался шум колес, и из-за поворота выехала коляска, из которой выбрались господин Пенриф и мисс Стреттон.

— Что тут происходит? — поинтересовался Пенриф. — Мы услышали выстрел и вернулись.

— Господин Боуринг мертв, — объявил один из рабочих. — Его застрелили.

— Мертв! Застрелили! — охнул Ральф, в то время как его спутница вскрикнула. Тем временем Пенриф выпрыгнул из коляски с перекошенным от ужаса лицом. — Позвольте мне посмотреть.

Повернувшись, он посмотрел на Энн Стреттон, тоже выбравшуюся на дорогу. Она была бледной как мел, ее губы дрожали. Рядом с телом Джона лежал конверт. Протянув руку, девушка подняла его с земли и надорвала.

— Может быть, из этого письма можно узнать, кто убийца, — сказала она, все еще вздрагивая. — Возможно, убийца оставил его здесь.

— И что там? — спросил Ральф. Чиркнув спичкой, он подсветил мисс Стреттон, чтобы та могла прочесть письмо. Вокруг них сгрудились рабочие.

И Энн медленно прочитала:

— Сегодня вечером, прежде чем вы доберетесь домой, вы будете убиты!

Наступила мертвая тишина. Все собравшиеся уставились на распростертое на земле тело. Пророчество исполнилось.

Глава III Странная улика

Жестокое убийство Джона Боуринга превратилось, что было вполне естественно, в огромную сенсацию. И не только потому, что подобные преступления очень редко происходили в этой части страны, но и из-за положения в обществе и богатства жертвы. Известие о случившемся, словно лесной пожар, промчалось по району, и местные журналисты, как стервятники, слетелись к труп. Но сведения, которые они получили, оказались весьма скудными: полиция имела очень мало улик и не спешила ими делиться. Никто не знал, почему был убит господин Боуринг. Но хладнокровие, с которым было совершено это преступление, говорило о том, что убийца решил: миллионер непременно должен умереть. Иначе преступник ограничился бы тем, что сбросил гранитную скалу, а не стал бы выскакивать на дорогу с револьвером, чтобы закончить дело. Для того чтобы поступить подобным образом, у него должен был быть очень сильный мотив, ведь он серьезно рисковал — практически засовывал голову в петлю палача!

Потом стало известно про запечатанное письмо. Может быть, проболтался один из рабочих, при которых мисс Энн Стреттон его читала. А может, все разболтала сама Софи Уорри, похваляясь своими силами. Но в течение суток в округе почти не осталось людей, которые не слышали бы о странном исполненном пророчестве, и вторжение потусторонних сил выделило это преступление среди прочих, сделав его из ряда вон выходящим.

Тело убитого было перенесено в особняк Грандж Тревик, который располагался в нескольких милях от места катастрофы, среди корнуолльских пустошей. Это был бесформенный двухэтажный дом из грубого серого камня, крытый голубоватой черепицей и обросший обычными в этих местах плющом и лишайником. Особняк окружали деревья, а фасад его выходил на изменчивые воды Атлантики, которые выглядели живописно, но необычайно мрачно. Впрочем, такими были большинство богатых домов на вересковых пустошах. На протяжении веков Тревики обитали там, но когда финансовые дела семьи пошатнулись, особняк был передан в аренду Джону Боурингу, а сэр Тревик переехал в маленький дом в Санкт-Эвалдсе. Тело миллионера, при жизни царившего под этой древней крышей, уложили в гостиной. Дом погрузился в траурную атмосферу, которая соответствовала его зловещему внешнему виду.

Конечно, сэр Ганнибал, узнав об убийстве, был просто потрясен. Они с погибшим не были добрыми друзьями, но хорошо знали друг друга. Они вместе прошли через множество приключений в Южной Африке. Сэру Тревику показалось ужасным, что этот человек, полный жизни, здоровья и амбициозных планов, так внезапно и таким ужасным образом отправился на тот свет. Кроме того, Ганнибал понимал, что потерял своего лучшего арендатора. Никто больше не станет платить ему такие деньги за съем особняка. Грандж Тревик в принципе было тяжело сдать даже по умеренной цене из-за его отдаленного месторасположения. И хотя его хозяин, эгоист по натуре, очень жалел о гибели Джона Боуринга, много больше ему было жаль себя. Так он и сказал, когда общался с полицией вместе с Дерикой и госпожой Уорри. Гадалку пригласили для дачи показаний в полицию исключительно потому, что следователь хотел выяснить, каким образом она сделала такое точное

предсказание. А мисс Тревик поехала в участок, чтобы поддержать свою гувернантку и отца. Софи была очень ей благодарна. Никаких неприятностей она не ожидала, напротив: ей не терпелось похвастаться своим умом, и она была рада, что воспитанница будет рядом с ней в момент славы.

По дороге рядом с ними спешили всевозможные коляски, автомобили, велосипеды. Все они ехали в Грандж, и большинство пассажиров просто хотели удовлетворить свое болезненное любопытство. Место преступления превратилось в подобие ярмарки: зеваки исследовали дюйм за дюймом, а некоторые господа попредприимчивее установили поблизости палатки для продажи напитков. Камень пришлось взорвать, потому что он препятствовал движению, перегораживая машинам путь. С дороги ясно было видно место, откуда скатился этот обломок — четкий след на склоне, поросшем вереском. Некоторые мудрецы настаивали, что скала скатилась на дорогу сама по себе, так как ветер и дождь подмыли основание, на котором она стояла. Однако трава вокруг того места, где раньше лежал камень, была растоптана, и было совершенно очевидно, что достаточно сильный мужчина с ломом легко смог бы сбросить огромный камень на дорогу.

— Кто же, черт побери, мог это сделать? — размышлял сэр Ганнибал, проезжая мимо толпы, собравшейся на месте трагедии.

— Мы об этом не узнаем, пока следствие не закончится, — отозвалась Дерика.

— А может, и вовсе никогда не узнаем, — вздохнула ее гувернантка. — Когда произошло убийство, на дороге никого не было.

Никаких свидетелей.

— Карьер был где-то рядом, — заметила мисс Тревик. — Может, кто-то из мужчин, работающих там, что-то видел.

— Ну, если уж об этом зашла речь, — ответил ее отец, — то Дональд, шофер, видел убийцу, хотя и не узнал его. В сумерках что-либо разглядеть было трудно. Да еще представьте себе его состояние!

— А были ли у господина Боуринга враги? — простодушно поинтересовалась мисс Уорри.

— Огромное количество, — ответил баронет. — Впрочем, как и у любого достаточно богатого человека. Но я не понимаю, что кто-то из них мог бы выиграть, убив его. Я полагаю, Боуринг все свое богатство завещал сыну?

— Этому недоумку? — тут же воскликнула Дерика.

— Да, но на самом деле он не такой уж безумный, как считает большинство, — заметил сэр Тревик.

— Но достаточно безумный, чтобы я никогда не вышла за него замуж, — возразила она.

— А, вся эта ерунда закончилась со смертью Боуринга, — отмахнулся баронет. — Он, кажется, предлагал мне нечто в таком роде.

— И вы из-за этого очень рассердились, — заметила Софи совершенно невинным голосом.

Тревик резко обернулся к ней:

— Почему вы так говорите?

— Я заходила в дом, когда вы были в библиотеке с господином Боурингом, и я слышала, как вы громко ругались, — ответила предсказательница.

— Точно. Да, я разозлился, когда господин Боуринг предложил, чтобы его сын женился на моей дочери, — не стал отпираться ее хозяин. — Мало того что Морган из тех, кого шотландцы называют «лунатиками», так он к тому же ни по рождению, ни по происхождению не подходит на роль моего зятя.

— Но теперь он станет очень богатым, — возразила мисс Уорри, опустив взгляд.

— Будь у него хоть миллион, я все равно не вышла бы за него замуж, — воскликнула Дерика.

— Но у него и правда есть миллион, — пробормотала гувернантка.

Сэр Тревик тревожно взглянул на дочь, а потом, откашлявшись, для чего-то принялся объяснять:

— Мы с Джоном были не то чтобы друзьями, — медленно проговорил

он. — Если честно, то в нашу бытность в Южной Африке он обошелся со мной очень плохо. Тем не менее он был хорошим арендатором, и его смерть, — тут он снова покосился на гувернантку, — очень плохо отразится на моем финансовом положении.

— Да уж не сомневаюсь, — кротко пробормотала Софи.

Однако сэр Ганнибал не выглядел довольным.

— Видите, что это за место? — указал он кнутом на живописную серую массу Гранджа. — Больше я таких денег за этот дом никогда не получу. Боуринг был идеальным арендатором.

— Почему? — быстро спросила мисс Уорри.

— Потому что ему очень понравился этот дом, — резко сказал владелец особняка. — Я как раз собирался сказать об этом, когда вы меня перебили...

— Извините, сэр Ганнибал.

— Так вот, я как раз хотел сказать, что никто не станет платить такие же деньги за аренду, и к тому же так аккуратно. Смерть господина Боуринга большой, очень большой удар для меня, мисс Уорри. Дерика, ты согласна со мной?

— Конечно, — ответила его дочь, удивленная тем, как многословно ее отец взялся объяснять то, что и так всем было известно. — Однако, думаю, Морган может остаться тут, а миссис Крент, их экономка, будет за ним ухаживать.

— Мне не нравится миссис Крент, — нахмурившись, проговорил баронет. — Она интриганка и очень навязчивая женщина. Боуринг привез ее из Африки. Боюсь, она попытается женить Моргана на своей дочери Дженни.

— Если так, то мне очень жаль Дженни, — спокойно ответила мисс Тревик. — Она слишком красивая девушка, которая погубит свою жизнь, если свяжется с этим безумным чурбаном.

— Морган богат, — объявил сэр Ганнибал, когда их экипаж проехал по аллее к дому. — А у Дженни за душой нет ни гроша. Для нее это был бы замечательный выход из положения.

— Нет, это был бы грех! — воскликнула Дерика.

Ее отец пожал плечами:

— Не понимаю, что так возмущает тебя, моя дорогая. Морган болезненный человек и долго не проживет. Его вдова сможет заключить второй выгодный брак. Я почти жалею, что ты отказалась от этого союза, — с улыбкой произнес он. — Потом, когда Моргана похоронили бы рядом с отцом, ты могла бы в старости поддержать своего отца и возродить

былые традиции Тревика.

Когда старый аристократ произнес эту речь, Софи подняла на него взгляд:

— Нельзя так шутить с такими серьезными вещами, как брак, сэра Ганнибал.

— Я же сказал, «почти жалею», — рассмеялся баронет, но прозвучало это как-то фальшиво.

Сама же Дерика от возмущения не находила слов для ответа.

— Я лучше умру! — воскликнула она, наконец, когда экипаж остановился перед крыльцом особняка. — Морган — опасный сумасшедший!

— Нет! Нет! — запротестовал сэра Тревик. — Он совершенно безобидный. Господин Боуринг заверил меня...

— Господин Боуринг лишь пытался подсластить пилюлю, — парировала его дочь. — Я утверждаю, что этот Морган опасен для общества. Говорят, у него случаются припадки ярости. Глупая шутка, папочка!

— Возможно, это была вовсе не шутка, — хихикнула мисс Уорри.

— Всего лишь шутка, хотя, признаю, бестактная, — фыркнул баронет.

— Полностью с тобой согласна, — холодно объявила мисс Тревик. — Тем более что я помолвлена с Освальдом.

— Но я не давал на это согласия, Дерика, — напомнил ее отец.

— Придется, папа, — совершенно спокойно ответила девушка. — Я выйду замуж по любви, а не за деньги.

— Тем не менее тебе стоило бы знать цену деньгам, — заметил сэра Ганнибал, скрываясь в доме.

Глаза Дерика вспыхнули сапфировым огнем. До визита Боуринга сэра Тревик полностью одобрял ее выбор, хотя Форд был простым адвокатом без гроша за душой. Но после разговора с миллионером и предложения руки и сердца от имени его больного сына мнение ее отца, казалось, изменилось. Весь этот разговор лишь подтвердил подозрения Дерика, что в тот злополучный вечер сэра Ганнибал дал согласие на ее брак с безумным Морганом. А слова мисс Уорри лишь усилили это впечатление.

— Ваш отец жалеет, что потерял доход, — прошептала Софи, пока они шли к комнате, где должно было проходить слушание. — Почему бы вам и правда не выйти замуж за Моргана Боуринга? Когда он умрет, вы как богатая вдова стали бы супругой господина Форда...

— Выйти замуж... за это создание? — зло прошептала мисс Тревик, кивком указывая на слабого на вид мужчину, рядом с которым сидели

полная, пожилая женщина и красивая девушка с кукольным личиком. — Вы в своем уме, Софи?

Мисс Уорри нервно захихикала, как всегда, когда не находилась, что ответить, и покорно села на стул между господином Ганнибалом и его дочерью.

Мечущийся взгляд Моргана Боуринга остановился на вновь прибывших. Он кивнул сэру Тревику, потом с безразличием посмотрел на сидящую рядом с ним гувернантку и уставился на прекрасное лицо Дерики. Его неподвижный взгляд был похож на звериный. Но мисс Тревик, как уже было сказано, имела очень сильный характер и нисколько не собиралась смущаться из-за того, что ее рассматривал сумасшедший. Она бросила на него взгляд, полный гордой уверенности в себе, и его лицо изменилось. Словно увидев что-то ужасное, безумец всхлипнул и схватился за руку толстой пожилой женщины, которая, без сомнения, была их экономкой, миссис Крент. Женщина сразу повернулась, чтобы успокоить его, и сердито посмотрела на Дерику. Однако мисс Тревик уже отвернулась от безумца к следователю, который начал слушание.

— Мы уже осмотрели тело, — начал коронер. Внешне он чем-то напоминал овцу. У него были мутные глаза и вид не слишком умного человека. — Сейчас мы выслушаем выводы, к которым пришел наш эксперт в результате этого осмотра. Инспектор Куилл.

Сидевший рядом с ним инспектор рассказал, как обнаружили тело и как был убит господин Боуринг. Он в подробностях рассказал об уликах, найденных на месте падения камня, вернее, об их отсутствии. Куилл настаивал на том, что камень специально был сброшен со скалы, однако, по его же словам, ни один из рабочих, занимающихся добычей камня, не мог указать на того, кто это сделал. Не видели рабочие и подозрительного человека, который ходил бы по окрестностям. Потом он предложил вызвать свидетелей, и первым из них был шофер Дональд, единственный, кто хотя бы мельком видел преступника.

Дональд все еще выглядел больным и мало что смог сказать по делу. Он ехал привычной дорогой, когда автомобиль врезался в камень, а потом, когда попытался встать, краем глаза заметил какого-то человека, однако после этого ноги водителя подкосились, он вновь упал на землю и потерял сознание. Дональд даже не мог сказать, был ли тот человек низким или высоким, блондином или брюнетом, худым или толстым. Он лишь понял, что произошло что-то ужасное, и лишился чувств. По словам шофера, он до последнего мгновения не видел упавшего обломка скалы.

Потом выступил местный практикующий врач, которого вызвали,

чтобы он осмотрел доставленное в Грандж тело. По его словам, господин Боуринг получил лишь незначительные травмы, когда его автомобиль врезался в скалу. Он больше пострадал от шока, чем от столкновения, и через пару дней полностью бы оправился. Другое дело — револьверная пуля. Ствол пистолета был так близко к голове мертвеца, что выстрел опалил волосы. Смерть была мгновенной, пуля прошла сквозь череп и улетела в сторону пустошей. Ее вряд ли можно было найти. Так что в этом направлении разгадку преступления искать было бессмысленно.

Следующей выступила миссис Крент. Она рассказала о том, что вместе с Боурингом приехала из Африки и до сих пор служит экономкой и медсестрой при его сыне, не способном жить самостоятельно. Насколько она знала, у убитого не было врагов и он никого не опасался. Он покинул Грандж в приподнятом настроении, уехав на праздник в дом сэра Тревика. И миссис Крент больше других была удивлена тем, что домой привезли мертвое тело.

Сэр Ганнибал Тревик подтвердил, что знал Джона Боуринга еще со времен путешествий по Африке. Он был не согласен с госпожой Крент в том, что у покойного не было врагов, хотя не мог указать ни на одного из них, кого подозревал бы в убийстве. Боуринг побродил по ярмарке и уехал в хорошем настроении, собираясь перезвонить ему, сэру Тревику, на следующий день. Насколько было известно баронету, Джон не думал о возможной скорой смерти, и сэр Ганнибал заверил следователей, что не может никак пролить свет на эту загадочную трагедию. А потом, в очередной раз заметив, что сильно сожалеет о потере столь хорошего арендатора, аристократ передал слово следующему свидетелю.

До сих пор никто не мог высказать разумного предположения о причинах убийства Боуринга, никто не мог даже предположить, кем мог бы быть этот таинственный, жестокий убийца. Зрителям стало скучно, так как им рассказывали то, что все они и без того знали. Однако все присутствующие оживились, когда вызвали мисс Уорри. Все хотели услышать правду о пророчестве гувернантки. Если говорить честно, то ради этого туда и пришла основная часть слушателей.

Софи заявила, что покойный зашел в ее палатку, настроенный абсолютно скептически. Он бросил ей вызов и потребовал доказать, что в ее предсказаниях есть хоть капля истины. Она посмотрела на ладонь господина Боуринга и заглянула в магический кристалл. Вдаваться в детали мисс Уорри отказалась, потому что непосвященные все равно бы ее не поняли. Да, она предсказала, что господин Боуринг умрет прежде, чем доберется до дома. Это пророчество — гадалка называла его именно так —

она записала на листке бумаги и, запечатав в конверт, передала господину Джону. После смерти господина Боуринга конверт вскрыла мисс Стреттон, и тогда сила магического искусства стала очевидной. Коронер и многие из жюри присяжных слушали ее с глубоким благоговением. Они были готовы принять мисс Уорри в качестве второго Нострадамуса.

— Вы же не считаете, что мы примем за истину этот фокус-покус, — раздраженно сказал следователь.

— Я и не ожидала, что вы мне поверите, — совершенно спокойно заметила Софи.

— Было ли что-то, что могло заставить вас подумать, что на обратном пути господин Боуринг попадет в аварию? — уточнил коронер.

Предсказательница задумалась:

— Все дело в Мертвой голове, — задумчиво протянула она. — Он, несомненно, боялся Мертвой головы.

Глава IV Последняя воля

Когда мисс Уорри с видом опытной актрисы произнесла эти слова — «Он, несомненно, боялся Мертвой головы», — наступило красноречивое молчание. Что она имела в виду, не знал никто, а коронер тем более.

Но Дерика вздрогнула, так как ей на память неожиданно пришла одна вещь. Сэр Ганнибал, сидящий рядом с ней, уставился в пол и ничего не заметил, а Софи тут же бросила на свою подопечную долгий, пронзительный взгляд.

На мгновение их глаза встретились, и мисс Тревик тут же опустила голову. Всю эту комедию заметила миссис Крент, которая внимательно следила и за отцом, и за дочерью.

— Что вы хотите сказать этими словами? — озадаченно поинтересовался у гувернантки следователь.

— Это легко объяснить, — тряхнув головой, пояснила та. Впервые в жизни эта женщина оказалась объектом восхищения возбужденной толпы, которая считала ее чуть ли не пророчицей. Тогда в мертвой тишине она совершенно спокойно продолжила. — Я имею в виду череп в моей палатке.

— Я все еще ничего не понимаю. Прошу вас объяснить подробнее, — потребовал коронер.

— На празднике у меня был Шатер тайн — палатка для гадания. Внутри она была отделана красной тканью. Посредине стоял небольшой круглый стол, покрытый черным шелком. На столе лежали колода карт и кристалл, а еще лупа, чтобы я могла четко прочитать линию судьбы тех, кто хотел, чтобы я предсказала им будущее. Все для того, чтобы делать, как вы это называете... фокусы-покусы... — закончила Софи с презрением глядя на туповатого коронера.

— Мне кажется, все это мошенничество, — заметил он. — Никто не может предсказывать будущее.

— Помните о том, что я написала и запечатала в конверт.

— Похоже, мы вернулись к тому, с чего начали. Откуда у вас были сведения о том, что в этот вечер господин Боуринг должен умереть?

— Неужели вы хотите сказать, что я заранее знала о готовящемся преступлении? Может быть, и в сообщницы меня запишете? — с негодованием воскликнула мисс Уорри.

— Вовсе нет. Но я думаю, что вы увидели в поведении покойного или услышали в его словах нечто такое, что позволило вам догадаться, что его

ждет смерть? И... сыграли на этом?

— Ничего подобного. И рука его, и карты, и кристалл говорили одно и то же: он должен умереть, прежде чем доберется до дома.

— Тем не менее вы сказали, он боялся Мертвой головы?

— Так оно и было. Когда он вошел в палатку, там на столе лежал череп. Увидев его, Боуринг здорово побледнел. Думаю, он бы прямо там грохнулся в обморок, если бы я не ухватила его за руку. Он пробормотал что-то вроде «в третий раз»...

— Что? — с нетерпением переспросил следователь.

Казалось, гадалка начала злиться.

— Как я могу рассказывать, когда вы меня все время перебиваете? — огрызнулась она. — Так вот, повторяю: господин Боуринг сказал что-то вроде: «В третий раз».

— В третий раз он увидел череп?

— Полагаю, что так. По крайней мере, он уставился на него и произнес эти слова. Что они означают, я не знаю.

— А вы его об этом не спросили?

— Я женщина и не лишена любопытства, — призналась свидетельница. — Но он отказался рассказать мне, почему вид Мертвой головы вызвал у него такие чувства.

— Что же именно он вам сказал?

— Только то, что снаружи очень жарко и что он вовсе не суеверен, просто ему нужен был повод, чтобы сделать пожертвование, и предсказание было подходящим поводом, хотя сам он совершенно не верит в гадания.

— Вы сказали ему, что он умрет, прежде чем приедет домой?

— Нет. Для начала я описала ему его характер, а он сказал, что все неправильно. Хотя я считаю, что не ошиблась, — продолжила мисс Уорри. — А все дело в том, что он вовсе не был хорошим человеком... — злобно закончила она.

Однако следователь пропустил эту дамскую колкость мимо ушей.

— И вы ему не сказали, что менее чем через час он будет убит? — задал он очередной вопрос.

— Нет. И даже более того, я не знала, что смерть Боуринга будет насильственной. И карты, и линии его руки, и кристалл говорили, что он умрет — не более того. Я записала то, что увидела, чтобы мою записку прочитали на следующий день после его смерти и убедились в моей правоте.

— Понятно, — протянул коронер. Выглядел он более чем

озадаченным. Он был не из тех, кто верит в сверхъестественные силы. И тем не менее выходило так, что все, о чем говорила Софи, было правдой. Запечатанное письмо с пророчеством было фактом неопровержимым. И в любом случае кроткая гувернантка едва ли могла иметь отношение к смерти миллионера.

— И все же почему погибший испугался Мертвой головы? — спросил следователь, решив подойти к вопросу с другой стороны.

— Я уже говорила вам, что господин Боуринг отказался мне это объяснять.

— А где сейчас череп?

— Я не знаю.

От удивления в зале началось движение.

— Вы не знаете? — повторил следователь. — Тем не менее, я полагаю, вы разместили череп на столе таким образом, чтобы добавить эффекта к вашему гаданию?

— Нет, я не делала ничего подобного, — сердито фыркнула мисс Уорри. — Когда я пришла в палатку, череп уже стоял на столе. Думаю, его поместили туда по распоряжению сэра Ганнибала.

— По моему распоряжению? — удивился баронет, поднявшись на ноги. Выглядел он очень бледным. — Нет, я понятия не имею ни о каком черепе.

— Тогда я не знаю, кто его принес, — ответила предсказательница. — Мисс Тревик этого не делала. В начале дня никакого черепа у меня на столике не было. Потом я отлучилась в дом кое за чем. Судя по всему, в это время сэр Ганнибал и господин Боуринг беседовали в библиотеке, и когда я вернулась, череп уже был на столе. А потом Боуринг зашел ко мне в палатку. Отдав ему конверт с запечатанным предсказанием, я вышла из палатки, прошла по ярмарке, а когда вернулась, череп исчез.

— Выходит, кто-то занес череп в палатку, пока вы были в доме, а пока бродили по ярмарке после того, как сделали предсказание покойному, неизвестный его забрал. Так?

— Да, — подтвердила Софи. — Я тоже подумала, что это странно, и говорила с мисс Тревик, но она ничего не знала об этом черепе.

— Это верно, — спокойно сказала Дерика, когда все взгляды обратились на нее.

— И я ничего о нем не знал, — добавил сэр Ганнибал с напряженной улыбкой. — Как и сказала мисс Уорри, я беседовал с господином Боурингом в библиотеке, в то время как кто-то, должно быть, подложил череп в палатку.

— А в доме у вас есть череп, сэр Тревик?

— Нет, насколько мне известно.

— А что это был за череп? — продолжал расспросы следователь, обращаясь к Софи. Гувернантка содрогнулась.

— Это была ужасная вещь, — созналась она. — Словно из ночного кошмара. Он был окрашен в алый цвет, а вокруг его лба был широкий серебряный обруч, напоминающий корону.

Все присутствующие в зале заинтересовались, услышав такое интригующее описание.

— Интересно, откуда могла взяться такая странная вещь, как вы думаете, мисс Уорри? И куда она делась? Может, вы оставили ее себе?

— Я бы так и сделала, но череп исчез.

— И как же он исчез?

— Я могу сказать только то, что он самым таинственным образом появился в палатке и таким же образом пропал, — отрезала свидетельница, которая уже чувствовала усталость от этого допроса. — Он появился перед визитом в мою палатку господина Боуринга, а исчез после того, как тот ушел.

— А кто-нибудь кроме вас и господина Боуринга видел его?

— Нет, насколько мне известно. Вы уже закончили мой опрос?

— Да, — механически ответил следователь. И Софи, которая выглядела очень усталой, села на свое место.

То, что рассказала гувернантка, звучало так странно, что коронер колебался: верить этому или нет. Такому человеку, как мисс Уорри, все это могло попросту привидеться. Или, быть может, красный череп был лишь сказкой, которую женщина сочинила, чтобы разрекламировать себя. С другой стороны, письмо с предсказанием действительно существовало.

— Собственно, вот и все свидетельские показания, господа, — подвел итог следователь после долгой паузы.

В зале началось перешептывание, а затем он выступил с речью, в которой перечислил все известные факты, в том числе и те, о которых поведала гувернантка. Но все его объяснения не пролили и лучика света на тайну, которая, несомненно, скрывалась за смертью миллионера. Было ясно, что совещание присяжных не займет много времени. Они считали, что из имеющихся фактов невозможно сделать какие-то определенные выводы. Единственное, что удалось точно установить, — это то, что господин Боуринг был застрелен тем же самым человеком, который пытался погубить его во время автомобильной катастрофы.

В итоге был вынесен вердикт, что неизвестное лицо совершило

предумышленное убийство. На этом слушание завершилось.

Довольны остались только журналисты, которые превратили рассказ мисс Уорри в сенсационные статьи. Все сошлись на том, что дело более чем загадочное, а сэр Ганнибал рассердился, что лишь сейчас впервые услышал о странном алом черепе.

— Вы должны были сразу рассказать мне об этом, — сердито сказал сэр Тревик гувернантке. Разговор состоялся в его особняке, после обеда.

— Я не думала, что это кого-то заинтересует, — смущенно проговорила та в ответ. — Однако я упомянула о нем, когда говорила с Дерикой.

— А ты почему мне ничего не сказала? — спросил сэр Ганнибал у дочери, которая в то время писала письмо господину Форду, в деталях рассказывая обо всем, что произошло на следствии: это представляло большой интерес для молодого адвоката, вернувшегося в Лондон.

— Рассказывать тебе про череп не было никакой необходимости, — заверила отца девушка, на мгновение подняв взгляд. — Я подумала, что это кто-то пошутил. Конечно, если бы я знала, что этот череп так напугает господина Боуринга или что ему угрожает смерть, я, без сомнения, навела бы справки. Но теперь, боюсь, невозможно будет узнать, кто и зачем принес его в палатку.

— Мертвую голову поставили туда специально, чтобы напугать господина Боуринга, — сердито заметил Тревик. — Выходит, тот, кто ее принес, знал, что Джон отправится погадать, и знал о каких-то обстоятельствах из его прошлой жизни.

— Вы знали о них немало, — многозначительно заметила мисс Уорри.

— Да, — согласился баронет. — Я знал про него много хорошего и много плохого. Боуринг был странным человеком. В нем в равной доле смешалось добро и зло. Но я совершенно точно могу сказать, что ничего не слышал о Мертвой голове, выкрашенной в красный цвет. Все это очень странно. Я поеду в Грандж, когда будут зачитывать его завещание, и спрошу об этом у миссис Крент. Может, она сможет пролить свет на этот вопрос.

Дерика неожиданно вздрогнула.

— Вы хотите присутствовать при чтении завещания? — быстро спросила она.

— Конечно. Гратгон, адвокат Джона, приехал из Лондона, чтобы присутствовать на похоронах и зачитать завещание. К тому же он сам пригласил меня. Возможно, Боуринг упомянул меня в завещании, а быть может, он даже хотел сделать меня опекуном Моргана.

— А может, бедный мистер Боуринг оставил все свое состояние Дерике, при условии, что она выйдет замуж за его сына, — с хихиканьем заметила Софи, не сводя глаз с баронета.

— Это крайне маловероятно, — хладнокровно объявила мисс Тревик.

— Не знаю, не знаю. По-моему, в этот день у Боуринга, кроме этого брака, ничего не было на уме, — отрезала ее гувернантка.

— Вы говорите глупости, — совершенно спокойно фыркнула Дерика и поднялась, держа в руках письмо к Форду. — А теперь, Софи, вы можете и даже должны сказать отцу, что намерены оставить нас.

— Что? — воскликнул сэр Ганнибал. — Вы, мисс Уорри... Вы же были с нами с тех пор, когда Дерика еще была ребенком... И вы собираетесь от нас уйти?

— Да, — пристыженно ответила гувернантка. — Я думала остаться в вашей семье до самой старости, но последнее время тут платят не слишком исправно, — и женщина стыдливо посмотрела на хозяина.

— Я не могу делать деньги из пустоты, — заметил баронет, немного покраснев. Речь мисс Уорри немного задела его гордость. — Но я заплачу вам все, что должен, прежде чем вы нас оставите. Хотя считаю, что вы поступаете неразумно... И куда же вы собираетесь податься?

Софи в свою очередь покраснела и ответила с гневом:

— Я вовсе не такая беспомощная, я не хуже других, сэр Ганнибал. Я правильно предсказала смерть господина Боуринга и прославилась. Теперь я собираюсь в Лондон. Буду зарабатывать гаданием!

— Вас арестуют за мошенничество.

— Нет, я организую все официально. Мое пророчество об этом убийстве в самом деле стало настоящей сенсацией. Я заработаю много денег и через несколько лет выйду в отставку.

— Все эти пророчества — ерунда, — сердито объявил сэр Тревик.

— Ничего подобного. Это была правда, сэр.

— Неужели все это вы прочитали по руке Боуринга?

Мисс Уорри очень странно посмотрела на баронета.

— Я на самом деле сделала это, — объявила она торжественным тоном. — Вы скептик, но на этот раз вы и другие шуты вынуждены будете признать правду. — И, сказав это, женщина вышла из комнаты с куда меньшей кротостью, чем обычно.

— Она сильно изменилась за последнее время, — заметила Дерика, глядя на отца. — Успех этого пророчества, похоже, свел ее с ума. Раньше она была тише воды, ниже травы, а теперь и со мной ведет себя довольно грубо. Я даже рада, что она хочет уйти.

— Я тоже, — сказал сэр Тревик с мрачным вздохом. — Только выглядит все это так, словно крысы бегут с тонущего корабля. Без господина Боуринга я и в самом деле не знаю, где брать наличные.

— Подождем, пока не зачитают завещание, — сказала девушка, ласково погладив отца по руке. — Быть может, он упомянул тебя в завещании.

— Пф! Не слишком-то верится, это не в его характере. — заметил старый аристократ. — Однако ты должна поехать со мной и послушать.

— Зачем? Неужели без этого нельзя обойтись?

— Нельзя. Я не хотел бы оказаться один в мрачном доме, где будет только экономка и безумный наследник. Конечно, если ты боишься Моргана...

— Я ничего не боюсь, — едва заметно улыбнувшись, отозвалась Дерика. — Я поеду с тобой, отец, и, возможно, мы в самом деле услышим что-то полезное.

Как и многие девушки ее возраста, мисс Тревик хотела вести спокойную, беззаботную жизнь, не думая о хлебе насущном. Но чувство долга не оставляло ей другого выбора. Сэр Ганнибал напоминал большого ребенка, и за ним нужно было присматривать. Дерика ждала того дня, когда ее отец женится во второй раз и присматривать за ним начнет кто-то другой. Тогда девушка и в самом деле смогла бы стать женой господина Форда и по крайней мере какое-то время быть счастливой.

Вот так и вышло, что сэр Ганнибал с дочерью сразу после похорон вновь отправились в Грандж. Тело Боуринга похоронили на кладбище Санкт-Эвалдс. Мария Крент, желая прославить своего мертвого хозяина, предложила похоронить его в семейном склепе Тревиков, в деревенской церкви недалеко от Гранджа, но баронет категорически отказался, и миллионеру пришлось довольствоваться менее аристократическим местом упокоения. В этот день чуть ли не все жители Санкт-Эвалдса шли за гробом — не потому что они так сильно любили господина Боуринга, а из-за того, что его смерть стала громким событием.

Миссис Крент была на похоронах вместе с Морганом, который в новом черном костюме выглядел еще более неотесанным и неуклюжим, чем обычно. А когда все закончилось, те, кого пригласил адвокат, отправились в Грандж — узнать, как покойник распорядился своими земными богатствами.

Все приглашенные расположились в большой гостиной — сумрачной комнате, окна которой выходили на террасу, построенную из мрачного серого камня. Лондонский адвокат, подтянутый молодой человек, готовился

зачитать последнюю волю усопшего.

Экономка, как обычно, посадила Моргана между собой и своей дочкой, выглядевшей точь-в-точь как кукла. Сэр Ганнибал с дочерью сели с другой стороны. Кроме них в комнате присутствовали деловые партнеры Боуринга, а также толпа слуг. Никто не ждал никаких неожиданностей от этого действия, особенно миссис Крент. Все считали, что миллионер оставит основной капитал своему сыну и, возможно, назначит ему опекуна. Мария молилась, чтобы ее назначили заботиться о слабоумном наследнике. Тогда она открыла бы для себя неиссякаемую золотую жилу. Поэтому, увидев сэра Ганнибала, миссис Крент скривилась. Больше всего она боялась, что, несмотря на открыто враждебное отношение к баронету, Боуринг мог назначить опекуном своему сыну его. В этом случае ее могли просто-напросто уволить.

Но ни миссис Крент, ни все остальные собравшиеся в комнате не ожидали услышать того, что было в итоге сказано. После объявления мелких сумм, завещанных служащим и друзьям, оказалось, что основной капитал и все имущество господин Джон Боуринг оставил сэру Ганнибалу Тревику.

Морган оказался лишен наследства. Все досталось баронету. Экономка вскочила со своего места. Глаза ее горели.

— Вы... Вы из-за этого и убили бедного Боуринга! — прокричала она, потрясая кулаками.

Глава V Дальнейшие события

Мария Крент была вне себя от гнева, когда напрямую обвинила сэра Ганнибала. Обычно эта невысокая и полная пожилая женщина с маленькими свинячьими глазами, красным лицом и крашеными волосами не могла считаться красивой, но в тот момент, охваченная пламенной яростью, она напоминала Свободу на баррикадах [5]. Не было бы преувеличением сказать, что, будь госпожа Крент в силах, она тут же убила бы баронета. Она и в самом деле бросилась вперед, словно собираясь вцепиться ему в лицо. И только испуганная дочь, которая держала ее сзади, смогла остановить разгневанную экономку. Можно сказать, что в миссис Крент словно вселился бес.

Сэр Ганнибал при этом даже не дрогнул. Он был выше этого. Не поднимаясь со своего места, он вставил монокль в глаз и посмотрел на разъяренную женщину. Если даже он и побледнел, то никто этого не заметил. Только мисс Уорри напряглась, внимательно следя за каждым его движением. Почему происходящее столь сильно взволновало ее, было непонятно. Однако она смотрела скорее на своего работодателя, чем на миссис Крент. Остальных присутствующих встревожило поведение экономки. Они замерли, переглядываясь в ужасе.

— Вы убили моего хозяина! — редела миссис Крент, сжав пухлые руки в кулаки и трясясь всем телом от ярости.

Сэр Ганнибал так и не пошевелился.

— Подобное обвинение не стоит даже опровергать, — спокойно и совершенно уверенно произнес он. — Мой покойный друг...

— Друг! — взорвалась экономка. — Встречаясь, вы всякий раз ссорились как кошка с собакой!

— Что-то я не припомню, госпожа Крент, чтобы вы присутствовали при наших встречах, — сухо возразил баронет. — Так что я не понимаю, на чем строится ваша уверенность.

— Я знаю! Я-то знаю! — бормотала Мария. — Господин Боуринг никогда вас не любил. Еще с тех пор, как вы вместе были в Африке... Как бы вы ни юлили, сэр, вы никогда не осмелитесь рассказать правду о тех днях!

— Господин Граттон, прошу прощения за то, что вас так грубо перебили, — все так же спокойно и невозмутимо продолжал сэр Тревик, повернувшись к адвокату. — И более того, мне жаль, что все это

происходит в моем доме, — а после этого бросил холодный взгляд на миссис Крент.

— Ваш дом! — возмущенно закричала экономка.

— Если вы забыли, этот дом был арендован вашим хозяином, а мне он достался от предков.

— Я думаю, что вам лучше снова присесть, — обратился адвокат к миссис Крент. — Я еще не закончил зачтение завещания.

— Да, да, мама, — позвала Дженни, потянув мать за юбку. — Ты напугала Моргана.

Молодой человек и в самом деле выглядел испуганным. Его обыкновенно бледное лицо посерело от страха. Взгляд его больших глаз метался по комнате, будто молодой человек искал убежище. Он нервно облизывал нездорово красные губы. Дерика, которая спокойно сидела и наблюдала за происходящим, не могла понять: как мог господин Боуринг всерьез предлагать ей выйти замуж за этого безумца? А потом девушка подумала о том, как мог ее отец дать согласие на подобный союз. Но теперь не было необходимости приносить ее в жертву: деньги, столь необходимые сэру Ганнибалу, пришли к нему сами, безо всяких условий. Но почему Боуринг написал такое завещание? Между тем господин Граттон продолжал чтение:

— Я хотел бы, чтобы мой старый друг сэр Тревик выдал свою дочь замуж за моего сына Моргана по известным ему причинам...

— Простите, — перебил адвоката сэр Ганнибал, подняв свою белую руку. — Мне не известны причины, по которым подобный брак должен был бы состояться. Если это непременно условие для того, чтобы получить наследство, я от него отказываюсь.

— Это не условие, — спокойно ответил мистер Граттон. — Вы в любом случае наследуете имущество. Но мой покойный клиент желал бы, чтобы мисс Тревик вышла замуж за молодого господина Боуринга, — и он посмотрел на Моргана, который неожиданно с интересом уставился на Дерика.

Девушка по-прежнему казалась совершенно равнодушной, словно речь шла вовсе не о ней.

— Что будет, если мисс Тревик откажется от него? — спросила миссис Крент.

— А она непременно откажется, — твердым, ясным голосом добавила Дерика.

— Если так, — Граттон пожал плечами, — ничего не изменится. В любом случае сэр Ганнибал получит наследство.

— А я стану нищим? — спросил Морган, впервые подав голос.

— Нет. Сэр Ганнибал, согласно завещанию, должен выплачивать вам двести фунтов в год, а также любые дополнительные суммы, которые сможет найти уместными.

— Выходит, мой бедный мальчик не получит ни одного пенни! — возопила Мария, вытирая покрасневшие глаза. — Ах, господа, простите, что я так говорю о Моргане, но я нянчила его много лет, еще с тех давних времен в Африке. Он мне как родной, и я с ужасом думаю, что он будет выброшен в этот беспощадный, безумный мир с его жестокостью, бесчестностью, ужасами...

Но прежде чем пожилая экономка закончила, вмешался баронет.

— Вы преувеличиваете, — резко объявил он. — Морган будет получать двести фунтов в год и еще столько, сколько будет необходимо, в разумных пределах.

— И это из шестидесяти тысяч в год! — с холодной яростью вспыхнула женщина. — Спасибо и на том вам, сэр Тревик. Что за злодейское завещание!

— Однако я думаю, будет лучше, сэр Ганнибал, если вы выполните пожелание покойного и выдадите мисс Тревик замуж за господина Моргана Боуринга, — продолжал адвокат.

— Выйти за него замуж! — взорвалась Дерика, неожиданно вскочив на ноги. — Вы в своем уме, господин Граттон?! Этот человек не приспособлен для семейной жизни.

Однако ответил ей не адвокат, а сам младший Боуринг.

— А если я люблю тебя? — неожиданно пролепетал он. Однако прежде чем он успел сказать что-нибудь еще, госпожа Крент усадила его назад на место.

Дерика побледнела. Было что-то животное в полубезумном взгляде, которым окидывал ее Морган. Дикий взгляд, неуверенные движения, бледное лицо с алыми губами и слабый подбородок — в целом он выглядел отталкивающе, словно болотная змея. И хотя девушка была сильной духом, под взглядом безумца ее природная женская робость вышла на поверхность. Кусая губы, чтобы подавить надвигающуюся истерику, мисс Тревик поднялась со своего места и выбежала из комнаты. Тощая мисс Уорри немедленно последовала за ней. Сэр Ганнибал не растерялся.

— Моя дочь не сможет выйти за вас замуж, господин Боуринг, — холодно сказал он. — Она уже обручена.

— Но вы не сможете взять деньги моего отца, если она не выйдет за меня, — прорычал Морган.

— Эти деньги не ваши, а мои, — поправил сэр Тревик, глядя на молодого человека, который теперь стал нищим, словно на голодного пса. — Но вы можете не беспокоиться, о вас будут хорошо заботиться.

— Я не хочу находиться под присмотром, — пробормотал тот. — Я свободный человек. Мне не нужно никакого присмотра!

— Тише, тише, милый, — прошептала его сиделка.

[И **и** кто вас запирает не станет. Вы будете жить с вашей любимой Марией.

— Это целиком и полностью зависит от того, как вы будете себя вести, миссис Крент, — злобно проговорил Ганнибал. — Если я буду вынужден принять меры, чтобы оградить господина...

Рычание Моргана заставило его остановиться и откинуться на спинку стула. Мария начала что-то нашептывать безумцу на ухо, бросив предупреждающий взгляд в сторону баронета.

— Если вы выведете его из себя, я не буду нести никакой ответственности за его поведение, — резко сказала она, — и даже если вы захотите меня прогнать, я не уйду, пока ваша дочь не выйдет замуж за Моргана.

— И я, — проворчал Боуринг-младший.

Сэр Тревик растерялся. Речь и внешний вид этого существа были так ужасны, что одна мысль о том, чтобы выдать за него дочь, вызывала омерзение. И теперь, испугавшись, старый аристократ не знал, что сказать. Он ужаснулся, подумав, что его Дерика может оказаться рядом с подобным созданием. Впрочем, он вспомнил, что ему уже не придется идти на подобную жертву, чтобы заполучить деньги, и эта мысль придала ему храбрости.

— Вы закончили? — спросил он Граттона ледяным тоном.

— Почти, — ответил адвокат и продолжил зачитывать различные инструкции, касающиеся недвижимости, а также подробности содержания миссис Крент, которой полагалось по завещанию сто фунтов в год. Кроме того, ее можно было или отпустить, или оставить в качестве опекуна Моргана, на усмотрение сэра Ганнибала.

— Два фунта в неделю! — вновь закричала Мария. — Как жестоко! И это Джон Боуринг, которому я честно прослужила столько лет!

— Я прослежу, чтобы вы не остались в обиде, — великодушно объявил сэр Ганнибал.

Экономка вновь зыркнула так, словно была готова наброситься на счастливого наследника состояния Боуринга. Но тут ее внимание переключилось на других присутствующих, которые тоже надеялись

получить какие-то деньги, но оказались разочарованы. Они все как один возмущались, что сэр Тревик, хоть и не связанный кровно с господином Боурингом, должен был унаследовать все. Некоторые даже стали намекать, что слова госпожи Крент могут оказаться правдой. Баронет поморщился. Все эти разговоры были ему неприятны. Он поднял руку.

— Мне нет необходимости говорить что-то в свою защиту, — спокойно объявил аристократ. — Всем известно, что во время убийства я находился у себя дома. Мы как раз устраивали благотворительную ярмарку. Более того, у меня не было никаких причин убивать своего друга.

— Вы сделали это, чтобы получить деньги, — злобно отрезала Мария.

— Если вы скажете это еще раз, — спокойно ответил баронет, — то я отошлю вас, и вы не увидите ни гроша сверх ста фунтов в год.

— И вы заберете у меня Моргана? — задохнулась она. — Вы не сможете!

— Вы слышали завещание и знаете, что у меня есть неограниченная власть, — резко объявил сэр Ганнибал. — И, так как нет необходимости затягивать эту сцену, я желаю вам всем всего хорошего. Вас, господин Гратгон, я жду у себя в Санкт-Эвалдсе — нам нужно обсудить дальнейшие действия с ценными бумагами. Миссис Крент, господин Боуринг, вы можете оставаться здесь до тех пор, пока я не решу, что с вами делать. А теперь доброго всем дня.

Вежливо поклонившись, аристократ встал и величественно покинул комнату, оставив разочарованных родственников и знакомых утешать друг друга. Однако все, кто находился в комнате, под напором разочарования решили, что убийца миллионера — именно сэр Тревик.

Домой баронет ехал молча, обдумывая, что он станет делать, получив деньги господина Боуринга. Дерика же до сих пор чувствовала себя не в своей тарелке, вспоминая взгляд Моргана и рисуя себе картины тех ужасов, к которым могли бы привести ухаживания сумасшедшего. А мисс Уорри, усталая и мрачная, уставилась прямо перед собой, иногда бросая косой взгляд на своего работодателя. Однако потом, когда сэр Ганнибал улыбнулся, она тоже улыбнулась в ответ. Возможно, Софи подумала о своем пророчестве, которое сбылось. Но какой бы ни была причина ее улыбки, раз появившись, она оставалась на лице женщины до конца поездки.

Оказавшись дома, мисс Тревик собралась было сразу удалиться в свою комнату, но отец попросил ее пройти с ним в библиотеку. Она последовала за ним без особого энтузиазма, но, услышав, что хотел от нее отец, тут же приняла боевую стойку.

— Дитя мое, — сказал он кротко. — По милости провидения, — он с явным удовольствием произнес эти слова, — все мои финансовые трудности неожиданно закончились. На полученные деньги мы сможем и дальше вести ту жизнь, какая подобает нашему положению. Я хотел бы обновить Грандж и вернуться в дом моих предков. Тебе же, Дерика, стоило бы найти себе партию получше, чем тот юноша, которого ты мне представляла.

Девушка в упор посмотрела на отца, который тут же отвел глаза. Ее лицо начало наливаться румянцем.

— Всего час назад ты объявил при всех, что я помолвлена.

— Лишь для того, чтобы отделаться от этого безумца, моя милая. Я не хотел, чтобы ты выходила за него замуж. Но теперь, с твоей красотой и моими деньгами...

— Деньгами господина Боуринга, — резко напомнила ему Дерика.

— Теперь уже моими, — объявил баронет. — С моими деньгами, моя дорогая, я думаю, ты должна выйти замуж за титулованную особу.

— Ты так заботишься о титулах, словно живешь в Бейсуотер [\[6\]](#), — усмехнулась мисс Тревик. — Впрочем, думай о себе что хочешь, а я собираюсь выйти замуж за Освальда Форда.

— Нет. Теперь он тебе не пара.

— Я намерена вступить в брак с Освальдом Фордом, — медленно и отчетливо проговорила девушка. — И выйду за него, так или иначе.

— И ты, Дерика, бросишь своего старого отца?!

Он произнес это с пафосом, который, однако, ничуть не тронул его собеседницу.

— Думаю, ты и сам сможешь о себе позаботиться, — холодно заметила она.

Сэр Ганнибал покраснел:

— Я не понимаю...

— Думаю, ты отлично все понимаешь, папочка! — ответила мисс Тревик, подойдя к двери. — Я пойду отдохнуть и, думаю, нет никакой необходимости возвращаться к этой теме. Что бы ты ни говорил, мое решение останется неизменным.

— Дерика, я запрещаю... — начал было возмущенный отец, но его слова повисли в воздухе. Дверь открылась и тут же закрылась, и он остался наедине со злостью от поведения дочери. Пожилой аристократ отлично знал, что никогда не смог бы принудить ее повиноваться. В течение многих лет девушка фактически руководила всем, что происходило в их семье. Пока они были бедны, все шло хорошо. Сэр Ганнибал не задумываясь

отдал власть в руки дочери. Однако теперь, когда в руках баронета оказалось достаточно средств, он захотел самоутвердиться. С раздражением он был вынужден признаться себе, что, впервые попытавшись взять семейные дела в свои руки, потерпел полное фиаско.

— Она не выйдет замуж за Форда, — пробормотал Тревик себе под нос, расхаживая по библиотеке. — Если же она поступит вопреки моему желанию, то не получит ни одного пенни. Что до меня, — тут он бросил взгляд в ближайшее зеркало, — то я все еще достаточно молод, чтобы жениться и зачать наследника. Тогда пускай Дерика заботится о себе сама, и...

Тут резкий стук в дверь заставил баронета вздрогнуть. После смерти господина Боуринга его нервы определенно сдали.

— Войдите! — нервно воскликнул он, а когда двери открылись, медленно произнес: — А, это вы мисс Уор-ри!.. Я занят.

— Мне очень жаль, — сказала тощая гувернантка, сжимая на груди тонкие руки. — Но завтра утром я уезжаю в город, и у меня не будет времени поговорить с вами.

— Я действительно не понимаю, о чем тут говорить, — холодно объявил сэр Ганнибал. — Вы хотите уйти, хотя сейчас для этого не самое подходящее время. Впрочем, теперь, с этим наследством, все проще. Завтра, мисс Уорри, вы получите полную зарплату за год, и тогда мы можем попрощаться навсегда.

— О, нет... не навсегда, — вздохнула Софи и запустила руку в бархатную сумочку, свисавшую с ее запястья, а потом выудила оттуда носовой платок. — Я не могу потерять вас из виду.

— Ну, ну, вы всегда сможете приехать и повидаться с Дерикой.

— Я говорила о вас, мой милый сэр Ганнибал, — простонала женщина.

— Я очень благодарен вам, мисс Уорри, но уверен, что вы переживете без моей компании.

— Никогда! Никогда! — и предсказательница закатила глаза к потолку. — В такое время мое место рядом с вами! Вам сейчас не обойтись без кого-то из старых друзей.

Сэр Тревик вздрогнул, хотя комната была очень теплой и в ней не было никаких сквозняков.

— Что вы имеете в виду? — быстро спросил сэр Тревик.

— Обвинения этой ужасной женщины.

— Пф! Ерунда! Она не сможет ничего доказать.

— А есть что доказывать? — поинтересовалась гувернантка, опуская

платок.

— Н-нет, конечно, ничего такого нет, — пробормотал баронет, чувствуя себя неуютно под взглядом ее серых глаз.

— Но люди так подозрительны, — продолжала Софи. — Они выслушают обвинения госпожи Крент, потом еще добавят от себя, и...

— Им нечего добавить, — быстро прервал ее сэр Ганнибал. — Я, как уже говорил, все это время находился здесь, на ярмарке, а убийство произошло за много миль отсюда. Нет ничего, что могло бы связать меня с этим преступлением. К тому же, между нами говоря, мисс Уорри, я никогда не смог бы хладнокровно убить своего ближнего.

— Люди редко убивают хладнокровно, — со значением пробормотала гадалка. — Резкое слово или два, удар — и все кончено.

— Ну, в этом случае был выстрел из пистолета, — сухо сказал старый аристократ. — А вы, мисс Уорри, тоже собираетесь обвинить меня в совершении преступления?

Гувернантка всплеснула руками:

— Нет, нет, конечно! — воскликнула она, взмахнув платком. — Дорогой сэр Ганнибал, как вы можете так плохо обо мне думать?! Но люди... Вы же знаете, как они болтливы и подозрительны. О вас станут говорить и не такое.

— Пусть говорят.

— Это может принести вам неприятности.

— Пф! Шестьдесят тысяч в год помогут мне закрыть все рты.

— Ну, — протянула мисс Уорри, убирая платок. — Если хотите, я оставлю вам свой адрес. Быть может, мне удастся помочь вам.

— В каком смысле?

— Быть может, мне удастся помочь вам, — повторила Софи, направляясь к двери.

Сэр Тревик преградил ей дорогу.

— Вам известно что-то, способное пролить свет на это преступление? — поинтересовался он.

— Я этого не говорила. Но в моих силах помочь вам.

— Это как-то связано с черепом, который вы упоминали?

— Связано без сомнения. Ох... — гадалка всплеснула руками и усмехнулась. — Вы можете положиться на меня, сэр Ганнибал, — и, сделав реверанс, она покинула библиотеку, оставив хозяина расстроенным ее таинственными намеками.

— Что она знает о Мертвой голове? — спросил он сам себя с беспокойством. Но мисс Уорри не было в библиотеке, и ответить было

некому.

Глава VI Дипломатия миссис Крент

«Деньги не приносят счастья!»

Сэр Ганнибал быстро понял, что эта пословица, безусловно, верна, по крайней мере, в его случае. С тех пор, как он прибыл из Африки, чтобы обосноваться в Санкт-Эвалдсе, его жизнь была довольно спокойной, несмотря на вечные неприятности с деньгами. Но теперь именно то, что неприятности были устранены, вынесло его в бурный водоворот событий. Сплетни, как и предсказывала мисс Уорри, раздули обвинения в его адрес. Среди местных жителей росли подозрения в том, что старый аристократ и впрямь был замешан в убийстве.

Конечно, никто не был достаточно смел или нагл, чтобы выйти и открыто обвинить сэра Тревика. Случись это, баронет мог бы положить конец скандалу прямым отрицанием своей причастности к убийству.

Вместо этого люди шептались о том, как кстати прихлась Тревику смерть миллионера, подарившая ему приличный доход. В чайных салонах, в гостиных замужних дам, в трактирах и на перекрестках — везде обсуждали сэра Ганнибала. Никто не был в состоянии объяснить, каким именно образом он мог оказаться причастен к преступлению, так как всем было известно, что во время убийства баронет находился на ярмарке. Поэтому начались толки о сообщнике, которому баронет приказал скатить камень на шоссе, а если жертва переживет аварию, завершить дело при помощи револьвера. Мотив преступления был очевиден: наследство. Ни для кого не было секретом, что Ганнибал отчаянно нуждался в деньгах.

— Все это ерунда, — объявила мисс Энн Стреттон, которая, несмотря ни на что, защищала аристократа. — Сэр Ганнибал просто не способен на такое злодейство.

Она сказала это господину Пенрифу — не совсем подходящему слушателю для подобных откровений, так как Ральф явно ревновал ее к баронету.

— Не понимаю, почему вы считаете, что он не способен на убийство, — угрюмо прорычал Пенриф. — Любой бы сделал подобное ради денег.

— Не стоит всех судить по себе, — с презрением произнесла мисс Стреттон.

— При чем тут я? Все знали, что он в отчаянном положении. Впрочем, я понимаю, почему вы его защищаете. Вы же собираетесь выйти за него

замуж!

— Это он хочет жениться на мне, — девушка довольно рассмеялась. — Но я не совсем уверена, что приму его предложение.

— Энн, вы отлично знаете, что я люблю вас.

— Мой дорогой Ральф, вы бываете очень милы и к тому же неплохо выглядите. Но все-таки у вас очень мало денег, и ваша мать не склонна сдавать свои позиции. Она — хозяйка вашего дома.

— Она сделает все, как вы пожелаете, если вы выйдете за меня замуж, — объявил молодой человек.

Мисс Стреттон покачала головой.

— Ваша мама не любит меня, — таков был ее ответ. — Она всякий раз радуется, когда я ухожу от вас. Я всего лишь бедная художница, но она считает меня недостаточно хорошей, чтобы быть достойной носить фамилию Пенриф.

— Но я-то думаю, что вы более чем достойны! Мисс Энн Стреттон, вы должны выйти за меня замуж.

— Нет. То есть... Я не могу дать вам ответ сейчас.

Господин Пенриф побелел от ярости:

— Значит, вы хотите выйти замуж за старика?

— Он не так уж стар и отлично сохранился. Кроме того, Ральф, у него доход шестьдесят тысяч в год.

— К тому же он — убийца.

— У вас нет права так говорить, — резко ответила Энн.

— Я буду говорить, что хочу и когда хочу.

— Как грубо! Да уж, хорошим же мужем вы бы мне были!

— Нет! Нет! Вы меня не так поняли, — только теперь Пенриф осознал, что зашел слишком далеко. — Можете поправить меня, если хотите, но я не думаю, что вы и в самом деле мечтаете выйти замуж за этого старика. Нам с вами будет хорошо вместе. Мы будем счастливы.

— Гм... Я в этом не так уверена, — ответила девушка. Но, не желая прогонять его и лишаться запасного варианта, она добавила: — Простите, но я пока не могу дать вам ответ.

— Вот как, — проворчал Ральф. Его обычно красное лицо стало и вовсе алым. — Вы выйдете за меня замуж, если сэр Ганнибал откажет вам!

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросила Энн. — Позвольте мне заметить, господин Пенриф, — неожиданно ее тон стал совсем официальным, — что я не та женщина, которой можно отказать. Сэр Ганнибал хочет на мне жениться. И у меня есть тому доказательства, — и тут ее рука скользнула в карман платья.

Господин Пенриф проследил за ее движением.

— Он написал вам письмо? — спросил он настороженно.

— Может быть, — неопределенно ответила девушка. — Во всяком случае, я пока не решаюсь принять его предложение, — она, скривившись, посмотрела на влюбленного молодого человека. — Конечно, я могла бы стать миссис Пенриф, но лишь на определенных условиях.

— Условиях! — молодой человек уставился на свою возлюбленную с открытым ртом.

Энн положила на его руку свою миниатюрную ладонь.

— Мой дорогой Ральф, — продолжала она серьезным тоном, — о сэре Ганнибале ходит много разных слухов, которым я не верю ни на минуту. Я слышала, что вы говорили о нем разные гадости. Однако если вы желаете, чтобы мы оставались друзьями, я попрошу вас держать язык за зубами.

— Вот, значит, каково ваше условие? — проговорил господин Пенриф, и лицо его побледнело от гнева. — Ну что ж, я расскажу правду о сэре Ганнибале в полиции. Тогда его повесят, а вы станете моей женой.

— Значит, вам есть что сказать?

— Не сомневайтесь! Я знаю, что вы намерены выйти за него замуж, я же решил, что этого не допущу. Энн, он убийца!

Энн Стреттон ахнула:

— Как вы можете так говорить? Что вам известно?

— Я знаю парня по имени Полуин...

— Это слуга сэра Тревика!

— Да. Так вот, этот Иосия Полуин говорил, что сразу после того, как мы — вы и я — покинули праздник, сэр Ганнибал уехал куда-то на мопеде.

— Смешно! Вы ехали так медленно, что мы бы непременно встретились с ним на дороге.

— Нет, потому что он поехал другой дорогой.

— Все равно он не мог проехать туда так, чтобы его никто не видел, — сухо заметила Энн.

— А Полуин утверждает, что Тревик именно так и сделал. Сел на мопед и уехал, оставил дом и покатил в сторону карьеров. Именно тех карьеров, что неподалеку от места преступления, — тут Ральф ехидно усмехнулся. — Так что я считаю, что сэр Ганнибал отправился туда и убил господина Боуринга, потом развернул мопед и вернулся на праздник до конца вечера. Он легко мог обернуться в полчаса, а то и еще быстрее.

— Я в это не верю, — объявила мисс Стреттон. — И я попрошу вас: не трогайте сэра Ганнибала. Он мой друг, и я не дам его оклеветать.

Молодой человек осклабился:

— Будущая леди Тревик не хочет, чтобы ее мужа повесили.
— Не мелите чепухи. Виселица ему не угрожает.
— Угрожает, и еще как. В любом случае ему придется оставить Санкт-Эвалдс. Тут все настроены против него, и если он останется, толпа его просто линчует.

Несомненно, так могло случиться — Энн была в этом уверена. К тому же она сама задавалась вопросом: не сэр ли Ганнибал в самом деле убил господина Боуринга. На быстром мопеде — а девушка знала, что баронет отлично водил мопед — он мог быстро добраться до карьера, где произошло убийство. Другая дорога в самом деле существовала, и по ней до места преступления можно было добраться незаметно. Тревик мог приехать туда задолго до Боуринга, а потом с помощью рычага сбросить на дорогу массивный камень. А застрелив миллионера, он легко мог вернуться на дорогу, где оставил мопед, и через двадцать минут после совершения преступления уже снова быть с гостями, обеспечив себе алиби. В таком ключе все выглядело весьма неприятно, по крайней мере, для баронета.

Мисс Стреттон была из тех дамочек, которые быстро принимают выгодные для себя решения. Она, как правильно догадалась Дерика, была авантюристкой и не стеснялась в средствах, когда ей требовалось добиться своего. В этом случае она была рада слышать об опасности, угрожающей сэру Ганнибалу, поскольку это давало ей шанс спасти его, заслужив тем самым вечную благодарность новоиспеченного богача. Аристократ был готов жениться на ней, и даже если он и в самом деле совершил убийство, стоил он сейчас шестьдесят тысяч фунтов в год. Правда, у господина Пенрифа тоже были деньги, и он был сильно влюблен в мисс Стреттон, вот только его мать ее ненавидела. Кроме того, Ральф мог взбунтоваться после свадьбы: в нем была некая природная грубость, а сэр Ганнибал был джентльменом, баронетом, богатым человеком и имел легкий характер. Именно он был тем мужчиной, за которого Энн хотела бы выйти замуж, поэтому после разговора с Пенрифом она решила поговорить с сэром Тревиком и напугать его рассказом Ральфа о том, что видел Полуин. Это помогло бы ей вынудить Ганнибала уехать в Лондон и взять ее в жены. А потом они на несколько лет поехали бы за границу, пока скандал, связанный с этим преступлением, не утихнет, и все стало бы хорошо.

Составив план действий, мисс Стреттон взялась за дело. Она спешила воспользоваться отсутствием Дерика: эта острая на язык юная дама действовала ей на нервы. А посему мисс Стреттон немедленно отправилась в гости к сэру Тревику.

— Сэр Ганнибал дома? — спросила она, когда ей открыли.

— Да, мисс, — ответил слуга. — Но он занят.

— Я хочу увидеть его. Скоро ли он освободится?

— Не могу сказать. С ним миссис Крент.

— О... — протянула Энн. Ей было очень интересно, о чем госпожа Крент говорила с баронетом. — Ну, тогда я подожду. Я собираюсь в Лондон и хотела бы увидеть сэра Ганнибала, прежде чем покину Санкт-Эвалдс.

Слуга, зная, что эта юная художница — большой друг его хозяина, сразу отвел ее в гостиную. Та была небольшой, как и все комнаты в доме, и имела французские окна, выходящие на небольшую террасу. Подойдя к окну, чтобы полюбоваться на пляж и залив, мисс Стреттон услышала два голоса. Потом она вспомнила, что библиотека расположена рядом с гостиной и что у нее тоже были французские окна, выходящие на террасу. Заглянув за угол, гостя увидела, что одно из окон открыто, а четкость голосов подсказала ей, что разговаривающие стоят как раз у самого окна. Со своего места мисс Энн хорошо слышала то, о чем говорили в библиотеке. Поэтому она осторожно присела в кресло у окна, решив воспользоваться выпавшим шансом и подслушать эту беседу. Голос сэра Ганнибала она узнала сразу — изысканный и приятный. Другой, женский, но гораздо более грубый, скорее всего, принадлежал Марии Крент. Не подозревая, что их кто-то слышит, хозяин дома и сиделка говорили на повышенных тонах. Энн слушала их очень внимательно.

Если бы она могла видеть сквозь стену, то увидела бы, что миссис Крент сидит у стола возле открытого окна. Дородная женщина была одета в черное, но, видимо, этот цвет ей не нравился, и она добавила к своему наряду желтый платок и несколько серебряных украшений. Кроме того, у нее была красная кожаная сумочка и зеленый зонтик, который странным образом контрастировал с платьем. Ее лицо было краснее обычного, и она часто вытирала его лиловым платком. Сэр Ганнибал, изысканный и хорошо воспитанный, кривился от присутствия этой женщины в своей библиотеке. Но он ничего не мог сделать, так как госпожа Крент пришла по делу и им было что сказать друг другу. В тот момент, когда мисс Стреттон «присоединилась» к их разговору, Мария многословно излагала свои претензии по поводу наследства покойного.

— Я прослужила господину Боурингу двадцать лет, — грубым голосом заявила она. — И он обещал заботиться обо мне.

— Он оставил вам сотню в год, — невозмутимо проговорил баронет.

— Это ничего не значит. Это — гроши! Я хочу от вас по меньшей мере тысячу.

— Что?! И это после того, как вы, миссис Крент, обвинили меня...

— Сэр... — пожилая женщина поднялась и сложила на груди пухлые руки. — Прошу прощения за те слова. Я была не в себе, когда это говорила. Я совершенно уверена, что вы не имеете никакого отношения к случившемуся.

— Хорошо! Тогда, возможно, госпожа Крент, вы расскажете об этом местным жителям и газетчикам и вернете мне популярность и доброе имя, которое я потерял из-за ваших беспочвенных обвинений?

— Я не слышала, чтобы кто-то плохо говорил о вас.

— Это не так, — спокойно возразил сэр Ганнибал. — Все в округе, кажется, считают, что это я убил Боуринга, и, судя по всему, это результат ваших диких обвинений.

— Мне очень жаль, что так вышло, — запнулась Мария, отчаянно пытаюсь умиловить собеседника. — Пожалуй, я сказала лишнего. Но знаете, сэр, — многозначительно добавила она, — пусть об этом я никому и не говорила, но мистер Боуринг опасался смерти от вашей руки.

Сэр Тревик изучал собственные ногти, не поднимая глаз.

— У господина Боуринга не было никаких оснований так думать, — медленно проговорил он. — Это правда, что в Африке мы вместе занимались бизнесом, и он не очень-то хорошо со мной обходился. Но он сполна загладил свою вину, оставив мне деньги.

— И все думают, что вы и убили его из-за денег.

— Они не правы, я в тот день не покидал этого места. А ваша история, миссис Крент...

— Простите, что я так сказала... — поспешно перебила она. — Им не следовало так легко верить каждому моему слову. Я расскажу всем, что вы не имели ничего общего с убийством.

— А вы знаете, кто это сделал, миссис Крент?

— Нет, сэр, я знаю не больше, чем новорожденный ребенок. Но если вы хотите, чтобы люди замолчали, то для этого есть средство.

— Какое же?

— Выдайте вашу дочь замуж за Моргана. Тогда все будут знать, что деньги вернулись к законному наследнику, и ваше имя будет очищено.

— Меня скорее обвинят, если я заставлю свою девочку выйти замуж за сумасшедшего.

— О, нет-нет-нет, — запротестовала экономка, обмахиваясь платком. — Морган не так уж плох. Им легко управлять, хотя сейчас у него и в самом деле не лучшие времена. Мы с Дженни его очень любим. Так что же вы собираетесь делать, сэр Ганнибал?

— Я еще не думал об этом, — раздраженно сказал баронет,

выглядевший крайне утомленным. — Я очень устал от всех этих слухов и обвинений. Но я не могу согласиться на то, чтобы Дерика вышла замуж за Моргана.

— Но, сэр... — задумчиво протянула миссис Крент, чьи маленькие красные глазки ни на секунду не выпускали из поля зрения лицо Тревика. — Предположим, мы объявим что мисс... мисс... я имею в виду вашу дочь... собирается замуж за Моргана... Узнав об этом, люди замолчат. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы замять скандал.

— Моя дочь не выйдет замуж за сумасшедшего, — снова повторил баронет.

— Вам нужно лишь объявить о свадьбе, — настаивала Мария. — Только чтобы заставить их замолчать, сэр!

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался сэр Ганнибал, и подслушивавшая разговор гостя мысленно повторила этот вопрос.

Ни он, ни мисс Стреттон не могли понять, к чему клонит пожилая гостья, у которой, казалось, в рукаве был припрятан козырь. В ответ на вопрос Тревика она лишь многозначительно улыбнулась.

— Рука руку моет, сэр.

— Миссис Крент, я настаиваю, чтобы вы объяснили мне, о чем идет речь.

— Послушайте, сэр, — тут гостья развела в стороны свои пухлые руки, — я всего лишь простая женщина, у меня тяжелая жизнь. Если вы поклянетесь на этой Библии, — она достала из сумочки маленький томик, — что положите мне тысячу в год, я устрою все ваши дела.

— То есть вы хотите сказать, что в самом деле знаете, кто убил господина Боуринга? — спросил Тревик, с яростью отодвинув стул.

— Нет же, — едко возразила госпожа Крент. — Но если вы поклянетесь дать мне тысячу в год, а затем объявите, что ваша дочь выйдет замуж за Моргана, ваша репутация будет восстановлена.

— Не понимаю, как...

— И не поймете, пока не поклянетесь, — она протянула книгу сэру Ганнибалу.

Баронет сгорал от любопытства, желая узнать, что же все-таки известно этой женщине. Он уже отчаялся придумать, как ему восстановить свою репутацию в глазах жителей Санкт-Эвалдса, и потому выхватил Библию из рук гостьи.

— Я дам вам доход в тысячу фунтов в год, если вы исправите положение вещей, — объявил он и поклялся в этом, поцеловав обложку с крестом.

— Ну а теперь, — с улыбкой проговорила Мария, забирая священную книгу у него из рук, — нужно объявить всем, что мисс Тревик выйдет замуж за Моргана, и тогда никто не поверит, что вы убили его отца.

— Моя дочь никогда не выйдет замуж за Моргана, — повторил баронет в третий раз.

— Разумеется, не выйдет, — торжественно воскликнула миссис Крент. — Морган уже женат, и не на ком-то, а на моей дочери Дженни!

Глава VII Бегство

— Морган уже женат, и к тому же на вашей дочери? — с удивлением повторил сэр Ганнибал, а затем лицо его прояснилось. — Это, безусловно, облегчает дело...

— Конечно, сэр. Мисс Тревик не сможет выйти замуж за бедного мальчика, зная, что он муж моей дочери. Итак, вы видите, сэр, что если вы объявите, что готовы позволить Моргану, который является законным наследником, жениться на вашей дочери, люди скажут, что вы невиновны.

— Не совсем понимаю вас, — сухо ответил баронет. — Хотя... Конечно, если объявлю об их браке, люди решат, что я действую исходя из лучших побуждений. Но если брак все же возможен, я ни за что не позволю ему совершиться!

— Этого никогда не произойдет! — с жаром воскликнула миссис Крент. — Дайте мне, Моргану и его жене, то есть моей дочери Дженни, тысячу в год, и оставьте нас в Грандже, и я сделаю так, что вы, сэр, в глазах общества станете невинным, как новорожденный младенец.

— Грандж? Миссис Крент, вы и его хотите добавить к сделке?

Как и все невоспитанные женщины, Мария легко вышла из себя. Теперь, когда она, по ее мнению, почти уговорила баронета, ей совершенно не улыбалось получить отказ. Казалось, еще чуть-чуть, и она лопнет от переполняющей ее ярости.

— Уверена, что прошу не так уж и много, — заявила она, вскочив со своего места. — Морган — сын господина Боуринга, и это он должен иметь доход шестьдесят тысяч в год. Ума не приложу, почему старый Боуринг все оставил вам, но он всегда был негодяем. И если вы не согласитесь с моими справедливыми требованиями, я все свои силы положу на то, чтобы доказать, что именно вы виновны в его смерти.

— Ерунда. Это невозможно!

— Нет ничего невозможного для униженного и оскорбленного, — продолжала упорствовать госпожа Крент. — И позвольте мне сказать, сэр, я не вчера родилась! Как вы со мной, так и я с вами! Ежели не желаете быть мне другом... — задыхаясь от ярости, она сжала пухлые кулачки.

Тут сэр Ганнибал решил, что лучше отступить. Конечно, тот факт, что Морган уже женат, ему на руку: так он может безбоязненно объявить, что Дерика станет женой Боуринга-младшего. Это заявление даст всем понять, что в расчете на этот союз покойный и написал завещание, а значит, и у

сэра Тревика не было никакого резона убивать миллионера. Ради того, чтобы вернуть себе доброе имя, баронет с легкостью бы пожертвовал тысячью в год. Но идея отказаться от Грандж, где он собирался жить сам, не вызывала у него восторга.

— Все по порядку, миссис Крент, — рассудительно произнес аристократ. — Вы получите деньги, и пока я не приму какого-то окончательного решения, вы будете продолжать жить в Грандже.

Мария кивнула, собираясь уходить.

— А на вашем месте, сэр, я бы отправилась прямиком в Лондон, — серьезно сказала она.

— Почему же, госпожа Крент?

— Сегодня базарный день, и люди в торговых рядах непременно станут говорить о вас и вашей причастности к убийству, — объяснила экономка. — Если вас увидят на улице, то могут линчевать. Я даже не удивлюсь, если к вам сюда заявится толпа с факелами и вилами. Рабочие любили мистера Боуринга, он всегда хорошо им платил, и они мечтают поквитаться за него.

Сэр Ганнибал ахнул.

— Что за нелепость! — с негодованием воскликнул он. — Если бы я был виновен, если бы против меня существовали какие-то улики, то, я уверен, полиция бы давным-давно меня арестовала. Я свободный и уважаемый человек, и я не обязан доказывать всем этим людям, что не имею никакого отношения к смерти своего друга!

— Свободный — да, — фыркнула Мария. — И все потому, что вы богаты и титулованы. Все знают, что для таких, как вы, законы не писаны. Один закон для богатых, другой — для бедных. Но уважаемый? Отправьтесь в Санкт-Эвалдс и посмотрите сами, как вас уважают. Впрочем, это не мое дело. Мне пора, сэр.

— Минутку, миссис Крент. Где состоялось бракосочетание вашей дочери и Моргана?

— Ну уж нет, сэр! Пока я не получу свои деньги, я буду молчать. Без меня вы ничего доказать не сможете, и, несмотря на вашу клятву, я не больно-то вам доверяю. Я считаю, что вы каким-то образом замешаны в этом убийстве, но ради Дженни промолчу. Она ведь тоже хочет получить часть денег как миссис Боуринг, и вам придется заплатить и ей, сэр...

Сэр Тревик вновь ахнул от негодования, но его гостья быстро вышла из комнаты. Баронет собирался последовать за ней и потребовать, чтобы она доказала свои обвинения, но по зрелом размышлении решил, что такое поведение будет недостойно, и остался стоять на месте, глубоко

задумавшись.

Его мысли были не из приятных. Он отлично понимал, что если люди начнут копаться в его прошлом, то обнаружат все его дела в Африке с господином Боурингом, а тогда уж все, без сомнения, решат, что он совершил это убийство. Баронет вздрогнул, подумав, что бы случилось, если бы все это стало уделом гласности или об этом узнала бы госпожа Крент. С тех пор, как он унаследовал богатство, каждый выход в город давался ему с трудом: он то и дело ощущал на себе угрюмые взгляды, но ему и в голову не приходило, что на него могут наброситься посреди бела дня. Поэтому, поразмыслив разумно, сэр Тревик решил, что лучше ему воздержаться от поездки в Санкт-Эвалдс или в поселение рабочих. Две недели, прошедшие с момента убийства господина Джона Боуринга, полностью изменили его жизнь. Раньше он был бедным, но уважаемым, теперь стал богатым и находящимся под подозрением...

До ушей аристократа донесся угрюмый рев, исходивший со стороны города. Ганнибал вскочил на ноги. Неужели то, что говорила миссис Крент о людях, готовых напасть на него в собственном доме, было правдой? Быть может, рабочие даже созреют для того, чтобы напасть на него в его собственном доме и отомстить за смерть богатого арендатора. Впрочем, подобная мысль была слишком абсурдна, и сэр Ганнибал отмахнулся от нее, усмехнувшись. Однако ему очень хотелось, чтобы Дерика была рядом и помогла ему принять правильное решение.

И провидение прислало помощь баронету в форме мисс Стреттон, которая прошествовала по террасе и подошла к французскому окну. Она тоже слышала далекий рев и, зная, какие ходят слухи, опасалась, что пророчество миссис Крент может сбыться в ближайшее время. Впрочем, ей это было лишь на руку, ведь такое развитие событий давало ей шанс спасти сэра Ганнибала и таким образом получить его вечную благодарность.

— Мисс Стреттон... Энн, — проговорил хозяин дома, заторопившись к окну, где стояла девушка. — Какая добрая фея прислала вас сюда?

— Моя любовь привела меня к вам, — проговорила Энн. Заходя в комнату, она закрыла за собой французское окно, чтобы приглушить новую волну далекого шума.

— Любовь? — несмотря на свое недоумение, сэр Ганнибал развел руками. — Моя дорогая, так вы готовы выйти за меня замуж?

Мисс Стреттон достала из кармана письмо — то самое, которым дразнила ревнивый взгляд Пенрифа.

— Вы и в самом деле делаете мне предложение? — спросила она.

— Неужели я выразился недостаточно ясно?

— Да. Вы просите меня стать вашей женой, но не говорите, когда свадьба.

— В тот самый миг, моя дорогая, когда вы согласитесь выйти за меня замуж. Мы пойдем в церковь сегодня, если пожелаете.

— В Санкт-Эвалдсе?

— Почему бы и нет?

Мисс Энн Стреттон присела, отстранившись от сэра Ганнибала, который, казалось, готов был задушить ее в объятиях.

— Пока вы говорили с госпожой Крент, я находилась в соседней комнате, — ничуть не смущаясь, объявила она. — Я не собиралась подслушивать, но случайно услышала несколько слов! — таким образом она намекнула, что ей стал известен весь разговор.

— О, я не против! — стремительно воскликнул баронет. — Между нами не будет никаких секретов. Выходит, вы знаете, в каких гадостях обвиняет меня эта женщина?

— Да, но я не верю в это.

— И не верьте! — повторил сэр Тревик, вновь приходя в ярость. — Нет, я, конечно, ничего такого не делал. И с этим убийством у меня нет ничего общего! Я все время был здесь, прогуливался по пляжу, после того как вы с Ральфом уехали. И думал о вас.

Художница хотела было упомянуть о рассказе Полуина про мопед, но по зрелом размышлении не стала этого делать. Разъяснить этот момент можно было бы и позже. А она собиралась еще сказать, что рабочие в городе и в самом деле сильно взволнованы.

А Ганнибал любовался лицом возлюбленной, ничуть не думая об опасности и не обращая внимания на доносящиеся издали зловещие звуки.

— Конечно, я знаю, что вы невинны, — быстро объявила девушка. — Только вот большинство местных жителей думает по-другому, и они готовы напасть на вас прямо в вашем доме и устроить самосуд.

— Чепуха, моя дорогая, — скептически заметил старый аристократ. — Англия — страна законности и порядка. Где-нибудь в глуши подобное, конечно, может случиться, но здесь... — он пожал плечами.

Энн распахнула окно, и в комнату ворвались рассерженные голоса толпы, собиравшейся у дома баронета.

— Послушайте, — сказала она. — Целая орава перед домом.

— Но полиция... Полиция!

— Полиция очень мало что может сделать против разъяренной толпы.

— Я приложу все силы, чтобы негодяи, устроившие все это, оказались

за решеткой, — с ненавистью произнес сэр Тревик. В его голосе не было страха, лишь гнев. — Обвинять меня в смерти Боуринга попросту смешно! — добавил он. — Я должен сам поговорить с ними, — и старик направился к открытому окну, в то время как несколько человек, перебравшись через живую изгородь, заспешили к дому.

Энн быстро втянула его обратно и закрыла окно.

— Нет! — резко объявила она. — С нетрезвыми мужланами спорить бесполезно. Ганнибал, послушайте! Вот что я придумала. Господин Пенриф одолжил мне свою коляску, я оставила ее у черного входа. Вы спрячетесь в ней, и я отвезу вас на станцию Гвинн. А там вы спокойно сядете на экспресс до Лондона.

— Но тем самым я признаю себя виновным! — в смятении воскликнул баронет.

— Но это лучше, чем погибнуть от рук разъяренной толпы, — возразила художница, — все это отребье не станет слушать ваших оправданий.

— Однако тогда меня арестует полиция.

— Тем лучше: в тюрьме вы будете в безопасности! Ну, сэр Ганнибал, — нетерпеливо добавила она. — Лондон или суд Линча? Вы едете?

Аристократ задумался на несколько секунд, однако решение ему помог принять камень, который влетел в дом, разбив одно из окон.

— Я выйду, — поспешно сказал он. — Подгоняйте коляску к тому месту, где мы познакомились.

— На проселочной дороге через пять минут, — быстро объявила девушка. — И не задерживайтесь, чтобы написать записку дочери. Я потом вернусь к ней и все объясню. Идите к черному входу, а я поговорю с этими людьми.

В этот миг сэр Тревик и в самом деле подумал, что лучше всего сделать так, как говорит его гостя. Позорное бегство уязвляло его гордость, но давало шанс, оказавшись под защитой закона, доказать свою невиновность. Баронет поспешно поцеловал Энн и, надев пальто и шляпу, направился в заднюю часть дома, где собрались испуганные слуги. Несколько успокаивающих слов, и он выскочил на проселочную дорогу, где уже стояла коляска. В любое мгновение аристократ ожидал услышать из дома звуки бьющегося стекла или увидеть, как разъяренная толпа выворачивает из-за угла, чтобы убить его. Он ждал, наверное, минут пятнадцать.

Однако Энн Стреттон оказалась на высоте. Она смело шагнула на

террасу через разбитое окно и посмотрела на толпу рассерженных рабочих. Те уставились на нее в удивлении. Многие закричали, что к ним должен выйти сам сэра Ганнибал.

— Сэра Ганнибала здесь нет, — совершенно равнодушным голосом объявила девушка, уверенная, что находится в полной безопасности. — Он уехал в Грандж.

— Мы как раз пришли с той стороны, мисс, — заметил один из рабочих. — И его не встретили.

— Он отправился по другой дороге, так как хотел повидаться с Морганом Боурингом.

Толпа остановилась. Это могло оказаться правдой, и если так оно и было, то явно не стоило бы рисковать оказаться в тюрьме, вломившись в пустой дом. Но один здоровяк, гигантского роста — тот самый, который заговорил первым — вышел вперед.

— Вы хорошо знаете сэра Ганнибала, мисс, — хриплым голосом проговорил он. — Скажите нам, он и в самом деле убил господина Боуринга?

— Конечно, нет, — ответил художница, держа голову высоко поднятой и говоря с полной уверенностью. — Можете мне поверить. Но с чего вы взяли, что я хорошо знакома с сэром Тревиком?

— Так ведь вы ж из его дома вышли, — сказал великан с усмешкой. — Да и я вас помню. Неужто забыли, как я нашел альбом, который вы потеряли на пустошах?

Мисс Энн Стреттон внимательно посмотрела на гиганта.

— Анак^[7]? — сказала она, вспомнив прозвище великана. — Да, я помню вас. Мы говорили о сэре Ганнибале... А вы бригадир рабочих, которых он нанял?

— Нас нанял господин Боуринг, мисс, — с нажимом сказал Анак. — Сэр Ганнибал сдавал карьер господину Боурингу.

— Помню. А вы говорите лучше, чем ваши молодцы, потому что учились в школе, и...

Здесь ее речь прервало рычание толпы, которая устала от ожидания. Анак был их предводителем, поэтому мисс Энн Стретгон, видя, что времени катастрофически не хватает, чтобы сбежать или попытаться спасти дом сэра Ганнибала от разрушения, торопливо продолжила:

— Уведи этих людей подальше, Анак.

— Они хотят встретиться с сэром Ганнибалом, — возразил тот.

— Вы найдете его в Грандже.

Анак посмотрел на Энн странным взглядом и, казалось, поверил ей.

Он резко отвернулся и обратился к своим приятелям-рабочим. Ему вполне хватило нескольких слов. Он сказал, что полиция вскоре может оказаться тут и что хозяин дома, скорее всего, находится в своем родовом поместье. Речь великана возымела хороший эффект, потому что в несколько мгновений большая толпа работяг отступила по аллее, оставив особняк нетронутым, за исключением одного разбитого окна. Энн же поспешила к коляске Пенрифа, где сидел лакей.

— Передайте Пенрифу, что я верну коляску в отель к двум часам, — бросила она.

— А мне что же, остаться здесь? — нерешительно ответил тот.

Энн хлестнула лошадей вожжами.

— Ваша помощь не потребуется. Я сама управлюсь с лошадьми, а к двум часам вернусь. — Ей хватило осторожности не раскрывать цель своего путешествия на случай, если кто-то заподозрит, что она помогла сэру Ганнибалу сбежать.

Вскоре художница обнаружила баронета в шляпе, надвинутой на самые глаза, закутавшегося в свое длинное пальто. Не сказав ни слова, он сел в коляску, и уже через минуту они тряслись по пустынной дороге, которая привела к железнодорожной станции в шести милях от Санкт-Эвалдса. Только когда они оказались достаточно далеко от города, Тревик заговорил:

— Не знаю, как отблагодарить вас за помощь, — сказал он совершенно искренне.

— Я рада, что сумела вам помочь, — ответила мисс Стреттон, уставившись на сэра Ганнибала, и в ее взгляде затаилась какая-то смешинка. — Неужели вы и правда не сердитесь, что я подслушала ваш разговор?

— Как я уже говорил, моя дорогая девочка, между нами не должно быть никаких секретов, — с нетерпением ответил сэр Ганнибал. Он хотел завладеть рукой девушки, но она держала вожжи. — Теперь, когда лед между нами тронулся и вы знаете, что я люблю вас, я не буду ничего от вас скрывать. Мы поженимся?

— Я пока об этом не думала, — задумчиво пробормотала Энн. Она не была уверена, что готова выйти замуж за сэра Ганнибала, пока он не получит деньги. Становиться женой нищего, даже самого обходительного и аристократичного, эта девушка не собиралась.

— А почему мы не можем пожениться, пока я буду в Лондоне? — настаивал баронет.

— А как насчет вашей дочери? — поинтересовалась мисс Энн.

— Деррики? — сэр Ганнибал неопределенно махнул рукой. — Думаю, она будет рада. Она любит вас, моя дорогая Энн.

— Я так не думаю, — сухо ответила женщина. — Тем не менее она не может помешать нашему браку.

— Конечно, нет. Я сам себе хозяин.

— А где она сейчас?

— Она поехала повидаться с другом и сказала, что скоро не вернется.

— Боюсь, она будет сильно удивлена, обнаружив ваш отъезд.

Сэр Тревик пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Я полагаю, она скоро узнает, что причина моего отъезда — настроение горожан в Санкт-Эвалдсе. Кстати, эти вандалы вошли в дом?

— Нет. Я сказала им, что вы в Грандже, и они отправились за вами туда.

— Как же вы умны! Дорогая моя, таких, как вы, — одна на тысячу. Я всегда уважал и любил вас.

Они продолжали обмениваться подобными комплиментами, пока не доехали до станции. Мисс Стреттон была уверена, что теперь быстро обработает сэра Ганнибала и станет распоряжаться доходом в шестьдесят тысяч в год. Ее немного мучила совесть из-за того, как она поступила с господином Пенрифом, который тоже хотел стать ее мужем, но открывающееся перед ней прекрасное будущее того стоило. В целом художница была даже довольна, что сэр Тревик попал в столь затруднительное положение и в какой-то миг стал полностью от нее зависим. Однако она не радовалась бы так сильно, если бы узнала, что когда баронет сел в вагон первого класса, то обнаружил, что в этом же вагоне вместе с ним едет и Дерика. Девушка сидела, удобно устроившись в углу и убрав все свои вещи на полку над головой.

— Что ты здесь делаешь? — удивился ее отец.

— Я еду в Лондон, — ответила она, удивленная столь же сильно. — А ты, папенька, зачем собрался в город?

Сэр Ганнибал объяснил, что случилось, и его дочь пришла в ярость от того, что его заподозрили в таком мерзком преступлении. Когда старик закончил рассказ, мисс Тревик многозначительно заметила:

— А я собиралась в Лондон всего лишь для того, чтобы увидеться с Освальдом.

— Так вот почему ты отправилась в столицу, никому ничего не сказав.

— Да. Я знаю, что если бы попросила меня отпустить, ты бы не согласился. К тому же я уверена, что Освальд — единственный человек,

который мог бы реально помочь нам узнать, кто убил господина Боуринга. Я собираюсь остановиться у тети Лавинии, а затем обратиться к Освальду за помощью.

— Ты должна была мне сказать, Дерика, — вспыхнул баронет.

— Зачем? — поинтересовалась девушка. — Ты бы только начал спорить. Я уже несколько дней собиралась навестить Освальда и знала, что о тебе ходят дурные слухи. Я лишь не ожидала, что они выльются в насилие. Ты не можешь вернуться в Санкт-Эвалдс, пока твое имя не будет очищено!

— И кто же снимет с меня подозрения?

— Господин Освальд Форд. Правда, не бесплатно.

— И какой же будет цена?

— Моя рука, — усмехнулась Дерика, и сэр Ганнибал хмыкнул. Он понимал, что попался в ловушку и сейчас ему нужны были все друзья, которых он сумел бы найти. И все же мысль о том, что его зятем станет никому не известный нищий адвокат, совсем не радовала аристократа.

Глава VIII Сыщик-любитель

Лавиния Куинтон была сестрой матери Дерика — богатой старой дево́й, которая не любила сэра Ганнибала, но обожала его дочь. Она также поддерживала замечательные отношения с Освальдом Фордом как из-за его внешности и манеры одеваться, так и из-за того, что его как жениха Дерика не одобрял баронет. Должно быть, в жилах мисс Лавинии отчасти текла ирландская кровь, потому что она всегда находилась в оппозиции и не собиралась переставать спорить со всеми вокруг, пока с ее губ не сорвался бы последний вздох. Дерика была очень привязана к тетушке, а та любила ее всем сердцем, утверждая, что девушка пошла в мать — это тоже была своеобразная пощечина сэру Ганнибалу.

Жила эта странная дама в тихом уголке Кенсингтон-сквера, где арендная плата была высокой, а соседи благообразно-зажиточными. Жизнь на этой улице шла размеренно, по часам, и даже в Судный день местные жители вышли бы на трубный глас в аккуратных фраках и при манишках. Мисс Куинтон была одной из местных блюстительниц приличий — высокой, стройной и аристократически красивой пожилой женщиной. Ее седые волосы были уложены в прическу, какие носили еще во времена Марии-Антуанетты и которая очень подходила ее морщинистому овальному лицу с орлиным носом и тонкими губами. Она всегда была одета в серое, словно скромная монахиня, и, подобно монахине, часто посещала высокую церковь за углом. Обычно она шествовала туда, высоко задрав нос, словно презирая всех и вся, за что многие считали мисс Куинтон горделивой и холодной. Она и в самом деле была очень гордой, но вовсе не черствой, и многие бедняки знали, какое у нее доброе сердце, когда она занималась благотворительностью. Но при этом Лавиния отличалась острым взглядом и еще более острым языком, а посему в определенных случаях могла оказаться достаточно неприятной особой. Когда она увидела, что Дерика приехала не одна, а с сэром Ганнибалом, то решила, что это как раз такой случай.

— Хм! — протянула мисс Куинтон, тепло поцеловав Дерика, а потом холодно поприветствовала своего зятя. — Итак, вы здесь. Чем обязана?

— Я просто хотела увидеть вас, тетушка, — ответила Дерика, зная, что мисс Лавиния будет довольна таким ответом.

— Хм! Твой отец снова тебя огорчает?

— Я никогда никого не огорчаю, если на то нет причин, — сухо

заметил баронет.

— Ты всегда найдешь причину, — огрызнулась старушка. — Я вижу, Дерика вся побледнела. Хм! Неужели причина тому Освальд Форд? Или... — тут ее взгляд переместился на лицо зятя.

— Я тут ни при чем, — поспешно заверил сэр Тревик.

— Папа ни в чем не виноват, — быстро прошептала девушка. — Не сердитесь на него, он очень волнуется.

— Это из-за убийства господина Боуринга? Хм.

— Что ты об этом знаешь, Лавиния? — тут же спросил ее гость.

— Все, что написано в газетах. Ну, его с нами больше нет, так что и говорить больше не о чем... Хотя, признаюсь, я никогда не любила его.

— Я и не знал, что ты была с ним знакома.

— Я знала его гораздо лучше, чем ты думаешь, Ганнибал. Ты рассказал мне о нем, когда только приехал из Африки, а я устроила так, что мы познакомились и несколько раз побеседовали по душам, когда он приезжал в город.

— Но зачем, во имя всего святого? — озадаченно спросил баронет.

— Ради твоего доброго имени, Ганнибал.

— Моего... доброго... имени?

— Конечно. Как-то ты намекнул, что этот господин Боуринг занимался в Южной Африке не слишком-то респектабельным бизнесом, а ты оказался замешан в его дела. Вот я и решила разузнать, что это за дела и не придется ли мне тебя вытаскивать из неприятностей.

— Не было никакой необходимости говорить с ним, — раздраженно проворчал сэр Тревик. — У нас с Джоном был общий бизнес в Кейптауне, и он со мной некрасиво обошелся. Тем не менее я вполне с ним справлялся. Но если ты в настроении посклочничать, Лавиния, я лучше отправлюсь в отель.

— И потратишь массу денег. Чепуха!

— Теперь деньги не имеют для меня особого значения. Я богат.

— В самом деле? И как же ты разбогател, скажи на милость?

— Мне для этого не пришлось шевельнуть и пальцем. Боуринг оставил мне доход в шестьдесят тысяч в год.

Мисс Куинтон, до того сидевшая с прямой спиной, со вздохом откинулась на спинку.

— Ради всего святого, но почему он так поступил? Ведь у него есть сын?

— Безумный сын, — резко добавила Дерика.

— Ну, — протянул сэр Ганнибал, обдумывая слова госпожи Крент и ее

план пустить слух о предстоящей свадьбе между Дерикой и Морганом. — Он оставил деньги мне, но, можно сказать, под доверительным управлением, с расчетом на то, что моя дочь выйдет замуж за его сына.

— Боже мой! — в ужасе воскликнула Лавиния, посмотрев на девушку. — Неужели ты, Дерика, согласишься выйти замуж за сумасшедшего?

— Этому не бывать, — сердито объявила ее племянница. — Папа, неужели господин Боуринг был прав и ты готов был выдать меня замуж за ненормального?

— Нет, конечно. Подобный брак невозможен. Но, поверь, в наших лучших интересах сделать так, чтобы в свете думали, будто вы собираетесь пожениться. Это объяснит, как деньги оказались в моих руках.

Мисс Куинтон внимательно посмотрела на Дерика, а та — на нее.

— Я не понимаю... — протянула пожилая дама.

— Сейчас я не стану ничего объяснять, — устало возразил сэр Тревик и замер, обхватив голову руками. — Однако если ты подождешь, когда придет господин Форд, то тебе все станет ясно.

— Ах, вот как, сэр Ганнибал! Выходит, ты пригласил господина Форда ко мне домой, даже не спросив моего разрешения?

— Нет! Нет! — поспешно вмешалась Дерика, чтобы успокоить старую даму. — Это сделала я.

Ее тетя потеряла свой аристократический нос:

— Я бы сочла подобное наглостью, моя дорогая, сделай это кто-то, кроме тебя. Что ж, буду рада видеть господина Форда на ужин... Знает ли он..?

— Я послала ему телеграмму со станции, попросив приехать сюда в семь.

— Но если ты не хочешь нас видеть, Лавиния, — спешно добавил баронет, — я пошлю еще одну телеграмму и приглашу его в отель «Гуэльф», где я намерен остановиться.

Мисс Куинтон всегда была резкой и к тому же не любила сэра Ганнибала, которого считала слабаком. Однако она была гостеприимной хозяйкой, а кроме того, видела, что презираемый ею зять выглядел очень взволнованным.

— Мой дорогой Ганнибал, об отеле и думать забудь, — сказала она более сердечно. — Вы с Дерикой должны остановиться у меня. Это ваш кэб? — она выглянула в окно, выходящее на тихую площадь. — Ваш багаж там? Я пошлю...

Ее рука легла на кнопку звонка.

— У меня нет багажа, Лавиния, — ответил баронет.

Дама в удивлении опустила руку:

— Нет багажа?

— Да. Я оставил Санкт-Эвалдс в спешке. Ради всего святого, подождем господина Форда! Я расскажу свою историю один раз, но не дважды.

Старая дева снова посмотрела на племянницу, но юная леди лишь пожала плечами:

— Я сама теряюсь в догадках, тетушка. Отец не желает ничего рассказывать, пока не увидит Освальда.

— Тогда пока мы можем сменить тему, — предложила мисс Куинтон. — Но ты не сказал мне, Ганнибал, когда вы приехали?

— Мы приехали на ночном поезде, Лавиния, и хотели остановиться в отеле «Гуэльф».

— Почему же вы не пришли сюда сразу? — строго спросила пожилая леди, поднимая лорнет. — Сейчас уже три часа дня.

— Тетушка, — объяснила Дерика, — я хотела отправиться к вам и, будь я одна, приехала бы к вам еще в час.

Но отец сел на поезд на станции Гвинн и сказал, что нам не стоит беспокоить тебя, а лучше остановиться в отеле. А потом мы отправились по магазинам...

— Вам нужно было сначала заехать ко мне, — безапелляционным тоном заявила пожилая дама.

— И в этом тоже виновата я, — быстро сказала ее племянница. — Как я уже говорила, я отправила Освальду телеграмму со станции. Я не хотела беспокоить вас до вечера.

— Почему же?

— На самом деле во всем виноват я, — вмешался сэр Тревик. — Мне пришлось обратиться к врачу.

— Тогда рассказ про магазины — ложь?

— Нет, мы действительно делали покупки, тетя.

— И зачем же тебе, Ганнибал, понадобился доктор?

— Я был в легком шоке.

— Каком шоке?

Сэр Ганнибал тяжело вздохнул:

— Ох, Лавиния, да перестань же забрасывать меня вопросами. Все это связано с тем, о чем мы станем говорить, когда придет господин Форд. Что касается багажа, то, так как я был вынужден отбывать в спешке, мне необходимо было кое-что прикупить.

— И все это в кэбе? — продолжала допытываться мисс Куинтон.

— Да.

— Значит, говоря, что багажа у тебя нет, ты тоже лгал?

— Черт! — воскликнул баронет, вскочив с места. Однако мисс Лавиния выглядела скорее изумленной, чем рассерженной.

— Прошу прощения, — сказала она с достоинством. — Боюсь, мои вопросы тебе уже надоели.

— Есть немного, — не стал спорить ее зять. — В свою очередь, прошу прощения за свое сквернословие.

— Принято, — мрачно улыбнулась Лавиния. — И все же, думаю, стоит послать Августина, — это был ее дворецкий, — чтобы он принес ваши покупки. А ты, Ганнибал, пока подожди здесь — я покажу Дерике ее комнату.

Сэр Тревик кивнул и присел в кресло.

Отдав слуге распоряжения, хозяйка проводила племянницу в очень красивую спальню рядом со своей собственной. Когда они остались одни и закрыли дверь, старая дева уставилась на свою гостью взглядом, который говорил красноречивее всяких слов.

— Итак, свадьба, — сказала мисс Куинтон.

— Какая свадьба? — с удивлением улыбнулась мисс Тревик.

— Не твоя, моя дорогая, сэра Ганнибала.

Девушка покраснела:

— Моего отца? Вы, должно быть, ошибаетесь!

— Я очень редко ошибаюсь, — холодно возразила пожилая леди. — Ганнибал — легкая добыча для любой смазливой авантюристки, которая может положить на него взгляд.

Дерика тут же вспомнила, кого именно тетушка так называла:

— Вы имеете в виду...

— Энн Стреттон. Конечно, я имею в виду Энн Стреттон. Она хороша собой, хоть и старше, чем прикидывается. Она заходила ко мне несколько месяцев назад и сказала, что хочет отправиться в Санкт-Эвалдс, чтобы я дала ей рекомендацию в художественную школу. У меня не было сомнений в том, зачем она туда едет, но я помогла ей, так как хорошо знала ее бедного отца. Так что к вам она попала по моей вине. Мне и в голову не могло прийти, что она выберет мишенью твоего отца.

— Тем не менее ей это с успехом удалось, — заметила мисс Тревик. — Мне кажется, отец по-настоящему восхищается ею. Думаю, он и в самом деле женится на ней, — закончила девушка, вспомнив, как вел себя отец на

празднике.

— Я тоже так считаю, — согласилась с ней мисс Куинтон, с мрачным видом слушая племянницу. — И я совершила большую глупость, в свое время отправив ее к вам, моя дорогая. Правда, тогда мне было известно, что твой отец беден, а Энн охотится за деньгами, так что я полагала, что Ганнибал в безопасности. Однако сделанного не вернешь. И как твой отец собирается объяснить господину Форду, который хочет взять тебя в жены, что Стреттон вскоре станет его тещей?

— Я ее так не люблю, тетя!..

— Я тоже, милая. Хотя ни в чем ее обвинить я не могу. Она ведет себя прилично, пусть и происходит скорее из богемы, чем из высшего общества. Теперь, когда у твоего отца есть деньги, она, несомненно, женит его на себе. Пожалуй, лучше было бы, если бы он остался бедным, но свободным. Но, увы, дорогая Дерика, здесь уже ничего не изменишь. Ты выйдешь замуж за Освальда, и, надеюсь, отец выделит тебе приличный доход из денег Боуринга.

— Но почему отец говорил о моем браке с Морганом?

— Хм! — протянула старая дева. — Я теряюсь в догадках.

Они долго обсуждали, что же задумал Ганнибал, но так ни к чему и не пришли, поскольку не знали о разговоре, который состоялся у него с миссис Крент. Дерика знала, что ее отец был потрясен выступлением народа в Санкт-Эвалдсе. Возможно, именно об этом он собирался поговорить с господином Фордом и попросить у него помощи. При этой мысли ее сердце забилося чаще.

Освальд стал бы помогать сэру Ганнибалу лишь при условии, что тот даст свое согласие на его брак с Дерикой. Если отец собрался обратиться за помощью к мистеру Форду, то, значит, он отказался от мысли чинить препятствия их любви. Девушка уже готова была объяснить все это своей тетушке, но потом вспомнила о том, что сама же просила отца не рассказывать раньше времени о причинах их визита в Лондон. Если бы она рассказала сейчас Лавинии о том, что узнала от сэра Тревика в поезде, тетя, наверное, снова обвинила бы ее во лжи.

Вот почему она сделала вид, что ничего не знает. Пусть сэр Ганнибал сам рассказывает свою историю молодому адвокату и старой деве. Дерика же не собиралась обманывать тетушку, хотя скрыть что-то от этой вьедливой особы было чрезвычайно непростым делом.

Все шло гладко, пока не приехал господин Форд. Мисс Куинтон угощала отца и дочь чаем в хрупких китайских чашках, избегая упоминать об Энн Стреттон. Она вела себя так любезно, что баронет, не догадываясь,

что скрывается за маской радушия, решил, что не встретит сопротивления, когда объявит о своем предстоящем браке и о решении относительно будущего дочери и ее жениха.

Почти забыв о том, как он был изгнан из собственного дома — сэр Ганнибал вообще обладал забывчивым характером, — аристократ расслабился в милой атмосфере дома мисс Лавинии. Дерика же была рада видеть, что отец успокоился, а когда прибыл адвокат, можно было сказать, что атмосфера за столом стала веселой и душевной.

Освальд Форд, стройный и темноволосый, в красивом вечернем костюме, с жаром приветствовал Дерика. Тревик также был одет в элегантный вечерний костюм — мисс Лавиния терялась в догадках, где тот успел его раздобыть. На самом же деле костюм ему принесли от портного. Тот давно сшил его для сэра Ганнибала, но, обнаружив, что клиент безденежен, оставил костюм у себя до того момента, пока аристократ не расплатится. Теперь, разбогатев, сэр Тревик наконец смог выкупить заказ и щеголять в модной обновке.

Баронет ничего об этом не рассказал, а Лавиния удивилась, что он носит такой дорогой костюм, однако воздержалась от комментариев, точно так же, как не стала ничего говорить по поводу того, что он приехал без багажа. Она лишь отметила, что во всем Лондоне трудно найти более типичных представителей старого и молодого поколения, чем лорд и адвокат, сидевшие сейчас за ее столом.

Обменявшись приветствиями, Форд поинтересовался, какой счастливый случай привел Дерика и ее отца в Лондон.

Сэр Ганнибал был готов пуститься в объяснения, но хозяйка дома остановила его, настояв на том, что не следует портить ужин обсуждением дел. Лишь закончив трапезу — а ужин был очень хорош, — они собрались в гостиную, потягивая кофе, и старая леди кивнула Тревику:

— Ну а теперь, Ганнибал, ты можешь рассказать, что привело вас в Лондон.

— Меня выгнали из Санкт-Эвалдса, — прямо сказал баронет.

— Выгнали из Санкт-Эвалдса?! — воскликнула хозяйка дома, а за ней эхом повторил и господин Форд.

— Да, — подтвердил сэр Тревик и самым подробным образом описал все, что произошло, даже то, как мисс Стреттон довезла его до железнодорожной станции и тем самым помогла избежать гнева рабочих. Слушая его рассказ, мисс Лавиния одобрительно кивала.

— Что ж, у Энн Стреттон есть голова на плечах, — заметила она. — Не то что у тебя.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался, покраснев, Ганнибал.

— У меня есть глаза, и я довольно хорошо знаю мисс Энн, — пояснила мисс Куинтон. — Она ничего не делает просто так и, без сомнения, теперь ждет определенной оплаты.

— Ты неправильно толкуешь ее поступки и ничего о ней не знаешь, Лавиния. Она простодушна, как ребенок... — принялся защищать свою спасительницу баронет.

— Не она, Ганнибал, а ты, — прищурилась старая леди. — Впрочем, это мы можем обсудить позже. Что нам делать сейчас? Твое положение действительно очень неприятно.

— Лавиния, ты-то, надеюсь, не станешь обвинять меня в этом убийстве?

— Если бы я обвиняла тебя, ты бы не сидел у меня в гостиной, — резко сказала хозяйка. — Ты глуп во многих отношениях. До сих пор не могу понять, почему моя бедная сестра вышла за тебя замуж. Тем не менее мы определенно должны вытащить тебя из этих бедствий. Как я понимаю, положение достаточно неприятное. Так, господин Освальд?

— Я попытаюсь помочь сэру Ганнибалу, — заверил адвокат. — Положение, как вы верно заметили, мисс Куинтон, и в самом деле сложное.

— Я сказала, неприятное!

— И неприятное, и сложное, — с нетерпением перебила тетушку Дерика. — Так что же нам делать?

— Тут сделать можно только одно, — решительно объявил ее возлюбленный. — Я должен выяснить, кто на самом деле убил господина Боуринга.

— Это будет нелегко, — протянул старый аристократ.

— Может, и нет. Должен сказать, что мне будет проще, если вы расскажете все, что знаете об убийстве.

— Мало что можно сказать, — пожал плечами Тревик. — Я имел с ним дела в Африке.

— Какие дела? — уточнил адвокат.

— Это было связано с алмазами, — неохотно пробормотал баронет.

— И господин Боуринг плохо с тобой обошелся? — поинтересовалась мисс Лавиния. — По крайней мере, так ты говорил мне несколько раз.

— Джон был негодяем! — взволнованно воскликнул сэр Ганнибал. — Но он достаточно заплатил за причиненный мне ущерб, оставив мне деньги.

— При условии, что я выйду замуж за Моргана? — заметила Дерика.

— Нет. Ты ведь присутствовала при чтении завещания. Это было не

условие, а лишь пожелание.

— Но ты все же намерен его исполнить? — с ехидством заметила мисс Куинтон.

— Что?! — встревожившись, воскликнул господин Форд. Он покраснел, переводя взгляд с хозяйки дома на ее зятя.

— Позвольте мне все объяснить, — поспешно заявил сэр Тревик, после чего в подробностях пересказал свою беседу с госпожой Крент.

Дерика была очень удивлена. Она немедленно заявила, что не желает становиться предметом слухов, даже ради безопасности отца.

— Кроме того, папочка, я, если честно, не вижу, чем может это тебе помочь, — добавила она под конец своей речи.

— Таким образом мы показали бы обществу, что я лишь доверенный при деньгах, оставленных тебе и Моргану.

— Значит, тебе придется отдать деньги Моргану?

— Нет, потому что брак не состоится. Как только мы получим деньги, миссис Крент выступит и расскажет о браке безумца и ее дочери.

— Мне кажется, это слишком сложный план, — заметила мисс Тревик. — Я думаю, много лучше будет, если господин Форд прямо сейчас возьмется за дело и подумает, как вернуть тебе доброе имя.

— Я готов... но у меня есть условие, — ответил Освальд и посмотрел на девушку.

Сэр Ганнибал прикусил губу. Он не хотел, чтобы его зятем стал этот молодой человек. Теперь, разбогатев, баронет предпочел бы, чтобы его дочь вышла замуж за титулованную особу, укрепив позиции семейства. Тем не менее он находился в такой тяжелой ситуации, что вынужден был согласиться. В конце концов, если уж кто-то станет копаться в его прошлом, пусть это лучше будет член семьи. Подумав так, он кивнул.

— Я даю согласие на ваш брак с Дерикой, но только после того, как мое имя будет очищено, — неохотно проговорил он.

Господин Форд радостно вскрикнул и, взяв любимую за руку, нежно поцеловал ее.

— Через месяц ваша репутация будет восстановлена, сэр Ганнибал! — решительно объявил он.

Услышав это, мисс Лавиния хмыкнула. Взглянув на нервное, возбужденное лицо баронета, она подумала, что эта история ей очень не нравится, однако промолчала.

Глава IX История слуги

Господин Освальд Форд ничуть не расстроился, что по воле судьбы превратился в сыщика-любителя. Так как он был адвокатом без практики, времени на расследование у него было достаточно. К тому же молодой человек надеялся, что в случае удачного исхода расследования в его дверь начнут стучать многочисленные клиенты.

До сих пор все дела, которыми приходилось заниматься молодому адвокату, не требовали особого приложения умственных сил. А раскрыть настоящую тайну было тем более заманчиво, что подобный исход обещал помочь ему обрести красивую жену с большим приданым. В глубине души Форд был романтиком, но ему хватало и практичности, чтобы оценить преимущество денег в дополнение к любви. Поэтому он с энтузиазмом взялся за возложенную на него миссию и уже на следующий день готов был отправиться в Санкт-Эвалдс.

К его удивлению, мисс Куинтон заявила, что тоже поедет в Санкт-Эвалдс, чтобы сопровождать Дерика. А та, в свою очередь, рвалась домой, чтобы показать, что презирает опасность и, в отличие от отца, не собирается никуда бежать.

К чести сэра Ганнибала, он тоже был готов вернуться, но Освальд настойчиво посоветовал ему остаться в городе, пока тайна убийства не будет раскрыта. Рабочие из каменоломен не могли воспринимать истину, если та не была четко изложена языком, понятным их ограниченному уму, и, если бы баронет вернулся, они, скорее всего, вновь напали бы на его дом. Когда же истинный убийца Джона Боуринга будет найден, оклеветанный баронет превратится в их глазах из злодея в невинную жертву обстоятельств.

Дерика, однако, настаивала на своем возвращении, и тогда мисс Куинтон тоже решила ехать.

— Тебе, девушка, не стоит путешествовать одной в обществе господина Форда, — заявила она племяннице. — Ты даже представить не можешь, какие гадости станут сочинять люди у вас за спиной!

— Я презираю любые сплетни! — с негодованием объявила мисс Тревик.

— Я тоже. Но это не значит, что их можно игнорировать. Ведь именно сплетни выгнали сэра Ганнибала из Санкт-Эвалдса.

После этого девушка согласилась, чтобы тетя сопровождала их с

Освальдом.

— Вот только я никак не могу понять, как можно быть настолько глупым, чтобы поверить в то, что отец имеет какое-то отношение к этому преступлению, — вздохнула она. — Ведь всем известно, что он во время убийства был на празднике.

— Как сказать, милая, как сказать, — заметила Лавиния.

— Тетя! Неужели вы верите...

— Моя дорогая, я не верю в обвинения, которые выдвигают против твоего отца. Что бы я ни говорила о Ганнибале, он слишком мягок, чтобы решиться на убийство. Но вы сами слышали, что вчера вечером он сказал, что спустился на пляж после того, как мисс Стреттон и господин Пенрифф уехали. Никто его там не видел, и никто не смог бы доказать его алиби. Когда вы снова увидели его в тот день?

— Уже после обеда, тетушка. Когда господин Боуринг уехал в Грандж, я отправилась искать отца, чтобы хорошенько расспросить, о чем это они за моей спиной договорились с Боурингом — я имею в виду его план выдать меня за Моргана. И я папу так и не нашла.

— И не могла найти, если он бродил по пляжу.

— Выходит, он бродил там несколько часов, потому что никто не видел его, пока не подали обед.

— А ты спрашивала его самого, где он был?

— Нет. Папенька не любит расспросов. А вечером пришло это ужасное известие об убийстве... Я и не подумала спросить. Да и зачем? Ведь я ни на минуту не сомневалась в его невиновности!

— Никто не сомневается в этом, дорогая, — успокаивающе проговорила мисс Куинтон. — Даже эта отвратительная миссис Крент, которая запустила все эти слухи, и та уже наверняка об этом пожалела.

— Не вижу причины, почему она должна была об этом жалеть.

— А я вижу, — язвительно ответила пожилая дама. — Если она не сможет опровергнуть слухи, которые сама же распустила, сэр Ганнибал не положит ей доход, который пообещал.

— Конечно, положит! — возразила мисс Тревик. — Освальд считает, что нам следует, как она и предложила, объявить, что я выхожу замуж за Моргана. Пусть люди думают, что господин Боуринг оставил деньги в доверительное управление нам обоим. Тогда у моего отца не будет мотивов для совершения этого преступления. Но если госпожа Крент не получит обещанных денег, то не объявит о том, что Морган отказывается взять меня в жены, так как давно женат на ее дочери, и тогда... — Дерика содрогнулась и замолчала.

— Вопрос только в одном: в самом ли деле они женаты? Думаю, господину Форду нужно поинтересоваться этим в первую очередь. Ему стоит увидеться с миссис Крент.

— Он собирается увидеться со всеми, начиная с этого Полуина.

— То есть слуги сэра Ганнибала?

— Да. Он тоже приехал из Африки. Именно там он познакомился с моим папой.

— Кажется, твой отец завел в Африке множество знакомств, — сухо заметила мисс Лавиния. — Одно другого респектабельнее.

— Полуин тихий человек, — весело объявила девушка. — Он заведовал подготовкой к празднику, и Освальд в первую очередь хотел бы выяснить, знает ли он о коронованном черепе.

— Я бы в первую очередь расспросила мисс Уорри.

— Нет, ничего подобного, тетя. Когда она увидела череп, то решила, что его принес мой отец, хотя он этого не делал. Однако кто-то же это сделал! Это само по себе странно, точно так же, как и то, что господин Боуринг испугался его.

Мисс Лавиния достала флакончик с нюхательной солью и поднесла к носу.

— Все это очень странно и неприятно, — проговорила она, пожимая плечами. — Однако единственное, чем я могу помочь, так это поддержать тебя, пока не вернется твой отец.

Этот разговор состоялся в железнодорожном вагоне, в то время как поезд катил на запад. Форд отлучился минут на двадцать в курительную комнату, и Дерика осталась наедине с тетей. Теперь у них была возможность спокойно поговорить. Единственное, что было совершенно ясно: мисс Куинтон не бросит девушку в тяжелой ситуации. Ей было непросто возвращаться домой в качестве дочери подозреваемого в убийстве.

Освальд Форд поселился в «Королевской броне» — превосходном отеле в центре города. Он мог бы остановиться в более модном месте, на вершине горы, которая возвышалась над Санкт-Эвалдсом, но предпочел жить именно в «Королевской броне», расположенной возле рынка, чтобы слышать все последние сплетни и суметь опровергнуть их, если речь пойдет о сэре Ганнибале Тревики. Отель был удобно расположен, а Форд сам по себе был очень приятным молодым человеком и вскоре стал любимцем хозяйки. Он строил из себя слишком важное лицо, чтобы повторять сплетни, тем более что был в этих краях чужим. Другое дело хозяйка отеля — Освальд знал ее пять лет, с тех пор как впервые приехал в

Санкт-Эвалдс. У нее был длинный язык, и она была идеальным кандидатом для того, чтобы пустить в народе слух о свадьбе между Дерикой и Морганом Боурингом.

— Полагаю, вы слышали новость, миссис Трегар? — начал хитрый адвокат, когда хозяйка заглянула к нему в номер, чтобы узнать, удобно ли он устроился.

— Нет, сэр, — ответила женщина. — Что же за новости, позвольте узнать?

— Покойный господин Боуринг оставил все свое состояние сэру Ганнибалу Тревику...

— А, ну это я знаю!

— ...в управление... — тут господин Форд сделал многозначительную паузу, — ...до тех пор, пока мисс Дерика Тревик и Морган Боуринг не поженятся.

Миссис Трегар всплеснула руками:

— Господи, вы и в самом деле удивили меня! А я-то думала, что это вы станете тем счастливым человеком, за которого мисс Тревик выйдет замуж.

— Я тоже так думал, — ответил Освальд, тяжело вздохнув. — Мисс Тревик и я очень любим друг друга, но, судя по всему, ей придется выйти замуж за Моргана — так ее отец договорился с покойным мистером Боурингом. Потому-то сэр Ганнибал и получил деньги во временное пользование, так сказать.

— Вот как... А я... Я думала... Видите ли, я, как и все, считала, что это именно сэр Ганнибал убил господина Боуринга, чтобы получить деньги.

— Что за вздор! Даже если сэр Ганнибал совершил это преступление — а это, миссис Трегар, само по себе абсурдное обвинение, — денег бы он все равно не получил.

— Но говорят, что господин Боуринг на празднике рассказал сэру Ганнибалу, что оставил ему все свое состояние. Тогда-то сэр Тревик его и...

Не дослушав собеседницу до конца, юрист разразился смехом.

— В жизни не слышал такой ерунды, — проговорил он, пожимая плечами. — Миссис Трегар, ну хоть немного подумайте. В то время, когда произошло убийство, сэр Тревик не покидал свой дом — там был устроен праздник. Кроме того, пожилой человек едва ли мог добраться до того места быстрее, чем пассажиры кэба.

— Прощу прощения, господин Форд, — с важным видом возразила госпожа Трегар. — Но люди говорят, что сэр Ганнибал покинул праздник

задолго до того, как уехал господин Боуринг. Он отправился к месту убийства на мопеде. И все мы знаем, — прибавила она со значением, — что сэр Ганнибал отлично ездит на мопеде!

Такого поворота событий Форд не ожидал.

— Кто это говорит? — резко спросил он, заинтересовавшись, правдива ли эта версия.

— К примеру, мистер Полуин.

— Слуга сэра Ганнибала?

— Да. Иосия Полуин. Он был проповедником в Чапел-Гвинн и не станет лгать.

— И как Полуин обосновывает свое заявление?.. Нет, стоп! Я хочу услышать историю из первых уст. Прошу вас, отправьте записку мистеру Полуину. Я хотел бы, чтобы он зашел сюда и сам мне все рассказал. К тому же у меня есть для него сообщение от сэра Ганнибала.

— А вы видели сэра Ганнибала в Лондоне? — с нетерпением спросила хозяйка.

— Да, и он очень возмутился из-за всех этих слухов.

— Ах, сэр, а уж как рабочие возмущались, когда мисс Стретгон послала всех в Грандж! Он пошли туда и страшно испугали миссис Крент, потому что сэра Тревика там не оказалось. Так что больше всего сейчас рабочие возмущены поведением мисс Стретгон.

— Так что же, теперь они нападут и на нее за то, что она защитила собственность мистера Тревика?

— Люди недовольны, — уклончиво сказала госпожа Трегар.

— А где же полиция?

— О, сэр, полиция расследует дело и уже допросила мисс Стреттон. Она рассказала, как отвезла баронета на станцию. Сейчас они наблюдают за домом, где она остановилась, и больше никаких безобразий не допустят.

— Миссис Трегар, все это просто смешно. По-моему, мисс Стретгон умнее всех вас, вместе взятых. Ведь если бы сэр Ганнибал был виновен, если бы против него существовали улики, его давно арестовала бы полиция. Он совершенно невиновен и отправился в Лондон, чтобы пожаловаться властям на действия рабочих. Я уверен, соответствующие службы скоро примут необходимые меры, чтобы наказать участников этого бунта.

— Я об этом почти ничего не знаю, — испуганно проговорила миссис Трегар, спеша отмежеваться от произошедшего. — Я никогда не верила в то, что сэр Тревик имеет что-то общее с убийством этого бедного джентльмена, что бы там ни говорил Полуин.

— Рад это слышать, — сухо отозвался Освальд. — По возвращении сэр Ганнибал подаст в суд на всех тех, кто порочил его честное имя. Кроме того, он станет настаивать на том, чтобы глава бунтовщиков был арестован.

— Это Анак, — решительно заявила миссис Трегар.

— Кто такой Анак?

— Все знают, господин Форд. Его мать — старая ведьма.

— Какая чушь, миссис Трегар!

— Это правда, сэр. Анаком его называли соседи. А его мать, госпожа Карни, живет возле карьера и зарабатывает на жизнь предсказаниями. Так вот, этот Анак работает в карьере. Он-то и привел людей к дому сэра Ганнибала.

— В таком случае его ждет тюрьма, миссис Трегар. Такие выходки не проходят безнаказанно, а всем остальным, мэм, вы можете сказать, что сэр Ганнибал Тревик невиновен, так как был на празднике, когда было совершено убийство. А главное, у него не было мотива для убийства, так как деньги передавались ему лишь на время, на хранение до брака.

— А вы в этом уверены? — с сомнением поинтересовалась хозяйка.

— Это именно так, и вам лучше об этом всем рассказать.

— Пожалуй, я так и сделаю. Уверена, что вы очень добрый человек, если так защищаете сэра Ганнибала даже после того, как расстроился ваш брак с мисс Дерикой.

— Мы пока не расстались, — сухо заметил адвокат. — Сэр Ганнибал желает, чтобы его дочь вышла замуж за сына господина Боуринга, но сама мисс Дерика этого не хочет.

— И то верно. Достаточно взглянуть на такого симпатичного господина, как вы. И все же, неужели ей и в самом деле придется выйти замуж за этого сумасшедшего Моргана Боуринга?! — воскликнула миссис Трегар, всплеснув руками. — Ведь это в самом деле ужасно!

— А вы хотели бы, чтобы мисс Дерика вышла замуж за меня?

— Конечно. Я знаю вас много лет, а Дерика милая, добрая девушка.

— Тогда, миссис Трегар, вы очень мне поможете, рассказав всем, что сэр Ганнибал невиновен по тем причинам, что я вам только что изложил. А сэр Тревик... Он будет знать, что я его защищал, и, вполне возможно, все-таки позволит мне жениться на мисс Дерике. Понимаете?

— Да. Но вернет ли он при этом деньги?

— Думаю, найдется некий компромисс, — легко заверил ее господин Форд, не желая говорить слишком много. — Однако в ваших силах помочь мне и мисс Дерике, мэм. Вы же знаете, как это сделать.

Хозяйка отеля энергично закивала. Она была готова послать за слугой

Полуином и распространить по городку новые сплетни.

Адвокат откинулся на спинку стула и отхлебнул кофе, уверенный, что сделал лучшее, что только мог. Как только люди начнут верить, что сэр Ганнибал невиновен, и как только они услышат, что он намерен защищать свое доброе имя, есть вероятность, что скандал утихнет сам по себе. Правда о невиновности баронета дойдет и до рабочих, и он сможет вернуться в свои владения. В целом план был удачным, и сложись все именно так, сэр Тревик смог бы вернуться в местное общество.

Иосия Полуин, нисколько не колеблясь, откликнулся на записку. Через полчаса он появился в гостиной господина Форда — робкий, невысокий мужчина с бесцветными глазами и округлым белым лицом, напоминающим полную луну. Он был одет в плохо сидящий черный костюм и казался совершенно безвредным человеком. У любой овцы было больше духа. Очень странно, что сэр Ганнибал нанял такого глупца, подумал Освальд. На первый взгляд Иосия был не в состоянии управиться хотя бы с парой тарелок. Под пронизательным взглядом молодого адвоката он чувствовал себя неудобно, переминался с ноги на ногу, крутил в руках кепку и ждал, что ему скажет юрист.

— Что ж, мистер Полуин, — бодро начал Освальд. — Что за сказки вы рассказываете о вашем работодателе?

— Какие сказки, господин Форд? — спросил тот тихим испуганным голосом.

— Ну как же! Будто бы сэр Ганнибал покинул свой особняк на мопеде в тот день и примерно в то же время, когда был убит господин Боуринг.

— Простите, сэр, — кротко ответил слуга. — Я ничего такого не говорил. Я ни в чем не обвинял сэра Ганнибала и ко всему этому не имею никакого отношения. Однако должен сказать, что в тот день я видел, как сэр Тревик ездил на мопеде. Я встретил его на дороге.

— На дороге, где было совершено убийство?

— Нет. На другой дороге, которая проходит за холмом.

— Тогда, чтобы добраться до того места, где стоял гранитный камень, в который врезалась машина Боуринга, сэру Ганнибалу пришлось бы карабкаться по крутому склону холма.

— Я никогда не утверждал, что он это сделал.

— Зачем же вы вообще об этом заговорили?

Иосия какое-то время молчал: он колебался, словно раздумывая, нужно ли ему продолжать.

— Вот как все было, сэр, — начал он, наконец. — Я шел по дороге на встречу с миссис Карни...

— Это мать Анака?

Полуин быстро взглянул на адвоката, а потом снова опустил взгляд.

— Да, сэр. Она — бедная женщина, к которой я иногда захожу, чтобы немного ее утешить. Ее сын, Анак, трудится в карьерах, которые сэр Ганнибал позволил разрабатывать господину Боурингу. В тот день я был у миссис Карни и возвращался домой. И как только я выехал из города, то встретил сэра Тревика на его мопеде. Он спросил меня, видел ли я господина Пенрифа — приятеля мисс Стреттон. Они покинули праздник, и сэр Ганнибал отправился следом за ними, чтобы передать мисс Стреттон письмо. Я сказал, что не видел их.

— Понятно, — протянул Форд. — Они поехали по первой дороге, миновали будущее место преступления до того, как был сброшен камень, и потом, услышав выстрел, вернулись... А дальше?

— Сэр Ганнибал сказал, что хотел бы передать письмо мисс Стреттон. Он отдал его мне, а сам отправился назад, на праздник. Я же поехал на его мопеде по второй дороге...

— А как сэр Ганнибал вернулся?

— Пешком. По крайней мере, он мне так сказал.

— Так выходит, вы догнали мисс Стреттон и господина Пенрифа?

— Нет, сэр, я ехал не по той дороге. Я сел на мопед сэра Ганнибала, доехал до дома Пенрифа, где остановилась мисс Стреттон, и оставил письмо там. А потом я вернулся.

— По той же дороге?

— Да, сэр. Я вернулся в дом сэра Ганнибала, и некоторые из слуг сильно удивились, что я ехал на мопеде хозяина. Я объяснил, в чем дело...

— История совершенно ясная и полностью реабилитирует сэра Тревика.

— Прошу прощения, но Анак...

— Что, Анак?

— Он заявил, что видел сэра Ганнибала неподалеку от карьера, где произошло убийство.

Глава X Странное исчезновение

Форд уставился на кроткого управляющего, не веря своим ушам.

— Когда Анак говорил об этом? — спросил он.

— На днях, — ответил слуга Тревика. — Я ничего никому об этом не говорил, и прошу заметить, господин Форд, я никогда не обвинял сэра Ганнибала. Все, что я сказал тогда — это что сэр Ганнибал уехал из особняка на своем мопеде. Я не ожидал, что госпожа Крент, воспользовавшись моими словами, придумает целую историю, чтобы его обвинить.

— Значит, вы, мистер Полуин, знали об обвинении?

— Да. Все об этом знают. Миссис Крент ни от кого не скрывает своего мнения, что это сэр Тревик убил господина Боуринга. То есть раньше она так всем говорила, но в последнее время, похоже, передумала.

— Совершенно верно, — подтвердил адвокат, вспомнив о взятке, которую должны были выплатить злобной экономке. — В сердцах, не подумав, миссис Крент наговорила много ерунды. Вы же сами, Иосия, отлично понимаете, что, отдав вам мопед и повернув назад, сэр Ганнибал никак не мог оказаться на месте преступления.

— Если бы он пошел через пустоши, то смог бы.

— Боже мой, так вы намекаете...

— Ни на что я не намекаю, сэр! — поспешно заявил слуга. — А вот Анак и в самом деле утверждает, что видел сэра Ганнибала неподалеку от места преступления. Как только он сказал это рабочим, они и пошли громить особняк сэра Ганнибала.

— Хм! С чего это рабочие приняли смерть мистера Боуринга так близко к сердцу?

— Ну... Господин Боуринг был очень хорошим хозяином и хорошо им платил.

— Но сэр Ганнибал, который теперь снова стал владельцем карьеров, собирается делать то же самое.

— Сэр Тревик никогда не был известен своей щедростью, — возразил Полуин, — а рабочим очень нравился господин Боуринг. Он разговаривал с людьми по-простому, словно был одним из них.

— Он и был, — заметил юрист, расстроенный открывшимися обстоятельствами. — Господин Боуринг вырос здесь, в бедной семье. И стал, как это называют, джентльменом, только когда вернулся из Африки.

Кстати, мистер Полуин, вы же там с ним и познакомились?

— Да. Они с сэром Ганнибалом занимались там сделками с алмазами. У меня были тяжелые времена, а сэр Ганнибал был добр ко мне и взял на работу.

— Значит, сейчас вы, Иосия, должны помочь защитить его.

— Я готов сделать это. — искренне сказал слуга. — Поверьте мне, господин Форд, я глубоко благодарен сэру Ганнибалу за то, что он сделал для меня. Не я распустил этот слух, а Анак, и... и... — тут Полуин заколебался, — ...и мисс Уорри.

— Мисс Уорри? — переспросил Освальд с удивлением. — А я думал, она уехала в Лондон!

— Она собирается, сэр, но пока не уехала. Она пошла к матери Анака и побеседовала с ней. Миссис Карни поинтересовалась у нее, как вышло, что она так точно сделала предсказание, но мисс Уорри отказалась давать объяснение.

— Естественно, всем хотелось бы узнать, как ей удалось предсказать гибель человека!

— Вы не верите в то, что она и в самом деле предсказательница, господин Форд?

— Нет, Полуин. Не верю. Думаю, мисс Уорри что-то знает.

Его собеседник задумчиво потер подбородок и ответил:

— Пожалуй, что знает. Она прямо заявила, что считает сэра Ганнибала виновным. А если соединить все ее недомолвки с историей Анака и добавить то, что я видел, как хозяин ехал по дороге на мопеде, не вдаваясь в подробности, то тут и полиция может поверить в то, что сэр Ганнибал виноват.

— Боже мой! Ситуация и в самом деле серьезная, Полуин. Но если полиция действительно подозревает, почему они его не арестуют?

— Может, они бы так и сделали, если бы он не уехал. По крайней мере, мисс Стретгон говорит именно так.

— Надо будет мне повидаться и с мисс Стреттон, и с мисс Уорри. Кстати, а где мисс Уорри сейчас?

Иосия назвал тихий пансионат неподалеку от дома сэра Ганнибала.

— Вы и с Анаком захотите увидеться? — уточнил он.

— Конечно. Ведь он, должно быть, обознался.

— Значит, вы не верите в то, что сэр Тревик убийца...

— Разумеется, нет, мистер Полуин, — сердито перебил его молодой человек. — Я не вижу никаких причин, почему сэр Ганнибал хотел бы убить господина Боуринга.

— Говорят, что деньги...

Форд снова перебил его:

— Смешно! Сэр Ганнибал ничего не знал о завещании. И, опять же, Полуин, вы можете рассказать всем о том, что деньги оставлены ему в доверительное управление, для мисс Тревик и Моргана Боуринга, при условии, что они вступят в брак.

Тут слуга явно начал беспокоиться:

— Неужели эта свадьба и в самом деле состоится?

— Все может быть. Во всяком случае, сэр Ганнибал дал на то согласие.

— А девушка? Боюсь... — Иосия с удивлением посмотрел на адвоката. — Боюсь, что мисс Дерика иного мнения об этом браке.

— Все может быть, — небрежно заметил господин Форд. — Во всяком случае, как я понимаю, такой союз вполне возможен. Но вы должны понимать: раз деньги были оставлены подобным образом, то у сэра Ганнибала не было мотива убивать господина Боуринга, — он ненадолго замолчал и, чуть подумав, добавил: — Если, конечно, вы, мистер Полуин, не знаете каких-то еще причин.

— Откуда мне их знать?

— А как насчет дел сэра Тревика и господина Боуринга в Африке? — неожиданно спросил Освальд.

— Они были партнерами. Занимались операциями с алмазами.

— И были добрыми друзьями?

— Честное слово, не могу сказать, — холодно ответил слуга. — Мне казалось, что они — хорошие друзья.

— А череп?

— Что «череп», господин Форд?

— Я имею в виду тот череп, который кто-то принес в палатку мисс Уорри.

— Я об этом ничего не знаю, господин Форд. Скорее всего, объяснить это может сэр Ганнибал.

— Сэр Ганнибал тоже заявил, что ничего об этом не знает. Ну же, мистер Полуин! Вы ведь должны знать многое о жизни сэра Ганнибала и господина Боуринга в Африке. Что-нибудь, что сможет пролить свет на то, почему Боуринг так испугался того черепа.

— Клянусь, я об этом ничего не знаю, — помрачнев, ответил Иосия, а потом взгляд его неожиданно прояснился. — Сэр, я был бы рад помочь сэру Тревику, который был добр ко мне и был хорошим другом!

— Звучит довольно искренне, — заметил адвокат, внимательно рассматривая кроткое лицо слуги. — И что же вы посоветуете мне,

Полуин?

— То, что вы сами сказали: поговорите с мисс Уорри и Анаком, а также с мисс Стреттон и миссис Карни.

— А с миссис Карни зачем?

— Мисс Уорри, возможно, сказала ей что-то связанное с пророчеством о смерти господина Боуринга.

— Но вы сами сказали, что мисс Уорри отказывается говорить на эту тему.

— Так госпожа Карни сказала мне, но вы можете услышать от нее другое. Я подозреваю, что мисс Уорри заплатила ей, чтобы та держала язык за зубами.

Юрист опустил взгляд, задумавшись над услышанным.

— Настоящая неразбериха, — вздохнул он. — Тем не менее лучше мне поступить так, как вы сказали, господин Полуин. Я повидаюсь со всеми, кого вы упомянули.

— И пусть сэр Ганнибал держится подальше от этих мест, — искренне посоветовал Полуин. — Иначе его могут арестовать.

— Может быть, это было бы и к лучшему, — мрачно проговорил Форд. — Сэр Ганнибал совершенно невинен и потому не боится встречи с теми, кто его обвиняет.

Иосия с сомнением посмотрел на адвоката, явно не разделяя его уверенность в невинности баронета. Однако он, так ничего и не сказав, с учтивым поклоном вышел из комнаты. Освальд Форд даже не пытался остановить его.

В этот момент юрист отлично знал, какие шаги ему стоит предпринять в дальнейшем, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к решению загадки. Форд и в самом деле хотел найти убийцу Джона Боуринга и был уверен, что это вовсе не сэр Ганнибал Тревик. Но Полуин, который был знаком с баронетом много дольше, чем знал его Освальд, судя по всему, был иного мнения. В итоге адвокат чувствовал себя неловко.

«Интересно, — подумал он, потирая руки, — было ли в прошлой жизни сэра Ганнибала, в Африке, нечто такое, из-за чего он мог бы убить Боуринга? Кажется, история Мертвой головы может многое прояснить. Непременнo нужно узнать, что она означает. И судя по всему, мисс Уорри многое известно. Не верится, что она прочитала свои пророчества, глядя на звезды. Она, без сомнения, что-то знает, даже, быть может, историю коронованного черепа. Гм! Надо сегодня же вечером поговорить с этой ясновидящей».

Решив так, Форд отправил записку Дерике, сообщив, что зайдет к ней

утром. Сначала он хотел отправиться в особняк Тревика, но потом решил прежде повидаться с Софи и выяснить все, что она знала о баронете. Почему-то Освальду казалось, что она знает много больше, чем говорит. Если кто-то задумал уничтожить мистера Тревика, повесив на него обвинение в убийстве, то эта пожилая госпожа была одной из движущих сил этого плана. С другой стороны, адвокат отлично знал, что баронет всегда хорошо обращался с гувернанткой. Но что если мисс Уорри — одна из тех, кто презирает доброту и платит за нее злом? Форду приходилось встречаться с подобными людьми.

Тем не менее он решил не судить о характере гадалки, не поговорив с ней. Адвокат отправился прямо к пансиону, где остановилась мисс Уорри. Это был большой гранитный дом с видом на залив, комфортабельный, как и большинство жилищ в Санкт-Эвалдсе. Пансион принадлежал двум очаровательным дамам. Тут всегда присутствовало много людей, поскольку это очаровательное место снискало заслуженную популярность. Софи, любившая жить с удобствами, не могла найти места лучше.

Форд послал ей свою визитную карточку, и служанка проводила его в небольшую комнату, хорошо обставленную и освещенную высокой лампой с розовым абажуром. Мисс Уорри, как обычно, стройная и невзрачная, вплыла в комнату, помахивая черной бархатной сумочкой. В розовом свете, заполнившем комнату, она выглядела вполне презентабельно. В этот вечер она была в темно-красном платье из кашемира, с длинным шлейфом. Так как бывшая гувернантка не могла похвастаться идеальной фигурой, это платье скрывало все ее недостатки. Кроме того, она скрепила волосы заколкой в виде звезды. Теперь мисс Уорри выглядела совершенно эмансипированной женщиной, точно так, как она представляла себя в новой для нее роли пророчицы.

Она приветствовала Освальда с видом человека, попавшего на похороны, и внимательно оглядела его с головы до ног, прежде чем опуститься в кресло. В свою очередь, юристу она чем-то напомнила задачу по геометрии — нечто угловатое и замысловатое. Форд сразу понял, что решить эту задачку и получить хоть какой-то ответ будет непросто.

Софи начала разговор с того, что не на шутку озадачила молодого адвоката.

— Это печальная новость, господин Форд, — сказала она низким голосом, внимательно глядя на гостя.

— Какая именно, мисс Уорри?

— Неужели вы не видели последний номер местной газеты, господин Форд?

— Нет. Я только прибыл в Санкт-Эвалдс.

— С мисс Куинтон и Дерикой? По крайней мере, я так слышала. А сэру Ганнибалу хватило ума не приезжать.

— Не понимаю, о чем вы говорите, мисс Уорри.

— Ах, я забыла. Вы же не читали газету! Боюсь, здесь у меня экземпляра нет...

— В таком случае, мисс Уорри, вы, быть может, сами расскажете мне ту печальную новость, о которой говорили?

Для печальных новостей предсказательница выглядела слишком радостной.

— В газете пишут, что полиция нашла улику, указывающую на то, что сэр Ганнибал и в самом деле убил господина Боуринга, и что он должен быть арестован, — объявила она. — Уже выписан ордер. И детектив отправился в Лондон, чтобы арестовать убийцу. — При этих словах Форд вскрикнул от удивления. — Вот такие печальные новости.

— Вы, кажется, совершенно уверены, что сэр Тревик виновен, — едко заявил адвокат, вернув себе самообладание.

— С учетом открывшихся фактов — несомненно, — безмятежно проговорила его собеседница.

— Каких фактов?

Мисс Уорри немедленно пустилась в долгие объяснения, которые касались истории Полуина, значительно искаженные сказкой Анака и чудесным откровением ее собственных пророчеств.

Освальд слушал молча, пытаясь мысленно ухватиться за любую деталь, которая могла бы помочь ему разрешить тайну смерти миллионера. Однако Софи рассказала ему лишь то, что он уже узнал от слуги, поэтому Форд не дал экс-гувернантке увидеть, какое впечатление произвел на него ее рассказ. Когда она закончила, он совершенно спокойно посмотрел на нее.

— Конечно, я не верю во все эти сплетни, — объявил юрист.

— Сплетни! — злобно прошипела гадалка. — Полиция не выписывает ордера на основании сплетен.

— Все эти сказки до сих пор не доказаны, мисс Уорри. Я совершенно уверен, что сэр Ганнибал охотно предстанет перед обвинителями.

— В зале суда или прямо на улице?

— Все может быть, мисс Уорри. Вы, полагаю, в любом случае будете в первых рядах?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — начал Форд, поднимаясь, чтобы придать

должный эффект своим словам, — что знаю о заговоре, цель которого — опорочить честное имя сэра Тревика. И в связи с этим мне придется кое-что предпринять, чтобы общество наконец узнало правду.

— Нет ничего проще, — хладнокровно объявила Софи. — Просто расскажите им, что господина Боуринга убил мой бывший работодатель.

— А вот здесь у меня имеются возражения по иску!

— Избавьте меня от вашего профессионального жаргона, мистер Форд. Еще бы вы не считали, что сэр Ганнибал невиновен — вы же собираетесь жениться на Дерике.

— Ах, да. Вот только дело в том, что я на Дерике не женюсь.

— Что? — мисс Уорри пораженно уставилась на адвоката.

— Согласно воле покойного господина Боуринга, Дерика должна выйти замуж за Моргана Боуринга. Сэр Ганнибал уверен, что этот брак должен состояться. Как видите, мисс Уорри, у сэра Тревика не было причин убивать Боуринга. Да, он на какое-то время получил деньги убитого миллионера, но лишь в доверительное управление, чтобы сохранить их для молодой пары.

Бывшая гувернантка фыркнула, а потом наигранно рассмеялась:

— Простите меня, мистер Форд, но я присутствовала при чтении завещания. Брак Дерики с Морганом не является необходимым условием для получения денег.

— А вот сэр Ганнибал полагает, что должен выполнить пожелания своего покойного друга.

— «Своего покойного друга»! — насмешливо произнесла дама. — Вы, наверное, хотели сказать «своего покойного врага».

— Почему вы так считаете?

— Я многое знаю, — ответила мисс Уорри в своей загадочной манере. — Ваша история об этом браке ничуть не впечатлила меня, мистер Форд. Сэр Ганнибал не тот человек, который выдаст свою дочь замуж за сумасшедшего. Да и вы не откажетесь от такой красавицы, как Дерика, не говоря уже о том, что она из тех девушек, которые самостоятельно решают свою судьбу. Если вы думаете, что можете при помощи этой басни избавиться от мотива, то вы, господин Форд, сильно ошибаетесь. Сэру Ганнибалу нужны были деньги, и из-за них он убил господина Боуринга.

— А доказательства у вас есть?

— Послушайте меня. Если понадобится, я готова повторить это и в зале суда. Вы знаете, что я написала в письме Боурингу?

— Да. Только я не верю, что вы прочитали его судьбу по руке.

— Не только по руке, у меня еще был кристалл, — огрызнулась

Софи. — Но это не все, чем я воспользовалась.

— Я так и думал, — насмешливо заметил Освальд.

— Кристалл и ладонь господина Боуринга всего лишь подтвердили то, о чем я и так догадалась. В тот день, во время праздника, я зашла в дом и слышала, о чем говорили в библиотеке Боуринг и сэр Ганнибал.

— Вы подслушивали?

— Ничего подобного, — покраснев, ответила Софи. — Мне нужна была книга по гаданию. Я хотела заглянуть в нее, чтобы освежить память. Я пошла в библиотеку, услышала голоса и спряталась за ширму.

— Зачем же вам было прятаться?

— Я не хотела, чтобы кто-то думал, будто я гадаю по книгам. Можете назвать это слабостью, мистер Форд. Но все было именно так. Так вот, как только я спряталась за занавесью, вошли сэр Ганнибал и господин Боуринг. Они ссорились.

— И о чем же, мисс Уорри?

— Точно сказать не могу. Речь шла о чем-то, связанном с черепом и зулусским знахарем. Они говорили тихо, сердито, а у меня не такой уж хороший слух, и к тому же стояли они в противоположном конце библиотеки, у окна. Но я в самом деле слышала, что сэр Тревик заявил, что убьет господина Боуринга, прежде чем тот опозорит его.

— Неужели сэр Ганнибал использовал именно эти слова?

— Да. Поэтому, когда я увидела и в кристалле, и на ладони Джона Боуринга предсказание о том, что он умрет, не добравшись до дома, я догадалась, что сэр Ганнибал собирается исполнить угрозу.

Адвокат задумался.

— Все это более чем странно.

— Хотите сказать, что не верите мне? — отрезала дама, вставая.

— Нет, но...

— Не верите. Зря я вам все рассказала, раз вы сомневаетесь в моих словах. Не желаю дольше находиться в вашем обществе, — и мисс Уорри совершенно неожиданно вышла из гостиной, прежде чем Форд смог протянуть руку или сказать хоть слово, чтобы остановить ее. Ему показалось, что собеседница испугалась, как бы он не продолжил расспросы и не бросил тень на ее версию, и потому воспользовалась первым пришедшим на ум предлогом, чтобы улизнуть.

Прежде чем уйти, Освальд через прислугу отправил записку, попросив Софи вернуться. Она отказалась, и тогда Форду ничего не оставалось, как отправиться домой. Он лег спать, совершенно сбитый с толку информацией, которую получил от этой странной женщины. Он не знал,

был ли ее рассказ правдив, или это была всего-навсего фантазия злобной старой девы, но тем не менее теперь все указывало на то, что сэр Ганнибал Тревик и в самом деле может быть виновен. А значит, его действительно могли арестовать.

Освальд плохо спал этой ночью, так как не мог придумать, как избежать надвигающихся неприятностей. Улики против Тревика были столь сильны, что баронет вполне мог закончить жизнь в петле. Однако адвокат ни на минуту не поверил в то, что его будущий тесть виновен. Вот только как это доказать? Единственное, что приходило ему в голову, так это поехать в Лондон и расспросить сэра Ганнибала относительно коронованного черепа, на упоминания о котором он то и дело натыкался.

Однако, как выяснилось, Освальду не было никакой надобности покидать Санкт-Эвалдс. Он уже готовился отбыть, когда к нему в комнату заглянул Иосия Полуин.

— Сэр Ганнибал исчез, — объявил он.

Глава XI Рабочие

Все было точно так, как сказал Полуин: сэр Ганнибал Тревик исчез.

Детективы, отправившиеся в Лондон на ночном поезде, чтобы арестовать баронета, обнаружили, что он съехал со всеми пожитками в неизвестном направлении. Расспросив дворецкого, детективы выяснили, что аристократ отправился в отель, решив, что будет чувствовать себя там более свободно, чем в доме своей чопорной свояченицы. Но в гостинице сэра Ганнибала не видели.

Расспросы в клубе показали, что старый джентльмен там давно не появлялся, и теперь сыщики понятия не имели, где его искать.

Позднее, во второй половине дня, они появились в особняке Тревиков и допросили Дериду и мисс Куинтон. К счастью, к этому времени там уже появился Форд, который активно поддержал обеих дам.

Детектив — маленький брюнет с черными глазами и худым лицом — протянул визитку, на которой значилось: «Джайлс Аркл». С выражением полной растерянности Дерика тут же передала ее Форду. Из его слов она уже знала, что ее отец исчез. Так что новость, которую принес Полуин — а он в свою очередь узнал об этом от одного знакомого полицейского, — оказалась верна.

— Зачем этот человек хочет видеть меня? — озадаченно спросила мисс Тревик, кивнув на визитную карточку.

— Не могу сказать с полной уверенностью, — спокойно ответил ее возлюбленный, не сразу поняв, что их гость полицейский. — Хочешь, я встречу с ним вместо тебя, дорогая?

— Думаю, Дерике лучше увидеться с ним самой, — заметила мисс Лавиния, которая сидела у окна с вязанием.

— Что же, значит, так я и сделаю, — решительно объявила девушка и отправилась в гостиную, где ее ожидал детектив.

Освальд с беспокойством посмотрел на мисс Куинтон.

— Ну? — поинтересовалась та, не поднимая глаз.

— Интересно, не из Скотленд-Ярда ли этот Аркл.

— Возможно, — равнодушно ответила Лавиния.

— Вы, кажется, ничуть не удивлены и не раздражены.

— Ни то, ни другое, — спокойно ответила старая дама. — Если сэр Ганнибал решил связаться с темными личностями, ему следовало и понимать, какую ответственность он берет на себя.

— Но вы же не думаете, что он виновен?

— Нет. Я, конечно, так не считаю. Но, судя по тем слухам, которые до меня доходили, и по тому, что рассказала вам мисс Уорри, Ганнибалу будет не просто очистить свое имя. Так что бегство — вполне разумный ход.

— Позвольте с вами не согласиться, — быстро ответил Форд. — У меня сложилось впечатление, что он готов лицом к лицу встретиться со своими обвинителями.

— Сомневаюсь. — Мисс Лавиния невозмутимо продолжала вязать. — Ганнибал никогда не умел отвечать за свои поступки.

— Я считаю, что против него существует заговор.

— Думаю, вы правы. Но если так, это должно быть связано с его делами в Африке.

— Мисс Куинтон, если вы что-то знаете...

— Ничего. Абсолютно ничего. После бесед с господином Боурингом я могу только сказать: и он, и мой зять занимались делами, которые явно не следовало бы предавать огласке.

— Думаю, Боуринг был слишком хитрым человеком, чтобы так просто выдать себя, — сухо заметил адвокат.

Его собеседница, оторвавшись от вязания, холодно поглядела на молодого человека.

— Я читаю мысли не лучше, чем большинство людей, — тихо сказала она. — И я не говорю, что у меня есть точные сведения, порочащие моего зятя или господина Боуринга. Тем не менее я уверена, что дело тут темное. А теперь Джон Боуринг мертв, и грехи их обоих легли на плечи сэра Ганнибала.

— А знаете ли вы что-нибудь о Мертвой голове?

— Нет, — покачала головой пожилая леди. Она хотела добавить еще что-то, но в этот момент вошел лакей и сообщил, что господина Форда просят в гостиную. Бросив быстрый взгляд на мисс Куинтон, которая невозмутимо продолжала вязать, Освальд поспешил за слугой и обнаружил бледную от гнева Дериду в обществе щеголеватого маленького человечка.

— Это детектив, — сказала она, как только ее жених закрыл за собой дверь. — Он хочет знать, не прячу ли я где-нибудь в доме своего отца. Я сказала, что моему отцу незачем скрываться, но этот человек мне не верит.

— Мне очень жаль, мисс, — извиняющимся тоном проговорил господин Аркл. — Но это моя работа. Мне нужно задержать сэра Ганнибала.

— Невинного человека.

— Да, мисс. Каждый человек обладает презумпцией невиновности,

пока не доказана его вина.

— Как вы смеете даже заикаться о вине моего отца? — вспыхнула девушка. — Освальд, может, хоть ты его вразумишь?

— Моя дорогая Дерика, он всего лишь выполняет свой долг, и мы не должны препятствовать его работе, — спокойно возразил Форд, а потом обратился непосредственно к Арклу: — Уверяю вас, сэра Ганнибала Тревика нет в этом доме.

— Вы знаете, где он? — с сомнением в голосе поинтересовался сыщик.

— Если б я знал, то пошел бы к нему и посоветовал сдаться в руки закона. Сэр Ганнибал так же чист перед законом, как вы или я, господин Аркл, и он смог бы легко защитить себя от клеветы, которая преследует его.

— Тогда почему же он сбежал?

Тут вновь вмешалась все еще сердитая Дерика:

— Вы не имеете никаких оснований считать, что он сбежал!

Джайлс Аркл скептически посмотрел на нее.

— Сэра Ганнибала нет в доме мисс Куинтон в Кенсингтоне, — начал перечислять он. — Он не появлялся в клубе. Не возвращался в отель «Гуэльф». Так как против него выдвинуто серьезное обвинение, а самого его не найти, то несложно прийти к выводу, что он скрывается от следствия.

— Ничего подобного. Вы не имеете права так говорить.

— Он определенно бежал из Санкт-Эвалдса.

— Лишь потому, что эти варвары из карьера, ни в чем толком не разобравшись, решили взять правосудие в свои руки. Кстати, они ведь должны быть наказаны, — напомнила ему девушка.

— Они будут наказаны, мисс Тревик. Скорее всего, человек по имени Анак будет арестован. Он был у них главарем.

— А вы знаете, где сейчас этот Анак? — тут же поинтересовался Форд.

— В это время он обычно в карьере, — ответил Джайлс. — Он живет с матерью, которую многие называют ведьмой. Настоящее имя этого Анака — Хью Карни.

Тем не менее я пришел сюда, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них. Сэр Ганнибал...

— Его здесь нет, — резко объявила Дерика. — Вы сомневаетесь в моих словах?

— Моя дорогая, — проговорил адвокат, увидев, как детектив прикусил

губу от досады. — Не стоит так говорить с человеком, который всего лишь выполняет свой долг. Мы знаем, что твоего отца тут нет, пусть и господин Аркл в этом убедится, обыскав дом.

— Но ведь это оскорбительно, Освальд!

— Милая, мы давно перешли ту грань, где оскорбления еще имеют значение.

Дерика на мгновение задумалась. Потом здравый смысл пришел ей на помощь, и она поняла, что и в самом деле несправедливо отнеслась к тихому маленькому человеку, который вел себя очень вежливо, учитывая то, насколько неприятно было для всех присутствующих его присутствие.

— Можете обыскать дом, — резко сказала девушка.

Детектив пристально посмотрел на нее.

— Не думаю, что это необходимо, мисс Тревик, — сказал он все так же вежливо. — Поверю вам на слово. Но если сэр Ганнибал даст о себе знать, то с вашей стороны было бы очень мудро посоветовать ему сдаться.

— А вот это уже мое дело, — решительно объявил Форд. — Впрочем, в том, что вы говорите, господин Аркл, есть резон.

Джайлс поклонился и взял шляпу, собираясь покинуть гостиную, однако Дерика остановила его.

— Минутку, сэр, — быстро заговорила она. — А как вы узнали, что мой отец был у мисс Куинтон в Кенсингтоне?

— Мы узнали об этом в отеле «Гуэльф». Там сэр Ганнибал оставил свой новый адрес.

— Но почему вы вообще решили отправиться именно в этот отель?

Сыщик пожал плечами:

— Жители Санкт-Эвалдса сказали, что обыкновенно мистер Тревик останавливается именно там.

— Понятно... Что ж, господин Аркл, могу обещать, что если отец каким-то образом свяжется со мной, я посоветую ему сдаться. Но уверяю вас: он ни в чем не виновен. Убийцу господина Боуринга нужно искать в другом месте.

Аркл внимательно посмотрел на девушку.

— Может, вы, мисс, кого-то подозреваете? — мягко спросил он.

— Нет, конкретно — никого. Но смею заверить, мой отец все время был на празднике. Возможно, вы, мистер Аркл, объясните, на каком основании собираетесь его арестовать?

— Конечно, мисс. Я ничуть не нарушу свой долг, сказав вам, что сэр Тревик и убитый были в плохих отношениях. На празднике господин Боуринг сказал вашему отцу, что, составляя завещание, оставил ему все

свои деньги. Что до сэра Тревика, то он отлучался с праздника. Как говорят свидетели, он уехал на мопеде по одной дороге и скатил камень на другую. Так как столкновение не убило мистера Боуринга, господину Ганнибалу пришлось выстрелить в него, а потом поспешить назад. Мистер Полуин может подтвердить, что встретил сэра Тревика на мопеде, а Хью Карни по прозвищу Анак говорит, что видел его поблизости от карьеров в тот день, когда произошло убийство.

Господин Аркл остановился и, глядя на Дерика, стал ждать, что она на все это скажет.

Девушка молчала, словно язык прикусила, да и ее возлюбленный не произносил ни слова, явно не склонный говорить. Детектив бросил на них последний внимательный взгляд. Когда дверь за ним закрылась, Дерика повернулась к Освальду.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросила она.

— Скажу тебе только после того, как пообщаюсь с Анаком, — ответил Освальд. — Я собираюсь отправиться в карьер.

— Постой. Как ты сам-то считаешь: почему папа убежал?

— Думаю, он не убежал. Он вернется сюда, и тогда мы уговорим его сдать полиции.

Дерика задумалась. Молодой человек, решив не мешать ей, уже было взялся за ручку двери, собираясь уйти.

— Софи — очень злобная женщина, — неожиданно заявила Дерика.

— Ты говоришь о мисс Уорри? — уточнил юрист.

— Конечно. Она старается навредить отцу потому... Звучит невероятно, и все же... Потому, что она когда-то хотела выйти за него замуж. Можешь смеяться, сколько хочешь, но так оно и есть. А когда она поняла, что у нее ничего не получится, то выдумала эту историю про ссору в библиотеке, чтобы испортить ему жизнь.

— Но, возможно, что-то в этой истории все же было правдой? В конце концов, ты сама, Дерика, говорила, что они поссорились, — задумчиво сказал Форд. Дерика побледнела.

— Думай что говоришь, Освальд!

— Молчу, молчу. Но ты-то сама что думаешь об этих угрозах?

Теперь взгляд его возлюбленной был полон презрения.

— Папа всегда несет ерунду, когда сердится, — объяснила она. — Вполне возможно, что он и в самом деле поссорился с господином Боурингом и оба наговорили друг другу того, о чем потом стали бы жалеть. Софи повезло подслушать отца, когда он говорил что-то в сердцах, совершенно не отвечая за свои слова.

— Как ты думаешь, она и в самом деле услышала лишь часть разговора? — с сомнением спросил Освальд. — Она показалась мне женщиной, которая держит все при себе и в любой момент готова достать из рукава припрятанный козырь, вроде того, что она заявила во время следствия о своем пророческом даре.

— Софи туга на ухо, — задумчиво ответила мисс Тревик. — Если папа и господин Боуринг стояли у окна, она не могла расслышать все. Ширма, за которой она пряталась, стоит в другом конце комнаты. Нет, Освальд, если бы она слышала что-то, что могло и в самом деле повредить моему отцу, она непременно упомянула бы об этом в разговоре с тобой.

— Тем не менее она вышла из комнаты до того, как я подробно расспросил ее.

— Я сама ее расспрошу, — решила Дерика. — Сегодня же вечером пойду и выясню, почему она поливает папу грязью.

— Но ты уже назвала причину.

— О, в этом Софи никогда не сознается.

— Хорошо. Я предоставлю тебе иметь дело с этой дамой, а сам отправлюсь к миссис Карни и ее сыну-переростку.

На том они и расстались. Форд ушел, а Дерика поспешила рассказать все тете. Молодой адвокат заехал перекусить в «Королевскую броню», а потом отправился к карьерам по той самой дороге, на которой произошло убийство.

Ему хотелось непременно переговорить с Анаком и узнать, почему этот человек доставляет всем столько неприятностей. Тревик был не из тех людей, у кого много врагов. По натуре своей он был мягким и ленивым. Тем не менее Хью Карни не только обвинил его в преступлении, которого тот не совершал, но еще и привел людей к его дому, подбивая их устроить самосуд. Такое можно было бы вообразить в дикой стране вроде России, но никак не в тихой английской глубинке. Однако это случилось, и за то, что суд Линча не состоялся, нужно было благодарить лишь Энн Стреттон. Форд вспомнил, что собирался поговорить и с этой, как ее называла Эрика, авантюристкой. Быть может, он найдет в ее рассказе что-то, что поможет ему снять обвинение с баронета.

В этот светлый день в ясном голубом небе сияло солнце, и вересковые пустоши выглядели удивительно красивыми. Они тянулись по одну сторону извилистой дороги, а с другой стороны был каменистый обрыв, о который бились ленивые волны океана. Воздух был свеж, и Освальд вдыхал полной грудью, трясясь в коляске, запряженной маленьким пони с умными глазами.

Проезжая мимо места убийства, он увидел яму, которую пробил упавший кусок гранита, и разбросанные вокруг обломки — все, что осталось от глыбы, разорванной динамитом, чтобы расчистить дорогу. А сразу за поворотом молодой адвокат увидел Анака. Его нельзя было не узнать, ибо в этих местах не было другого настолько огромного мужчины.

— Это не Хью Карни? — поинтересовался Форд у возницы.

— Да, сэр, это он. Мы называем его Анак.

— Можете остановиться здесь, — юрист выпрыгнул из коляски, собираясь подойти к высокому рабочему. Анак же тем временем добрался до обрыва, а потом резко повернул голову на звук приближающихся шагов. Форд жестом приказал ему остановиться. Звероподобный гигант возвышался над стройным адвокатом, хотя тот и сам был более чем среднего роста. У Хью было угрюмое лицо, больше похожее на бычью морду. Одежда его была грязной, а голову венчала копна рыжих волос. Такой же рыжей была и его клочковатая борода. Анак показался Освальду уменьшенной копией того самого великана, которого в сказке убил Джек.

— Вы Хью Карни? — взяв себя в руки, бодро поинтересовался молодой адвокат.

— Я — Анак, — ответил гигант без особой вежливости.

— Думаю, это прозвище вам хорошо подходит. Я господин Форд и действую по поручению сэра Ганнибала Тревика.

Услышав это имя, рабочий сжал кулаки, и лицо его скривилось.

— Лучше бы ему мне не попадаться, — прорычал он.

— В самом деле? — адвокат попытался изобразить искреннее удивление. — А почему?

— У меня есть на то свои причины.

— Может, вы мне расскажете?

— А с чего я должен это делать? — снова рыкнул Анак.

— Мой друг, знаете ли вы, что вас могут в любой момент арестовать за то, что вы привели людей к особняку сэра Ганнибала и хотели устроить над ним суд Линча? Но я помогу вам, если вы поможете мне.

— Помогите вам в чем? — сердито поинтересовался каменотес.

— Очистить имя сэра Тревика.

— Да я скорее повешусь.

— Вы рискуете отправиться за решетку, — резко объявил Форд. — Хотите, чтобы вас арестовали?

— Поглядел бы я на того, кто попробовал бы меня арестовать, — Анак яростно взмахнул ручищами.

Адвокат скептически посмотрел на звероподобного гиганта.

— А ведь вы ходили в школу, — заметил он совершенно неожиданно.

— Ходил когда-то, и что с того? — прорычал Хью.

— Видно, что у вас было какое-то образование, потому что говорите вы грамотнее большинства местных рабочих. А раз вы имеете хотя бы начальное образование, то должны знать, что никакая грубая сила не сможет противостоять закону. Даже с такими мускулами, как у вас, вы ничего не сможете сделать против пары полицейских.

— Я бы одолел десяток.

— Не сомневайтесь, за ними явится и десяток, а потом другой, — сухо ответил Освальд. — Но в любом случае после этого вам придется отправиться в тюрьму. Однако я смог бы заступиться за вас, если бы вы ответили на парочку вопросов.

Эти аргументы, казалось, подействовали на гиганта. Тот изо всех сил пнул камень, лежавший у него под ногой, а потом неохотно поинтересовался:

— И что вы хотите от меня услышать? Сэр? — последнее слово он выдал с особой злобой.

— Почему вы повели рабочих к особняку сэра Ганнибала?

— Потому что сэр Ганнибал убил господина Боуринга. А господин Боуринг был хорошим хозяином. Он платил хорошую зарплату. Еще бы нам не разозлиться, когда мы узнали, что его убили.

— Но это сделал не сэр Тревик.

— Это был он, я-то знаю.

— Откуда?

— Оттуда, что я видел его тут, на пустошах, сразу после того, как свалился камень.

— Вы же не станете убеждать меня, будто такой изнеженный и престарелый человек, как сэр Ганнибал Тревик, смог столкнуть эту гранитную глыбу на шоссе?

— Он мог попросить кого-нибудь из рабочих помочь ему, — резко ответил Анак. — Узнаю, кто это был — раскрою ему череп!

— Как вы, однако, любезны, господин Карни, — усмехнулся Форд. И хотя его собеседник выглядел опасным человеком, адвокат продолжил расспросы. — А почему тогда вы сразу не раскололи череп сэру Ганнибалу, когда увидели его поблизости?

— Я потерял его в тумане, — угрюмо ответил Хью.

— В день убийства не было никакого тумана.

— Был, еще какой. Не на дороге, это правда, но пустоши были все в тумане. Я как раз шел домой, когда из тумана вышел сэр Ганнибал. Он

бежал прочь с места убийства. Я всегда не любил его, вот и последовал за ним. Он шел туда, к другой дороге. Я не смог его догнать. А потом я услышал шум мотора, — с триумфом в голосе закончил рабочий.

Судя по этому рассказу, выходило так, что баронет и в самом деле виновен. Только вот слова Анака противоречили тому, что рассказал слуга Полуин. А что если гигант на самом деле видел Полуина? Впрочем, перепутать их было сложно: Иосия был маленького роста и полным, а сэр Ганнибал — худым и высоким. Даже в тумане одного было решительно невозможно принять за другого. Освальд был озадачен, поэтому решил сменить тему разговора. Вместо того чтобы продолжать расспросы об убийстве, он поинтересовался:

— Почему вы ненавидите сэра Ганнибала?

Анак на мгновение задумался, а потом шагнул вперед.

— Пошли, — сказал он, бросив мрачный взгляд через плечо. — Я покажу вам причину.

Недоумевая, адвокат отправился в гору вслед за огромным рабочим. Минут через пятнадцать они добрались до маленькой хижины, построенной в тени гигантского кромлеха. Хью подошел к двери и рывком отворил ее.

— Мама! — громким голосом позвал он.

Однако на пороге появилась не старушка, как ожидал адвокат, а изящная мисс Энн Стреттон.

Глава XII Новости

Анак оказался столь же поражен ее появлением, как и его спутник. Он не ожидал увидеть на пороге своего дома женщину, которая сорвала нападение на особняк сэра Ганнибала. На мгновение он застыл, разглядывая ее красивое лицо, а потом, сжав кулаки и раздув ноздри, бросился вперед.

— Это ты дала ему сбежать! — прорычал каменотес, вспомнив о том, как эта дама помогла баронету.

Однако Форд не растерялся, преградив ему путь, и тогда гигант обрушился на адвоката. Однако молодой человек хоть и уступал в силе этому Голиафу, но, в отличие от противника, в свое время брал уроки джиуджитсу. Прежде чем Анак, понадеявшийся на свою гигантскую силу, понял, что происходит, он уже лежал на земле. Когда же он снова сел, на лице его было написано откровенное изумление.

Освальд рассмеялся, а за ним и Энн. С диким рычанием Анак ринулся в новую атаку. Размахивая могучими руками, он вскочил на ноги и рванулся вперед. Юрист стоял неподвижно, пока рабочий не навис над ним, а затем вдруг упал на спину, выбросив вверх ногу. Наскочив на нее, Анак под действием собственной силы перелетел через Форда и рухнул в густую, влажную траву. Все это было сделано так легко и аккуратно, что художница, восхищенная ловкостью молодого человека, захлопала в ладоши.

Поднявшись на ноги, Освальд снова рассмеялся и подошел к гиганту. Падая, тот ударился головой о камень и потерял сознание. Быстро осмотрев рабочего, адвокат убедился, что тот не ранен, и вернулся к Энн.

— Все в порядке, минут через десять он придет в себя, — заверил даму молодой адвокат.

— Вы не убили его, господин Форд?

— Что вы, лишь оглушил. Он скоро очнется.

— Может, нужно ему чем-то помочь? — не отставала Энн, поражаясь хладнокровию юриста.

— Нет. Придя в себя, он может доставить новые неприятности, а я бы хотел спокойно поговорить с вами и миссис Карни.

Не успела девушка выразить свое восхищение хладнокровным поведением молодого человека, как ее отодвинула в сторону худая старуха с затуманенным взглядом. Она вышла вперед, опираясь на костыли. Эта

женщина носила выцветшие тряпки — обноски некогда богатой одежды. Кроме того, она с трудом стояла на ногах, поддерживая тело двумя костылями. Ее седые волосы висели клочьями. Однако взгляд блестящих глаз миссис Карни говорил о том, что разум ее в порядке, хоть и выглядит она развалиной. Лицо ее напоминало маску из морщин, а таким подбородком, как у нее, гордился бы сам Щелкунчик. В Средние века такую женщину сожгли бы как ведьму без всякого допроса и следствия.

Увидев своего сына, распластавшегося на земле, госпожа Карни качнулась вперед. Глаза ее полыхнули гневом, а потом она злобно посмотрела на Форда. Судя по всему, старуха тоже была поражена тем, что юноша одержал победу над ее сыном-гигантом, как библейский Давид над Голиафом.

— Я все слышала, — объявила миссис Карни, обращаясь к Форду, и тот отметил, что говорит она тоже правильно. — Вы что, убили моего сына?

— Всего лишь оглушил, — беззаботно ответил Освальд. — Надеюсь, этот урок научит его чему-то, и он оставит мисс Стреттон в покое.

Пожилая женщина отвернулась от Анака, посмотрев на Энн.

— И в чем тут дело? — спросила она.

— Анак меня чуть не ударил, — объяснила девушка. — Но господин Форд...

— А почему он собирался тебя ударить?

— Потому что я соврала ему, когда он привел рабочих к особняку сэра Ганнибала, чтобы устроить самосуд.

— Дурак он, — вздохнула миссис Карни. — Он оставит вас в покое, не бойтесь. Хотя, мисс, и я не больно-то рада, что вы не дали ему вытащить этого Тревика из дома и окунуть в пруд.

— Мы уже все это обсудили прежде, — спокойно сказала мисс Стреттон. — Господин Форд, могу ли я спросить, зачем вы пришли сюда?

— Для того, чтобы мне погадали, — ответил адвокат.

— На сэра Ганнибала?

— Да, мисс Стреттон. Вы отличаетесь проницательностью.

— Но почему вы не взяли сэра Ганнибала с собой? — поинтересовалась молодая художница.

— По той простой причине, что он исчез.

Лицо девушки вытянулось от удивления:

— Исчез! Что вы имеете в виду?

— Ровно то, что говорю. Полицейские получили ордер на арест сэра Тревика и отправились за ним в Лондон. Однако кто-то предупредил его, и

когда полицейские пришли за ним, выяснилось, что он пропал.

— Очень мудрое решение, господин Форд, — кивнула мисс Стреттон. — Он ведь не может рассчитывать на правосудие, когда местные жители так сильно настроены против него. А мисс Тревик знает, где ее отец?

— Нет. Она в таком же недоумении, как и я. Я же приехал сюда, если говорить откровенно, затем, чтобы расспросить Анака, который уверяет, что в день убийства видел сэра Ганнибала.

— Я приехала сюда за тем же, — откровенно объявила Энн. — Я хотела бы помочь сэру Ганнибалу выбраться из этих трудностей.

— Почему, мисс Стреттон? — серьезно спросил Освальд.

— Расскажу об этом чуть позже. Скоро начнет темнеть, и я попрошу вас проводить меня назад в Санкт-Эвалдс.

— Я оставил коляску у карьера, — быстро сказал молодой человек. — Буду рад подвезти вас. Но я-то думал, что вы остановились у миссис Пенриф.

— Мне пришлось отсюда съехать, так как я поссорилась с господином Пенрифом, — ответила Энн.

— Но я полагал, что вы помолвлены...

— Нет. Дело уже шло к помолвке, но определенные причины...

— Связанные, я полагаю, с сэром Ганнибалом Тревиком?

Девушка отвернулась, оставив вопрос без ответа.

— Может, и так, — тихо сказала она. — Но посмотрите, мистер Форд, Анак приходит в себя.

— Спасибо вам, молодой человек, что хоть не убили его, — зло сказала миссис Карни.

Ее сын сел, в недоумении прижал руку к голове и тяжело закричал. Покачивая головой, словно пытаясь понять, что же с ним произошло, он с трудом поднялся на ноги. Они с матерью были похожи на Калибана и Сикораксу^[8] — было видно, что они очень любят друг друга. Единственное, чего он никак не мог понять, так это почему мать и сын Карни, бедняки, жившие чуть ли не в звериной берлоге, так грамотно говорили. Они с Энн молча наблюдали за этими необычными людьми.

— Все в порядке, мама, все в порядке, — пробормотал Анак, пошатываясь. — Только в голове немного шумит. Ничего, я скоро приду в себя...

— Заходи домой, дорогой, — позвала его старуха. — Я дам тебе лечебной травки, чтобы прошла голова. Через несколько часов ты будешь совершенно здоров.

— Подожди немного, — сказал Хью вслед матери, которая уже скрылась в хижине. Вместо того чтобы последовать за ней, он повернулся к своему противнику.

Форд, решив было, что каменотес собирается вновь напасть, напрягся, но намерения Анака оказались весьма доброжелательны. Натянуто улыбнувшись, он протянул юристу руку.

— Уложили-таки меня, молодой господин, — проворчал он. — Вот уж не думал, что доживу до того дня, когда кто-то сможет сбить меня наземь, словно кеглю.

— Это особые приемы, — усмехнулся Освальд и пожал руку гиганта.

— Станный способ драться, — озадаченно заметил Анак. — Вы почти не прилагали сил, а на земле все же оказался я. Ну что ж, раз вы меня побили, будем друзьями!

— Что?! — взвизгнула миссис Карни, высунувшись в дверной проем. — Ты позволил этому молодому нахалу сбить тебя с ног, а потом предлагаешь ему свою дружбу, вместо того чтобы стереть его в порошок?

— Можешь попробовать сама, мамочка, — усмехнулся великан. — Боюсь, даже твои длинные ногти не дотянутся до его лица. Этот парень знает всякие приемчики, мне с ним не справиться.

Эти слова отчасти успокоили пожилую женщину. Она знаком указала сыну, чтобы тот сел на скамейку у двери хижины, и смазала какой-то мазью ссадину на его лбу, из которой все еще сочилась кровь. Затем, бросив искоса взгляд на Форда и мисс Стреттон, пожилая женщина проворчала:

— А вы двое можете идти.

— Я готова, — весело объявила Энн. — Господин Форд отвезет меня в Санкт-Эвалдс. Но я еще приеду, чтобы повидаться с вами, госпожа Карни, и непременно привезу вам новую одежду.

— Подождите, — попросил Анак, глядя на Освальда. — Я обещал этому молодому джентльмену рассказать, почему не люблю сэра Ганнибала. Так как я теперь его друг, то должен сдержать обещание... Так вот, всему причиной моя мать, — и он пальцем указал на старую ведьму.

— Миссис Карни? В каком смысле? — удивился адвокат.

Старуха вновь появилась на пороге, и ее черные глаза пылали огнем.

— В каком смысле! — воскликнула она. — Когда я была еще совсем юной девочкой, сэр Тревик обещал жениться на мне и оставил меня с разбитым сердцем. Вот тогда я вышла за Карни, только он оказался непутевым мужиком. А что до сына, то я вырастила его одна, с детства привив ему ненависть к этому аристократишке. И теперь он ненавидит его точно так же, как и я. Он впитал эту ненависть с моим молоком. Если ему

удастся убить или повесить мерзавца, я буду только рада!

— Но прошло уже столько лет. Неужели вы так и не простили его? — поинтересовалась художница.

— Я ненавижу его так же, как и в тот день, когда он оставил меня, чтобы жениться на матери мисс Дерики. Она-то была леди, а я всего-навсего оборванка с красивым личиком. Ненавижу его... Ненавижу... — старуха потрясла кулаком в воздухе, а потом плюнула от злости. — Много лет я ждала удобного случая отомстить ему. Теперь появился шанс. Я добьюсь, чтобы сэр Ганнибал Тревик качался в петле за смерть Джона Боуринга.

— Несмотря на то что он невиновен? — быстро спросил Форд.

— Несмотря ни на что! — объявила миссис Карни. — Я проучу этого господина за то, что он разбил сердце бедной девушки. За это он должен быть повешен!

Анак пристально посмотрел на свою мать.

— Мама! — гигант в упор посмотрел на старуху. — Ты говоришь так, что я начинаю верить, что сэр Ганнибал невиновен.

— Но он виновен. Ты же сам видел его неподалеку от того места.

— Так и есть, — согласился рабочий. — Но я не видел, как он сбросил тот камень и...

— Придержи язык! Ты как большой ребенок, — с тихой яростью проговорила госпожа Карни. — Не смей говорить ни слова в его защиту. Если ты помешаешь мне повесить его, я тебя прокляну!

— Нет! Нет! Нет! — затрепетал гигант. Кажется, он и в самом деле боялся проклятия своей матери. И неудивительно: когда она сердилась, лицо ее напоминало лик одной из фурий.

Освальд же только пожал плечами. Теперь он был уверен, что баронет невиновен и что Хью пытался оговорить его лишь для того, чтобы удовлетворить жажду мести своей матери. В то же время адвокат хотел удостовериться, что Анак и в самом деле видел сэра Тревика в день убийства. Но выяснить правду под яростным взором госпожи Карни не представлялось возможным. Форд дружелюбно протянул великану руку.

— Приходите ко мне в «Королевскую броню», — добродушно сказал он. — Там мы сможем поговорить без всяких помех. А это, миссис Карни, вам за беспокойство, — и он бросил старухе полсоверена.

Та вскрикнула то ли от удивления, то ли от восторга и потянулась за золотой монетой. Мисс Стреттон же, взяв адвоката под руку, последовала с ним вниз, к дороге, где ждал экипаж. Вначале они шли в тишине — тропинка была довольно крутой, — но когда оказались неподалеку от

дороги, Энн обратилась к своему спутнику.

— Я собираюсь навестить мисс Тревик, — объявила она.

— Думаю, не стоит, — возразил ей Форд, вспомнив все эпитеты, которыми награждала ее Дерика.

Молодая художница только рассмеялась.

— Я отлично знаю, что думает обо мне мисс Дерика, — сказала она, грустно взмахнув рукой. — Она считает меня авантюристкой, которая хочет любым способом выйти замуж за ее отца.

— Разве это не так? — деликатно поинтересовался адвокат.

— Не совсем так. Это сэр Ганнибал хочет жениться на мне. Он даже сделал мне предложение в письме, которое сейчас у меня в кармане.

— Но почему он не сделал это на празднике, когда мы с Дерикой натолкнулись на вас, мисс Стреттон?

— Он не успел: вы нас прервали, — объяснила Энн в той же спокойной манере. — Мисс Тревик тогда довольно бесцеремонно перебила его, хотя предложение было уже почти произнесено. Подумать только: если бы она тогда дала Ганнибалу договорить, он не оказался бы сейчас в такой беде.

— Не совсем понимаю вас, — сухо заметил Освальд.

— Могу объяснить, но не вижу необходимости делать это прямо сейчас.

Наступила напряженная пауза. Тем временем они вышли на дорогу. Впереди, чуть в стороне от тропинки, их ждала коляска с кучером. Форд направился было к ней, но Энн остановила его, не дав сделать и пары шагов:

— Господин Форд, я хотела бы закончить этот разговор, но так, чтобы его не слышал кучер. Подождите секундочку и позвольте мне договорить.

— Я полностью к вашим услугам, — отозвался юрист несколько натянуто. Однако ему было очень интересно узнать, что же такого эта девушка могла рассказать ему.

— Вы знаете мисс Куинтон? — неожиданно спросила художница.

— Да. Она сейчас в особняке мистера Тревика вместе с Дерикой.

— Ах, вот как! — удивилась мисс Стреттон. — Ну, это еще один повод наведаться туда. Когда-то мисс Куинтон была знакома с моим отцом, и меня она знает много лет, еще с тех пор, когда я была маленькой девочкой. Именно она дала мне рекомендательное письмо к сэру Ганнибалу и его дочери, когда я впервые приехала в Санкт-Эвалдс, чтобы изучать искусство. Мисс Куинтон — дама старого воспитания и считает меня авантюристкой, потому что я решила учиться, что, по ее понятиям, вовсе не

подобает женщине. Дерика обо мне такого же мнения. Может быть, они и правы, если считать авантюристкой любую, кто борется с неудачами и хочет выйти замуж за богатого человека. Как видите, я весьма откровенна с вами, господин Форд.

— Очень откровенны, — согласился ее спутник. — Но почему?

— На то у меня и в самом деле есть своя причина. Я хочу выйти замуж за сэра Ганнибала, потому что он богат и им легко управлять. Я не люблю его в романтическом смысле слова, но надеюсь стать ему хорошей женой.

— Не стану спорить, мисс Стреттон.

— Как вы знаете, — спокойно продолжала она, — я спасла его от очень неприятной встречи с толпой разъяренных рабочих. Дерика может меня не любить, но она должна признать, что я избавила ее отца от несправедливой расправы.

— Думаю, она поблагодарит вас при случае.

— Поблагодарит так, чтобы я почувствовала, как она меня ненавидит, — горько усмехнулась девушка. — Но я, господин Форд, сделаю для сэра Тревика много больше, если... — добавила она, сделав многозначительную паузу. — Я буду молчать.

— О чем? — спросил он, быстро повернувшись к ней.

Энн указала на возвышение, откуда было видно то

место, где раньше находилась гранитная глыба, сброшенная на дорогу.

— В день убийства Пенриф подвозил меня, — начала она рассказывать.

— Я знаю. Вы услышали выстрел и вернулись.

— Именно так. Но когда мы проезжали, на дороге еще не было гранитной глыбы. Господин Пенриф был слишком занят управлением лошадьми. А я подняла голову, посмотрела вверх и увидела... — тут художница замолчала.

— Ну и что же вы увидели? — с тревогой в голосе спросил Освальд.

— Рядом с глыбой, на вершине я увидела сэра Тревика.

— Должно быть, вы ошиблись, — выдохнул адвокат.

Мисс Стреттон покачала головой:

— Сэр Ганнибал всегда держит себя определенным образом — военная выправка. Уже смеркалось, опускался туман... — Форд вдруг вспомнил, что Анак говорил примерно то же самое. — Но я совершенно ясно видела сэра Тревика рядом с той гранитной глыбой. Я даже вскрикнула от удивления, и тогда господин Пенриф спросил меня, что случилось. Я ответила ему каким-то расплывчатым оправданием, поскольку он очень ревнив, и я не хотела лишний раз говорить с ним о сэре

Ганнибале.

— Что же вы сделали дальше?

— Ничего. Постаралась не оглядываться. А потом мы услышали выстрел и вернулись. Остальное вы знаете.

— И вы считаете, что это сэр Ганнибал убил господина Боуринга?

Мисс Стреттон только пожала плечами.

— У меня нет своего мнения на этот счет, — сказала она. — Я рассказала вам, что знаю... А сами вы как думаете?

Вместо ответа Форд задал наводящий вопрос:

— А вы вышли бы замуж за сэра Ганнибала, если бы у вас была такая возможность?

— Я думаю, у меня будет такая возможность, когда он вернется. Но если мисс Тревик не желает видеть меня в «мачехах», я согласна держать язык за зубами за пять тысяч фунтов.

— Мисс Стреттон, я не хотел бы участвовать в подобной сделке.

— Обдумайте мои слова и передайте их Дерике. Ну а теперь, я думаю, нам пора возвращаться в Санкт-Эвалдс. И больше я не скажу ни слова об этом деле, пока не получу ее ответ.

Они продолжили беседовать, обсуждая погоду, налоги и прочие пустяки, не имеющие никакого отношения к баронету. На рынке Энн попросила кучера остановить коляску, поблагодарила юриста за то, что тот подвез ее, и, выбравшись из коляски, отправилась восвояси. Освальд же попросил кучера отвезти его к дому Тревиков, чтобы лично передать Дерике все, что сказала мисс Стреттон.

Он нашел возлюбленную в гостиной вместе с мисс Лавинией. Они возбужденно обсуждали лежащий перед ними документ. Едва Освальд вошел, как Дерика бросилась ему на встречу.

— Освальд! — воскликнула она, размахивая бумагой. — Отец прислал письмо. Он пишет, что не вернется и что подарил мне доход в шестьдесят тысяч фунтов в год. Что все это значит?

Глава XIII Рассказ госпожи Крент

— Дарственная на такую большую сумму! — обескураженно проговорил Форд, переводя взгляд с Дерики на ее тетю и назад.

— Да не в сумме дело, — нетерпеливо воскликнула Лавиния. — Кому же еще сэръ Ганнибал должен был оставить деньги, как не собственной дочери? Вопрос совсем в другом: почему Ганнибал это сделал?

У адвоката на это был один ответ:

— Похоже, он и в самом деле виновен.

— Нет! — яростно воскликнула мисс Тревик. — Я не могу в это поверить... Хотя папа слаб, легко поддается чужому влиянию и, возможно, его моральные принципы не так крепки, как должно... Но я ни на минуту не могу представить себе, что он может опуститься до убийства.

— Я точно такого же мнения, моя дорогая, — согласилась мисс Куинтон. — Сэръ Ганнибал, как бы я к нему ни относилась, конечно, дурак, но не преступник.

— Дурак часто приносит больше вреда, чем преступник, мэм, — заметил мистер Форд.

— Согласна с вами. К примеру, тот дурак, о котором мы говорим, устроил себе на редкость неприятные проблемы, — покачала головой пожилая леди.

— Освальд! Тетя! — выкрикнула Дерика, краснея. — Не хочу, чтобы вы так говорили о папе! Он не хуже других. Слабость — не преступление.

— Но может привести к преступлению, — заметила мисс Лавиния, решив оставить за собой последнее слово.

Девушка не стала с ней спорить, а вместо этого повернулась к Форду и протянула ему письмо, которое до сих пор держала в руке.

— Я получила его вместе с дарственной от мистера Граттона, — проговорила она.

Адвокат взял послание и сел его читать, в то время как мисс Куинтон надела очки и вновь стала изучать дарственную, благодаря которой ее племянница стала богатой невестой.

В первую очередь Освальд посмотрел на адрес, чтобы узнать, где обосновался Ганнибал. Но вместо обратного адреса там стоял адрес адвокатской конторы Граттона. Видимо, баронет никому не хотел доверять секрет своего тайного убежища. «А так как с таким богатством ты станешь желанной добычей для любого плута, советую тебе выйти замуж за

Освальда Форда как можно скорее. Он хоть и бедный, но честный человек», — бросилась молодому человеку в глаза одна из фраз письма беглеца.

— Хорошая новость, — заметил молодой человек Дерике, которая читала послание отца, заглядывая ему через плечо.

— Пока папа не написал ничего из того, что я раньше не знала, — заметила мисс Тревик и осторожно пригладила волосы юноши. — Продолжай. Самая важная часть письма еще впереди.

Так и было, потому что в конце письма сэр Ганнибал просил дочь не искать убийцу господина Джона Боуринга. Кроме того, сэр Ганнибал сообщал, что уезжает за границу и что ему вполне хватит тех денег, что он оставил себе. Возвращаться он не намеревался: полученных от Боуринга денег ему должно хватить на безбедную старость, а Дерика могла выйти замуж за Форда и жить счастливо.

В целом, как подумал юрист, добравшись до подписи, в этом письме сэр Тревик фактически сознался в совершенном преступлении.

— Нет, — снова заявила девушка, прочтя мысли Освальда по выражению его лица. — Нет, — вновь повторила она. — Папа невиновен, но он, возможно, уехал, чтобы оградить истинного убийцу.

Мисс Лавиния с удивлением посмотрела на них с Фордом:

— Так вы считаете, что сэр Ганнибал знает, кто убил этого несчастного?

Дерика кивнула.

— Иначе я никак не смогу объяснить тот факт, что папа решил скрываться, — беспомощно проговорила она. — Никаких других причин для этого у него нет.

— Если, конечно, он сам ни в чем не виноват, — мрачно заметила мисс Куинтон.

— Тетя, но вы же сами сказали, что не верите, что папа совершил это преступление!

— По крайней мере, не такое, за которое можно отправиться на виселицу, — осторожно ответила старая дама. — Я не скажу никому, кроме тебя, Дерика, и вас, господин Форд, но мне это письмо кажется очень подозрительным, — и она указала на лист бумаги в руках Освальда.

— Должен сказать, что совершенно согласен с мисс Куинтон, — заметил адвокат. — А то, что я узнал от мисс Стреттон и Анака, и в самом деле подсказывает мне, что он так или иначе замешан в этом преступлении.

— Расскажи нам все, что ты узнал, — попросила побледневшая девушка. Несмотря на твердое убеждение, что ее отец не виноват, теперь,

видя, как колеблются дорогие ей люди, она и сама начала сомневаться.

Адвокат не заставил себя упрощать. Он подробно рассказал все, что узнал от Анака и Энн.

Дерика внимательно слушала, сложив руки и не спуская глаз со своего жениха. Она не видела причин не верить ему, и лишь всякий раз качала головой, когда тот упоминал юную художницу.

— Авантюристка, — презрительно объявила девушка, когда он закончил.

— И да, и нет, — спокойно заметил Освальд. — Думаю, дорогая, ты слишком строго к ней относишься. Она не ббльшая авантюристка, чем любая другая женщина, стремящаяся преуспеть в жизни.

— Совершенно согласна с вами, господин Форд! — неожиданно воскликнула Лавиния. — Я сама называла ее авантюристкой, но в конце концов, раз красота женщины — ее главный капитал, то почему бы ей не вложить его с выгодой? Нет ничего зазорного в том, чтобы выйти замуж за деньги. Энн Стретгон вышла из уважаемой семьи, я хорошо знала ее родителей. Кроме того, она умна и красива. А ваш отец настолько слаб, что наверняка женится вновь. Мисс Стреттон далеко не худшая из невест. По крайней мере, она будет держать его подальше от разных неприятностей.

— Все равно, она мне не нравится, — упрямо заявила Дерика.

— Женщинам свойственно недолго любить друг друга, — возразила мисс Куинтон. — Особенно если одна метит другой в мачехи.

— Она никогда не станет мне матерью! — вспыхнула девушка.

— Шансов у нее немного, — сухо заметила ее тетя. — Особенно пока за сэром Ганнибалом охотятся представители закона.

Форд подождал, пока эта словесная перепалка не закончилась, а затем обратился к Дерике:

— Ну, не станешь же ты отрицать, что мисс Энн вела себя очень разумно, когда спасла твоего отца и ваш дом от разрушения?

— Она сделала это лишь потому, что хотела выйти за него замуж, — настаивала на своем девушка.

Молодой адвокат задумался. Он считал неприязнь своей невесты необоснованной.

— Не думаю, что мисс Стретгон так уж сильно хочет выйти замуж за твоего отца, — заметил он. — Даже если учесть доход в шестьдесят тысяч в год, она, как я сказал, готова отказаться от положения возможной жены сэра Ганнибала. И всего-то за пять тысяч фунтов.

— И кто их ей даст? — поинтересовалась мисс Тревик.

— Вы. если решите поступить мудро. Доказательства, которые

представит мисс Стреттон, могут и в самом деле сильно повредить сэру Ганнибалу.

— Сам факт, что она пытается нас шантажировать, показывает, как сильно она любит папу. Ей нужны только деньги.

— Не думаю, чтобы она когда-то скрывала это, Дерика.

— Вот и выходит, что она — плохая женщина, — решительно объявила дочь сэра Тревика.

Форд пожал плечами, понимая, что не стоит спорить с молодой дамой, имеющей собственное предвзятое мнение.

— А вы что думаете по этому поводу, мисс Куинтон? — поинтересовался он.

— Мисс Энн такая же, как и все мы, женщины, — равнодушно ответила Лавиния. — Не белая и не черная, а, скорее, пестрая. В свое время я была против этого брака, господин Форд, но теперь я поняла, что сэру Ганнибалу нужна женщина с головой на плечах. Так почему бы не мисс Стреттон? По крайней мере, она достаточно порядочная и из хорошей семьи.

— Не позволю! — выдохнула Дерика.

— Милочка, ты как ребенок, — снисходительно улыбнулась пожилая дама племяннице. — Неужели ты подобным образом собираешься управлять господином Фордом?

Она заулыбалась собственной шутке, и Дерика, вторя ей, натянуто улыбнулась.

— Ну... — продолжила девушка после затянувшейся паузы. — Возможно, я и в самом деле слишком строга к мисс Стреттон. Но с учетом нового положения дел ей нет резона выходить за моего отца: деньги-то теперь мои.

— Так что же, ты заплатишь ей? — с любопытством спросил Освальд.

— Посмотрим, — неопределенно протянула мисс Тревик. — Первая, с кем нужно расплатиться, — госпожа Крент. О нашей с Морганом свадьбе уже судачит весь город.

Адвокат кивнул.

— Я знал, что она окажется хорошим глашатаем, — с удовлетворением заметил он.

— Я хочу, чтобы миссис Крент немедленно опровергла эти сплетни, — решительно заявила мисс Тревик, — и потому попросила ее заглянуть к нам сегодня вечером.

— И вы станете платить ей ежегодно тысячу фунтов? — с неодобрением поинтересовалась пожилая леди.

— Конечно, — кивнула девушка. — Иначе она не обнаружит правду о Моргане. Если люди не узнают, что он уже женат, меня ждут новые неприятности.

— Мне кажется, хватит с нее и одной тысячи, — покачала головой Лавиния.

— Не согласна с вами, тетя. Безумец Морган или нет, но он сын господина Боуринга и, по-хорошему, должен был бы стать наследником всего его состояния. Не так уж страшно, если он и его жена получают одну тысячу в год из доставшихся мне шестидесяти.

— Тогда почему вы не дали ему больше, чтобы полностью успокоить вашу совесть? — усмехнулась мисс Куинтон.

— Нет! — решительно ответила мисс Тревик. — Я совершенно не похожа на Дон Кихота. Отец говорил, что господин Боуринг имел полное право оставить деньги ему после всего, что произошло в Южной Африке.

— Темное дело, — заметила мисс Лавиния.

— Может, и так, тетушка, это мне не известно. Во всяком случае, я распоряжусь этими деньгами куда лучше, чем тот же господин Морган, неспособный отвечать даже за собственные поступки. Я дам ему и его жене доход в тысячу фунтов в год, а кроме того, предоставлю в их распоряжение особняк Грандж без арендной платы. Пусть они живут там под присмотром миссис Крент, потому что, как мне кажется, у ее дочери мозгов не больше, чем у сына господина Боуринга.

— А что скажет твой отец? — поинтересовался Форд, удивляясь, как лихо его невеста разбирается со столь трудной и щекотливой ситуацией.

— Он не скажет ничего: во-первых, его здесь нет, а во-вторых, если ты забыл, он передал все деньги мне. Можешь быть уверен, я не стану разбазаривать их налево и направо. Первое, что нужно сделать — это заставить госпожу Крент опровергнуть слух о моей свадьбе с Морганом и положить конец пересудам. А потом я встречусь с мисс Стреттон и подрежу ей язычок.

— Ну и что дальше, Дерика?

— Ну а дальше, — решительно продолжала девушка, — ты раскроешь тайну, выяснишь, кто на самом деле убил господина Боуринга. Когда реальный убийца будет схвачен, мой отец сможет вернуться, а я выйду за тебя замуж.

— Не раньше? — в смятении спросил юрист.

— Это было бы несправедливо по отношению к отцу, — серьезно ответила мисс Тревик. — Я хочу, чтобы он присутствовал на свадьбе своей единственной дочери.

На несколько минут воцарилось молчание. И Форд, и мисс Куинтон были поражены деловыми качествами Дерика. Девушка же, улыбаясь, наблюдала за их недоуменными лицами.

— И еще я должна напомнить, что все это будет не так просто проделать, — тихо сказала она. — Но если вы сможете предложить мне лучший способ справиться с ситуацией, я буду рада им воспользоваться

— Нет, дорогая моя, ты совершенно права, — объявила Лавиния.

— Я тоже так думаю, — согласился адвокат, а затем взял Дерика за руки и внимательно посмотрел ей в глаза. — Но на самом деле ты должна знать: я очень боюсь. Ведь мне придется взять замуж такую умную женщину.

— Дорогой, — сказала девушка, целуя его. — Я умна только потому, что в том есть настоящая необходимость. Надеюсь, ты не забыл, что с пятнадцати лет весь дом был на мне. Иначе мой легкомысленный отец давно пустил бы нас по миру. Но когда я выйду за тебя замуж, Освальд, ты станешь главой семьи. Я уйду в отставку, мой дорогой. У меня нет никакого желания нести на себе тяжкое бремя ответственности. Но мне кажется... — тут она опустила руки и прислушалась, — что прибыла госпожа Крент.

— Хотите, чтобы я осталась? — поинтересовалась мисс Куинтон, собирая свое рукоделие.

— Нет, если вы не хотите, тетя.

— Спасибо. На сегодня я слышала вполне достаточно, дитя мое. Так что с удовольствием оставлю вас и господина Форда развлекать эту милую старую леди. Не сомневаюсь, вам удастся заключить сделку к пользе бедного сэра Ганнибала.

— Будьте уверены, когда мой отец вернется, на его репутации не будет ни единого пятнышка.

— И, вернувшись, тут же женится на авантюристке.

— Если захочет, — неожиданно ответила Дерика. — Боюсь, я и в самом деле была слишком строга к мисс

Стреттон. Возможно, если бы я знала ее лучше, то относилась к ней намного любезнее.

— Сомневаюсь, моя милая, — мрачно заметила мисс Лавиния и уже у самой двери добавила: — Вы и мисс Стреттон — сильные, деловые женщины. Вам не ужиться вместе. А вам, господин Форд, точно так же, как сэру Ганнибалу, в жизни отведена роль подкаблучника.

Когда старая дева вышла из комнаты, Дерика с сожалением повернулась к Освальду:

— Видишь, как мне достается за то, что я взялась нести бремя семьи Тревик.

— Ничего, дорогая. Только не принимай все это близко к сердцу, — ласково сказал он. — Когда ты станешь моей женой, то сможешь переложить его на мои плечи.

— Ты же не считаешь меня неженственной? — жалобно спросила девушка.

— Милая моя, во всем свете нет девушки прекраснее и умнее. Я вовсе не считаю, что настоящие девушки должны быть слабыми и беспомощными, словно старомодные дамы, как хотелось бы твоей тетушке. Жеманные девицы викторианской эпохи ушли в прошлое, Дерика. Современные девушки лучше приспособлены для того, чтобы быть товарищами мужчинам, чем их бабушки. Я бы не влюбился в беспомощную, романтически настроенную особу, которая все свое свободное время лежала бы на диване.

— Мне кажется, — проговорила Дерика, едва сдерживая улыбку, — что наш брак будет чем-то вроде партнерства.

— Это будет своего рода товарищество, — быстро подтвердил Форд. — Дружба, которая будет прекраснее, чем романтическая любовь. Я не презираю любовь, моя дорогая. И все же для нашего союза понадобится более прочная основа, чем простая страсть. Мы должны смешать прозу и поэзию в нашей семейной жизни.

— Семья начала двадцатого века, — засмеялась Дерика, приятно удивленная рассуждениями своего жениха. Казалось, она готова была продолжать разговор, но тут лакей объявил о прибытии госпожи Крент и, с согласия Дерики, пропустил гостью в комнату, прикрыв за ней двери.

Та была одета пышно, хотя и совершенно нелепо. Мария Крент все еще носила черное платье, безвкусный платок, серебряные украшения и лиловые перчатки. Красное лицо обрамляли желтые волосы, увенчанные некогда модным чепцом. В целом гостя выглядела редкостной чудачкой.

— Какой вечер! — хриплым голосом объявила она, без приглашения опускаясь в кресло. — Когда я выехала сюда из Гранджа, шел сильный дождь. Не очень-то я хотела покидать теплую и уютную гостиную, должна вам сказать.

— Жаль, что вам пришлось испытать такие неудобства, миссис Крент, но мне нужно поговорить с вами о браке Моргана, — улыбнулась ей Дерика.

— Кто это вам сказал об этом? — неожиданно насторожилась госпожа Крент. Шелковый платочек, которым она обмахивала лицо, замер.

— Мой отец, а также мистер Форд.

— И что вам известно об этом? — поинтересовалась гостья.

— Сэр Ганнибал все мне рассказал. Как я понимаю, он согласился на ваши условия.

— Он даже поклялся, — фыркнула Мария.

— Но теперь вы будете иметь дело со мной и мисс Тревик, — взяла инициативу в свои руки Форд.

— А где же сэр Ганнибал?

— В настоящее время он отбыл за границу.

— Ха! — фыркнула гостья. — И как же мне знать, что вы меня не надуете?

— Не беспокойтесь, вам положат тысячу дохода в год, — тихо сказала Дерика. — Я попрошу господина Граттона, чтобы он все оформил должным образом. В любом случае, поскольку наследником по совести должен был бы стать Морган, будет только честно, чтобы они получили хоть какой-то доход. Пожалуй... — Дерика на миг задумалась. — Вы получите две тысячи в год.

— Господи, мисс! — воскликнула потрясенная госпожа Крент. — Но что же на это скажет ваш отец?

— Отец оставил все дела мне, — объявила мисс Тревик. Упомянуть о дарственной она не сочла нужным. — Но в обмен, миссис Крент, вы должны рассказать нам все без утайки.

— Это что же? — подозрительно спросила гостья.

— Во-первых, вы должны сообщить мне, где и при каких обстоятельствах ваша дочь вышла замуж за господина Моргана Боуринга, и предъявить мне свидетельство об их браке. Кроме того, вам следует рассказать все, что знаете о господине Боуринге и о времени, которое они с моим отцом провели в Африке.

— О, поверьте мне, всего вы знать не пожелаете, — мрачно промолвила Мария. — Вы добрая юная леди, и я сделаю, как вы хотите. Видите, со мной нетрудно поладить. Но знайте: если вы меня вынудите, я могу доставить кое-кому множество неприятностей.

— Например, сэру Ганнибалу? — услужливо подсказал Освальд.

Госпожа Крент кивнула:

— В его жизни были страницы, которые он предпочел бы сохранить в тайне. Собственно говоря, удивитель-

но, что я попросила так мало! — театрально воскликнула старуха. — То, что мне известно, стоит по меньшей мере половину всех денег!

— Тогда почему вы попросили всего тысячу? — с подозрением

спросила Дерика.

— Потому что большие деньги означают большие проблемы. Тысячи или двух в год более чем достаточно для тихой старости, остальное можете оставить себе. Я доверяю вам, мисс, — неожиданно прибавила пожилая женщина. — Дайте мне час, и я расскажу все, что знаю. Не сомневаюсь, вы не обманете меня с деньгами. О, вам станет известно все.

— О господине Боуринге?

— И о нем, и о вашем отце, и о Мертвой голове.

Глава XIV Неожиданная встреча

Форд уже присел в кресло, приготовившись слушать откровения госпожи Крент, но когда она упомянула Мертвую голову, вскочил на ноги.

— Я рад слышать, что вы упомянули об этом, — сказал он. — Видите ли, я думаю, Мертвая голова тесно связана с убийством.

— Почему ты так думаешь? — требовательно спросила Дерика, а гостья откинулась на спинку кресла. Лицо ее превратилось в загадочную маску.

— Помнишь, мисс Уорри сказала, что, увидев череп, Боуринг был так ошеломлен, что даже побледнел? Похоже, вид Мертвой головы пробудил неприятные воспоминания, а они могут иметь прямое отношение к его смерти, — уверенно заявил молодой человек.

— Я не совсем понимаю тебя, Освальд, — покачала головой мисс Тревик.

— Я, конечно, могу ошибаться, — ответил адвокат, опустившись в кресло. — Но я никак не могу выкинуть эту идею из головы. Однако теперь здесь госпожа Крент, и она, наверное, объяснит, почему Боуринг так сильно испугался.

— Нет, — неожиданно покачала головой Мария, — я слышала, что он испугался, но не смогу объяснить, почему.

— Значит, на эту тайну вы света не прольете?

— Не ту, что касается черепа... — покачала головой старая женщина. — Существует только один человек, который знает ответ на эту загадку. Он мне намекал на это в Кейптауне.

— И кто же этот человек?

— Мой муж.

— А где он сейчас?

— Ах, милая барышня, я не знаю.

— Но, миссис Крент...

— Давайте закроем этот вопрос, — нервно объявила гостья. Ее руки дрожали. — Давайте не будем говорить об этом человеке, иначе я выйду из себя. Если и существовал на свете настоящий негодяй, то это был Самюэль Крент.

— Он был немцем? — спросил Освальд. — Имя звучит уж очень немецки.

— Не знаю, кем он был. По-английски он говорил совершенно без

акцента. По его словам, он приехал из Новой Зеландии. Но он был плохим человеком. Он бросил меня, оставив голодать. Я очень сильно страдала, пока не встретила Боуринга, — слушатели невольно заметили, как фамильярно она говорит о миллионере.

— Ну, пока из вашего рассказа мы ничего не поняли. Наоборот, мы страшно запутались, — неторопливо произнес Форд. — Давайте начнем с самого начала, госпожа Крент. Расскажите все по порядку.

— Дорогие мои, — начала гостя весьма вульгарным тоном, который не понравился молодым людям, — вы хотите, чтобы я изложила вам всю историю моей жизни. Это может занять несколько часов. Я, конечно, попробую рассказать все как можно короче. У меня тогда были трудные времена, — вздохнула она, посмотрев на свои руки в ярко-лиловых перчатках. — Впрочем, когда они были легкими?

— Когда вы будете получать две тысячи фунтов в год, забот у вас будет намного меньше, — заметила Дерика, пытаясь утешить женщину.

— Ах, милые мои, деньги — еще не все. Когда я уютно устроюсь, мой муж всенепременно появится, чтобы доставить мне массу неприятностей. Он всегда так делал и будет делать дальше. Я человек с характером, могу справиться с кем угодно, только не с Самюэлем. Нет! — со слабой улыбкой покачала головой госпожа Крент. — Он отродье самого дьявола. Я лишь молюсь, чтобы он поскорее к нему и отправился.

— Начинайте же рассказ, — поторопил ее Форд. Ему не терпелось докопаться до правды о прошлом господина Боуринга. — По порядку, с самого начала.

— Ах! — Мария вздохнула, снова покачав головой. — Это возвращает меня на много лет назад. Я родилась в Уайтчапеле и в детстве получила хорошее образование. И когда я стала взрослой, у меня было множество предложений руки и сердца. Многие молодые люди мечтали взять меня в жены. Я тогда выбрала Джерри Уорда, который работал сапожником. Мы вместе поехали в Африку, и через три года после этого родилась моя Дженни. А потом мой муж умер.

— О! — с удивлением протянула Дерика. — Я-то думала, что вашу дочь зовут Дженни Крент!

— Дженни Уорд — ее настоящее имя, моя дорогая. Уордом звали ее отца. А Крент — фамилия моего второго мужа. Когда я вышла за него, то поменяла фамилию и себе, и ей, чтобы избежать кривотолков. Но сейчас она не Крент и не Уорд, а Дженни Боуринг.

— Вы можете доказать, что этот брак действительно был заключен? — быстро спросил Форд.

Госпожа Крент оскорбленно выпрямилась в кресле.

— Могу показать вам документ, — сказала она. — Дженни хорошая девочка, а я — порядочная женщина. Но это позже. Я хочу, чтобы вы не перебивали меня, а внимательно слушали, иначе так ничего и не поймете.

— Да... Да... Продолжайте, — одновременно закивали Освальд и его невеста.

Миссис Крент устроилась поудобнее и продолжила, наслаждаясь тем, что стала центром внимания и обрела хороших слушателей.

— Джерри умер, оставил меня вдовой с Дженни на руках. Тогда она была совсем крошкой. Мне пришлось работать прачкой в Кейптауне. Уорд ушел в мир иной, а меня заставил разгребать дела земные.

— И как же вы поступили? — поинтересовалась Дерика, пытаясь вернуть собеседницу к интересующей их теме.

— Я занималась стиркой, дорогие мои. Я ведь уже сказала. Моими конкурентами были черномазые. Только они делали это много хуже меня. Никто из них не умел крахмалить белье, как я. С тех пор прошло уже двадцать лет, — вздохнула Мария.

— Я тогда была совсем еще ребенком, — задумчиво протянула мисс Тревик.

— Да, мисс, точно так же, как и Дженни. Потом я встретила твоего папу. Он всегда любил чистое белье и пришел ко мне в прачечную. Более того! Он оказался так доволен моей работой, что привел с собой Боуринга и Крента.

— Так они явились в прачечную втроем? — неожиданно спросил адвокат.

— Они были партнерами, если это можно так назвать, господин Форд. Они занимались алмазами, золотом и всем, из чего можно выжать хоть пенни. Сэр Ганнибал был настоящим джентльменом и хорошо относился ко мне. Он сказал, что они собираются сделать состояние. Как он познакомился с Джоном, не знаю. Но, как я понимаю, в те годы сэр Тревик имел деньги, но не имел мозгов, а господин Боуринг, напротив, был умен, но не имел денег. Ведь ваш отец, вы уж простите меня, милочка, — не очень дальновидный человек. Вот они и объединили свои усилия, чтобы разбогатеть.

— А Крент? — уточнил Освальд.

— Он был вроде пассивного партнера, — ответила гостья. — Делал за них грязную работу.

— Значит, не обошлось и без грязной работы? — поднял брови Форд.

— Еще как... Сэр Ганнибал — ох, тут я снова должна попросить у вас

прощенья, душечка — прекрасный джентльмен, но не слишком умный. Господин Боуринг думал за него, и за Крента тоже. Это Джон делал все деньги. Он был тем еще прохвостом, хоть и стыдно мне так о нем говорить. Он ведь всегда был очень добр ко мне, и потом мы были в родстве.

— В родстве?! — с удивлением воскликнули хором слушатели.

— Сводном, конечно, — пояснила Мария. — Иначе я не позволила бы моей Дженни выйти замуж за Моргана Боуринга. Джон Боуринг был женат на сестре Уорда — моего первого мужа, который...

— Хорошо! — воскликнул Освальд, оборвав ее. — Мы уже разобрались в ваших родственных связях, госпожа Крент.

— Вот я и говорю, — продолжала экономка. — Господин Боуринг женился на Амелии Уорд вскоре после смерти моего первого мужа. Она была не совсем в себе, бедняжка, да и Боуринг обращался с ней довольно жестко. Она умерла через пять лет, оставив ему Моргана. Джону было не до детей, и он отдал мальчика мне на воспитание. Потом Боуринг и сэра Ганнибал отправились в Трансвааль по какому-то делу, связанному с алмазами. Крент остался здесь и, когда он сделал мне предложение, я сдалась без боя.

— Вы согласились? — уточнила Дерика.

— Да, моя дорогая. Господин Крент наплел мне басен о своем будущем богатстве, а я так устала от бесконечной стирки, что согласилась. Он был обворожительным, правда, только в самом начале, — вздохнула миссис Крент. — Впоследствии он стал грубым. Забрал все мои деньги и отправился в Трансвааль за своими компаньонами, оставив меня без гроша, с Дженни и Морганом на шее.

— И когда вы увидели его снова? — поинтересовался адвокат.

— Мы не виделись много лет. Но однажды, в дождливый вечер, мой супруг объявился снова. Он уже был в дверях, и когда я в свете лампы увидела его лицо, то закричала от ужаса — он был бледным и выглядел ужасно. Он вошел и объявил, что ему нужны деньги и где-то переночевать. Как я узнала от мужа, господин Боуринг разбогател и вышвырнул его из фирмы.

— Почему же он его выгнал?

Тут гостья понизила голос и обвела комнату испуганным взглядом.

— Кому попало я об этом не рассказываю, — тихо произнесла она, — но вам, юная леди, я обещала правду. Самюэль сказал, что Боуринг подделал несколько подписей сэра Ганнибала, но тот завладел этими бумагами...

— Быть такого не может! — с негодованием перебила ее Дерика.

— Еще как может, — усмехнулась Мария. — Боуринг сам мне в этом признался, когда заработал достаточно денег и вернулся в Англию, прихватив меня с собой.

— Но мой отец бы никогда...

— Тише, Дерика! — быстро остановил возлюбленную Форд. — Пусть госпожа Крент расскажет свою историю до конца. Мы сейчас только подошли к чему-то важному.

Девушка замолчала, прикусив губу, хотя и злилась из-за того, что такая женщина, как миссис Крент, посмела плохо говорить о сэре Ганнибале Тревике. Заметив ее раздражение, та тоже вышла из себя.

— Моя дорогая, я бы не говорила того, что сказала, не будь это правдой, — уверенно заявила она. — Самюэль узнал об этом подлоге и, попросту говоря, пытался шантажировать Боуринга, который к тому времени уже был достаточно богат. Но твой отец, узнав об этом, заявил, что никакой подделки не было. После этого Боуринг выгнал моего мужа, и тот пришел ко мне без гроша в кармане.

— Так ему и надо. Судя по вашему рассказу, он был еще тем негодяем, — с негодованием сказал Форд.

— Он был хуже чем негодяем, — вздохнула пожилая женщина. — Вы и представить себе не можете, что мне пришлось вынести! Он жил за мой счет, бил меня, отбирал деньги и, простите за выражение, тратил их на других женщин. Он несколько раз писал господину Боурингу и сэру Ганнибалу, но они ему так и не помогли. Тогда он ушел из дома и исчез на год.

— И куда же он делся?

— Отправился обратно в Трансвааль. Мне кажется, он рассчитывал лично исправить что-то... что-то связанное с бриллиантами. Так вот, когда мой муж вернулся через год, у него было много денег, и он рассказывал о Мертвой голове.

— Ага! — воскликнул Освальд. — И что же он рассказал?

— Мой дорогой юноша, я не так уж много знаю, а все, что знаю — исключительно со слов Самюэля. Он сказал мне лишь одно: как-то раз Боуринг едва избежал смерти, предвестником которой был череп негра. Если он увидит его вновь, то снова сможет уйти от смерти, но, встретившись с Мертвой головой в третий раз, уже не спасется.

Молодой человек внимательно посмотрел на гостью:

— Крент принес череп с собой?

— Нет, — прошептала Мария. — Он сказал, что Мертвой головой владел сэр Ганнибал.

Дерика и Освальд переглянулись: неужели это сэр Тревик принес череп в палатку гадалки в день праздника?

— Ничего не понимаю, — проговорил Форд после долгой паузы. — Вы говорите, что этот череп — череп негра — был своего рода предупреждением господину Боурингу о том, что ему грозит смертельная опасность. И он почему-то верил, что если увидит череп в третий раз, то непременно будет убит. — Госпожа Крент согласно кивнула, и адвокат продолжал: — Тогда, как я полагаю, впервые Боуринг увидел череп в Трансваале, как и рассказал мистер Крент, а второй раз здесь...

— Нет, сэр, простите, — перебила его Мария. — Боуринг отправился в Кейптаун на алмазные копи, как и множество других искателей приключений. Иногда он навещал Моргана, который все еще оставался со мной. Однажды он пришел весь бледный, и Самюэль налил ему бренди. А потом муж рассказал мне, что Боуринг во второй раз видел череп, означающий смерть.

— Тогда в третий раз он увидел череп в палатке в саду этого дома, — задумчиво протянул Форд. — И это на самом деле означало его смерть. Но объясните: к чему такие сложности?

Госпожа Крент всплеснула руками:

— Ах, сэр, если бы я могла это объяснить! Это все, что Крент мне сказал. Тогда господин Джон велел ему убираться и дал немного денег. Мой муж снова исчез. Я не видела его лет десять и очень этому рада. Потом сэр Ганнибал уехал в Англию, а за ним и Боуринг вернулся, забрав с собой меня, Дженни и Моргана. Он сказал, что хочет жить неподалеку от сэра Тревика, — тут старуха понизила голос и внимательно оглядела слушателей. — Он привез меня в Грандж и сделал экономкой. Но я думаю, все дело в том, что сэр Ганнибал заставил его остановиться тут, чтобы приглядывать за ним. Доказательств этому у меня нет, лишь догадки, — добавила она, вытирая красное лицо шелковым платочком.

— А как насчет свадьбы? — спросил юрист.

— Ну, дорогие мои, господин Боуринг был человек горячий, любил повышать голос и распускать руки, особенно со мной и Дженни. Раз или два он говорил, что выкинет нас на улицу и оставит помирать с голоду. Тогда-то я и решила, чтобы совладать с ним, выдать дочь за его сына.

— Как вы могли? — возмущенно заявила Дерика. — Вы же видели, что Морган совершенно безумен.

— Не так уж и безумен, да и Дженни его в конце концов полюбила, — легко заметила Мария. — Если бы он действительно был совершенно безумен, священник не обвенчал бы их. Мы вдвоем отлично с ним

управляемся, но больше никто, особенно Джон Боуринг. Морган никогда не слушал отца, чем приводил его в ярость.

— Где именно состоялся их брак? — резко спросил Форд.

Экономка достала свидетельство о браке из вместительного кармана.

— Они обвенчались в Лондоне, в церкви Святого Эдвина, — ответила она, протягивая бумагу. — Тут все в порядке. Свадьба была около года назад. Я все ждала случая, когда Боуринг снова начнет разговоры о том, как он выкинет нас на улицу, чтобы сунуть ему под нос эту бумагу, да вот, как видите, не дождалась. Вот, в общем-то, и все, — вздохнула Мария, поднявшись из кресла. — Если хотите, я могу объявить во всеуслышание, что Дженни уже давным-давно стала миссис Боуринг.

— Думаю, это будет не лишним, миссис Крент, — заметил Освальд, взглянув на бумагу, которая, на первый взгляд, была оформлена правильно. — Если вы не против, я оставлю это свидетельство у себя, чтобы я проверил истинность записи в церкви.

— Да, конечно. Убедитесь сами: там все в порядке, — заверила его экономка. — Есть еще какие-нибудь вопросы, мои дорогие?

— Конечно, — сказала Дерика, тоже вставая. — Почему вы обвинили моего отца в убийстве господина Боуринга?

— Ну, видите ли, мисс... — протянула госпожа Крент, покраснев еще сильнее. — Я ведь слышала о том, что покойный увидел Мертвую голову в палатке гадалки. Зная от мужа, что владелец черепа — сэр Ганнибал, я решила, что именно он подложил туда эту ужасную вещь, чтобы напугать Боуринга, а значит, он же его и убил. И потом, я ведь знала, что вашему отцу нужны были деньги, и решила, что он надеется получить состояние господина Боуринга.

— Госпожа Крент, — с серьезным видом заговорил Форд, осторожно опустив свидетельство о браке в карман. — Сэру Ганнибалу не было никакой нужды убивать господина Боуринга. Вы же сами сказали, что у него были документы с поддельными подписями. При желании он мог выкачать из Джона любую сумму.

— Освальд, вы что, тоже обвиняете моего отца? Считаете его шантажистом? — тут же взвилась мисс Тревик.

— Нет, моя дорогая. Но если миссис Крент считает его виновным в убийстве, она легко может допустить, что он виновен в более легком преступлении — шантаже.

— Нет, я же не говорю, что убийцей мог быть только сэр Ганнибал! — принялась оправдываться миссис Крент. — Но, согласитесь, эта история с черепом выглядит более чем подозрительно.

— Пожалуй, — согласился Форд. Он проводил гостью до двери. — Я попросил бы вас, госпожа Крент, пока никому не рассказывать о нашем разговоре. До того, как я дам вам знать.

— Не скажу больше никому ни слова, — заверила его гостя. — Все, что мне нужно — это только деньги.

— Вы получите их, как только господин Граттон составит все бумаги, — заверила ее Дерика. — А пока вы можете сообщить всем, что Морган уже давным-давно женат.

Старая экономка пообещала это сделать и отправилась восвояси, довольная тем, что ее финансовым трудностям пришел конец. Кряхтя, вышла она в холодную дождливую ночь и направилась к поджидающему ее экипажу, который привез ее в особняк. На прощанье махнув пухлой ручкой Освальду, она залезла в повозку.

Все это время Мария думала о своем пропавшем муже, содрогаясь от одной мысли о том, что тот может снова появиться у нее на горизонте — теперь, когда она наконец-то уладила все дела.

Непроглядную тьму рассеивал лишь фонарь на повозке, трясущейся по дороге, по обе стороны которой раскинулись вересковые пустоши. В небе не было видно ни одной звезды, дождь яростно хлестал и кучера, и его пассажирку. Но та, казалось, не замечала его, погруженная в воспоминания о прошлом. Она никак не могла выбросить из головы постылое лицо Самюэля Крента.

«Наверное, это потому, что я сейчас много говорила о нем, — решила Мария, когда они уже подъезжали к Гранджу. — Тьфу! Вот уж кого не хотела бы вспомнить снова!»

Когда впереди показались огни домов, пассажирка почувствовала себя много лучше, и образ господина Крента наконец улетучился из ее головы. Услышав звук подъезжающего экипажа, Дженни открыла парадную дверь и поспешила помочь матери выбраться из повозки — кости пожилой женщины ныли от сырости. И тут из переплетения теней вышел мужчина. Когда он приблизился и Мария увидела его лицо в свете лампы, она обмерла — это было лицо, которое она последний раз видела лет десять тому назад в Кейптауне.

— Самюэль! — воскликнула она, пошатнувшись от ужаса. — Самюэль Крент!

Но человек, который стоял перед ней, скорее, напоминал Иосию Полуина.

Глава XV Муж и жена

Миссис Крент добралась до крыльца с проворством, не свойственным женщине таких пропорций. Вырвав дверную ручку из рук дочери, она проскочила в дом и попыталась захлопнуть дверь у себя за спиной, но, споткнувшись, упала на пол, словно мешок с тряпьем.

Дверь, однако, не захлопнулась, натолкнувшись на ногу, которую вовремя просунул в щель Самюэль Крент. Через мгновение он уже стоял над своей перепуганной женой, заливавшейся слезами.

— Хороший прием, честное слово! — заметил Крент, он же Полуин. Тон у него был угрожающий, а не заискивающий, каким он говорил в присутствии господина Форда. — Прекрати, Мария, не строй из себя дуру.

— Кто вы? — спросила Дженни, подбегая к матери.

— Я твой отец Самюэль Крент, — объявил мужчина.

— Вы лжец... Настоящий отец Дженни — господин Уорд, — простонала госпожа Крент.

— Как я понял, теперь ее фамилия Боуринг, — весело объявил Самюэль. — Поднимайся, Мария, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— Я не могу встать, — пропыхтела старуха, держась пухлой рукой за ушибленный бок.

— Если вы не уйдете, я позову мужчин, и они вышвырнут вас отсюда! — объявила Дженни, пытаясь изобразить на своем милом личике грозное выражение.

— Так-то ты, девочка, приветствуешь отца?

— Вы мне не отец, а я вам не девочка! — сердито ответила ему девушка. — Обращайтесь ко мне уважительно, я миссис Боуринг.

— Ах, миссис Боуринг, — иронично поклонился Крент. — Прошу меня простить. Не будете ли вы так любезны попросить мою жену встать на ноги и перестать корчить из себя дуру?

— Морган! — позвала Дженни, в то время как ее мать продолжала рыдать на полу.

Поскуливая, как побитая собака, из боковой комнаты показался младший Боуринг. Он шел медленно, держась рукой за стену, опустив голову и сгорбившись. Выглядел молодой человек бледным, а губы его были краснее, чем обычно. Он напоминал настоящего вампира из венгерских легенд. Его странный, безжизненный взгляд замер на жене, а потом он перевел его на миссис Крент, распростершуюся на полу.

— Хороший сын унаследует деньги Джона Боуринга! — издевательски рассмеялся незванный гость.

Взгляд Моргана переместился на расплывшееся в улыбке лицо этого маленького человечка, и в глазах его блеснуло понимание.

— Полуин, — проговорил сумасшедший тонким, высоким, словно детский, голосом. — Я видел тебя в

Санкт-Эвалдсе. Да, помню. Дженни оставила меня в повозке, когда отправилась в магазин за покупками, а ты подошел и поговорил со мной. Ты просил, чтобы я никому не говорил, что видел тебя.

— Полуин, — повторила Мария, пытаясь подняться на ноги. — Так зовут одного из слуг сэра Ганнибала.

— Совершенно верно, — подтвердил Самюэль-Иосия. — Я действительно тут уже больше шестнадцати месяцев.

— Ты был так близко, а я об этом и не подозревала, — заплакала его жена. — Я бы перебралась на другую сторону океана, если бы знала, что ты где-то поблизости.

— Можешь успокоиться, ты мне не нужна, — наглым голосом заверил ее Полуин. — Все что мне нужно — это поговорить, а потом я уйду.

— Поклянись, что уйдешь из этого дома этой же ночью, или я ни слова тебе не скажу!

— Клясться не стану, но обещаю, — торжественно проговорил незванный гость. — Успокойся, Мария. Я теперь уже не тот, что прежде. Самюэль Крент умер. Я воскрес как Иосия Полуин. Я читаю проповеди в часовне Гвинн.

— Господи, дьявол, цитирующий Писание! — пробормотала миссис Крент. — Не бойся, Дженни, — прибавила она, увидев страх на лице дочери. — Я поговорю с ним, чтобы не получилось еще хуже.

— Хорошенькое приветствие, — скривился Полуин. — А ведь я пришел с добром, неблагодарная женщина.

— Ты?! — рассмеялась экономка. — За всю свою паршивую жизнь ты не сделал ни капли добра ни мужчине, ни женщине, ни ребенку, Самюэль Крент.

— Иосия Полуин, если вам угодно, — отрезал он. — Это мое настоящее имя.

— Вот как? — вздохнула Мария. — Значит, ты даже женился на мне обманом! Как я рада, что Дженни — не твой ребенок.

— Я тоже, — презрительно проговорил Полуин. — И пусть эта бледная тварь держится подальше.

Морган угрожающе зарычал.

— Это моя крошка! — проворчал он, сжимая и разжимая кулаки. — Оставь ее в покое, или я вырву у тебя сердце.

Иосия, встретившись с ним взглядом, отступил на шаг. Дженни торжествующе рассмеялась.

— Видите, у меня есть защитник, господин Полуин, или Крент, или как-вас-там, — объявила она и взяла своего супруга под руку.

— Я не боюсь твоего мужа, — отрезал Иосия, глядя на бледное лицо сумасшедшего. — Так ты, Морган, знаешь меня?

— Да, видел в Санкт-Эвалдсе.

— И? — протянул Полуин, не сводя с него свирепого взгляда.

— И? — эхом откликнулся младший Боуринг, опускаясь все ниже и ниже, как будто тяжелое бремя все сильнее и сильнее давило ему на плечи. — И... Не смотрите так на меня! — Он прикрыл глаза руками. — Я буду хорошим... Я буду хорошим, Дженни. — Безумец вдруг потянул свою жену за платье. — Пойдем. Он большой красный дьявол. Он знахарь, совсем как тот, кого я видел в Африке! Альый череп и... огонь... огонь... нет... нет! — Иосия по-прежнему не сводил взгляда с молодого человека, а тот, упав на колени, быстро пополз на четвереньках, как зверь, вверх по лестнице, постанывая. — Я буду хорошим... Я буду хорошим...

Когда его плач затих, миссис Крент, лицо которой было белым, как бумага, смело взглянула на своего мужа:

— Что это за чертовщина?

— Не обращай внимания, Мария, — тихо ответил тот. — Морган видел в Кейптауне что-то очень неприятное.

— Мертвую голову?

— Забудь об этом, — пробормотал Полуин, а потом его лицо вдруг перекошилось от раздражения. — Лучше пойдешь поищи, во что я мог бы переодеться, принеси мне вина и чего-нибудь поесть. А то я весь промок и голодный, словно волк. А ты, — тут он неожиданно повернулся к Дженни, — можешь убираться отсюда!

Однако миссис Боуринг осталась на своем месте, хотя лицо ее тоже стало белым как полотно, и она дрожала с головы до ног. Эффект, который произвел ее отчим на Моргана, невероятно напугал девушку.

— Я не оставлю маму... — пролепетала она.

Мария сделала шаг в сторону и похлопала дочь по руке.

— Иди, моя дорогая, — прошептала она, едва двигая сухими губами.

— Послушай, — продолжал Иосия развязным тоном. — Хватит поднимать шум по всякой ерунде. Я пришел, чтобы дать вам немного денег.

— Мне это не нужно, — объявила его супруга. — Мы с Дженни уже

получили доход в две тысячи фунтов в год. Да, можешь хоть дырки на нас проглядеть: мисс Тревик поделилась с нами...

— А где взяла деньги мисс Тревик? — поинтересовался Полуин, и глаза его сузились, превратившись в узкие щелочки.

— У своего отца, как я понимаю. Сэр Ганнибал отдал ей все состояние господина Боуринга.

— Но сэр Ганнибал никогда бы... — Иосия замер, сжав кулаки. Взгляд его гулял где-то вдали. — Чем больше я узнаю этого человека, тем больше удивляюсь. Мария, ты должна мне все рассказать. Если ты этого не сделаешь, я останусь с тобой до конца твоей жизни.

— Господи! Господи! — воскликнула испуганная женщина. — Только не это, Крент!

— Полуин, дура! Забудь имя Крент, пока я здесь.

— Полуин...

— Мистер Полуин. Будь почтительна.

— Мистер Полуин, — всхлипнула экономка, до смерти испуганная бесноватым взглядом маленького человечка. — Дженни, любовь моя, иди к Моргану и заставь его замолчать.

— Надеюсь, Морган вас убьет! — воскликнула ее дочь.

Иосия в ответ только рассмеялся:

— Осмелюсь заметить, что от меня не так просто избавиться. Если Морган не успокоится, скажи ему, что к нему скоро придет черный человек с коронованным черепом.

Дженни не поняла, что может означать эта угроза, но сочла за лучшее скрыться с глаз Полуина к своему безумному супругу. Миссис Крент тяжело вздохнула и распахнула двери гостиной, а потом вошла туда вместе с ненавистным мужем. Тяжелым шагом она подошла к камину в другом конце комнаты и, поставив ногу на ступеньку, стала вытирать налипшую на ее туфлю грязь. Полуин зарычал от ярости и, бросившись вперед, схватил женщину за руку и начал ее выкручивать, пока та не закричала.

— Сначала принеси пожрать, — ухмыльнулся он, наслаждаясь выражением боли на ее лице. — Ты думаешь, я буду торчать здесь всю ночь? В доме есть слуги?

— Трое, — всхлипнула его жертва, возвышаясь над ним, словно слон над воробьем.

— Где они?

— Наверное, уже легли спать.

— Вот пусть и спят дальше. Не хочу, чтобы кто-то знал о моем визите. Как слуга сэра Ганнибала я должен беречь свое доброе имя. Ступай,

принеси мне попить и поесть, да смотри, держи язык за зубами.

— Да, да, Самюэль.

— Я же сказал, меня зовут Полуин! А для такой шлюхи, как ты, — мистер Полуин!

Полная женщина поспешила прочь со всех ног. Ее муж с довольной улыбкой посмотрел ей вслед, а затем уселся в кресло рядом с пылающим очагом. Он снял сапоги и вытянул свои маленькие ножки к огню, вытащил сигару и зажег с видом человека, довольного жизнью. Вдохнув ароматный дым и выпустив целое облако, он по-хозяйски оглядел великолепно меблированную комнату. Боуринг не жалел денег на то, чтобы привести Грандж в порядок.

— Мое, — протянул Иосия глубоко затянувшись. — Мое, — повторил он, облизав тонкие губы. — Как приятно вернуться домой.

Однако госпожа Крент явно не разделяла его благодушного настроения. Она вернулась в комнату и поставила на стол поднос, укрытый белой тканью. На нем стояла тарелка тонко нарезанной ветчины, масленка с кусочком масла, горшочек паштета и бутылка превосходного портвейна. Рядом лежал твердый хлеб. Полуин, который, насколько она помнила, был гурманом, бросил довольный взгляд в сторону подноса.

— Поставь поднос на маленький столик и неси его сюда! — скомандовал он, указав сигарой, куда именно необходимо поставить столик.

Мария послушно перенесла столик и установила его так, чтобы ее мужу было легко до того дотянуться. Потом Иосия заставил ее налить ему стакан портвейна и указал на стул, стоящий подальше.

— Садись туда, — велел он.

— Да, Самюэль... То есть мистер Полуин.

— И держи язык за зубами, пока я не разрешу тебе говорить, — продолжал командовать мелкий бес.

Госпожа Крент повиновалась, не сводя полного ненависти взгляда с лица своего мужа. Теперь эта женщина несколько не походила на скандалистку, которая бросила вызов сэру Ганнибалу, точно так же, как ее гость несколько не напоминал кроткого слугу, который съезжился в присутствии Освальда Форда.

Полуин неторопливо принялся за трапезу, заставив жену с трепетом ждать минут пятнадцать, а поев, налил себе вина и раскурил сигару. Он не предложил испуганной женщине ни глоточка, хотя она явно нуждалась в выпивке, чтобы подкрепить свои силы. Когда сигара разгорелась, Иосия посмотрел на супругу, словно желая удостовериться, что он все еще хозяин

положения. Несколько минут он внимательно смотрел на нее, а ей страшно хотелось со всего маха влечь ему пощечину, но она не смела даже взглянуть на него в ответ. Как кроткая маленькая школьница перед строгим учителем, Мария дрожала перед мужем, которого, быть может, могла раздавить одной рукой. И как же она жаждала это сделать!

— Я приехал в Санкт-Эвалдс больше года назад, потому что потратил деньги, которые дал мне сэр Ганнибал для того, чтобы я уехал в Новую Зеландию, — неожиданно заговорил Полуин. — Поскольку я знал много вещей, которые сэр Тревик не хотел предавать огласке, он любезно согласился взять меня в слуги.

— Боже, а я и не знала! — вздохнула госпожа Крент.

— Я позаботился о том, чтобы ты не знала. Когда ты бывала здесь, я не показывался тебе на глаза.

— А Боуринг тебя не узнал?

— Нет, Мария. Я старался не встречаться с ним. Я не забыл, как он обошелся со мной.

— Скотина! — внезапно разозлившись, воскликнула старуха. — Наверняка это ты убил его!

— Фу! — Полуин взмахом руки отогнал облако дыма. — Я бы прикончил его более изощренно. Я, собственно, пришел спросить, почему сэр Тревик убил Боуринга, когда он мог просто держать его на коротком поводке? Скажи мне, Мария.

Госпожа Крент внимательно посмотрела на мужа:

— Я не знаю, чьих это рук дело. Сомневаюсь, что Ганнибалу хватило бы духа кого-то убить.

Теперь Иосия выглядел озадаченным.

— Но ты обвинила его, когда было зачитано завещание, — напомнил он жене.

— Да. Из-за того черепа в шатре.

— Значит, доказательств у тебя нет?

— Нет. Я очень разозлилась из-за того, что господин Боуринг оставил все свои деньги сэру Тревику.

Мистер Полуин впервые с удивлением посмотрел на супругу:

— А я ведь и в самом деле думал, что ты что-то знаешь, — сказал он, скорчив кислую мину. — Ты всегда была дурой, Мария.

— Уж в убийствах-то ты понимаешь куда больше, чем я, — резко ответила она.

— Не надо говорить со мной в таком тоне, дорогая, а то я мигом преподам тебе урок вежливости, — усмехнулся ее супруг. — Значит,

говоришь, Тревик его не убивал?

— Я не знаю! Сейчас я уверена, что это твоя работа!

— Я этого не делал, — вздохнул Иосия. — Он для меня был ценнее живым, чем мертвым. Эти бумаги...

— Что толку тебе от этих бумаг, если Ганнибал поклялся, что они подлинные?

— Держи язык за зубами и слушай! — огрызнулся коротышка. — Из-за этих бумаг господин Тревик держал под каблуком Боуринга, так что Тревику не было никакого резона его убивать!

— Не думаю, что это был он, — заметила миссис Крент.

— Это потому, что мисс Тревик пообещала тебе две тысячи фунтов в год?

— И поэтому тоже. Дженни, я и Морган теперь сможем вести нормальную жизнь. И если ты мечтаешь о том, чтобы получить хотя бы малую толику этих денег, то знай: ты ничего не получишь. Я собираюсь подать на развод.

Прежде чем женщина успела отдернуть руку, Полу-ин схватил ее, а потом что было силы вжал костяшки пальцев ей в плечо. Экономка скривилась от боли и не смогла сдержать крик. Муж, широко улыбаясь, продолжал сжимать ее руку.

— Собираешься извиниться, Мария? — поинтересовался он.

— Да... да... — простонала несчастная, и когда он отпустил ее, прижала руку к груди, покачиваясь от боли. Полуин улыбнулся еще шире.

— Это лишь один из множества моих новых трюков, Мария, — продолжал бес-коротышка. — А теперь слушай меня и не перебивай, или я возьмусь за тебя по-настоящему. Я встретил сэра Тревика, который ехал на мопеде, чтобы догнать мисс Стреттон и господина Пенрифа. У него было к ней письмо. Было это на дороге, что за холмом.

— А почему он отправился той дорогой? — спросила госпожа Крент, все еще баюкая свою руку. — Мисс Стреттон и мистер Пенриф, как я слышала на дознании, отправились по другой дороге.

— Тревик ошибся. Он попросил меня отвезти письмо и даже дал мопед. Я отправился за Пенрифом и оставил сэра Ганнибала на другом склоне того самого холма, на вершине которого лежала каменная глыба. Так что он мог с легкостью подняться на холм и скинуть ее на дорогу. И у него на это было достаточно времени. Я точно знаю, что его не было в доме, когда я вернулся, и он нигде не появлялся до самого ужина. У него было полным-полно времени, чтобы вернуться на своих двоих!

— Так ты в самом деле думаешь, что это сэр Ганнибал убил Боуринга?

— Да, Мария. Но я хочу знать, почему он это сделал. Деньги он мог получить и так, благодаря поддельным бумагам. Конечно, есть еще Мертвая голова... — добавил Полуин и задумался.

Госпожа Крент перестала раскачиваться и, казалось, пришла в себя.

— Я ничего не понимаю, — объявила она.

— Конечно, Мария, ты слишком глупа, чтобы что-то понять. Ничего, я тебе все объясню. Я расскажу тебе, как получить десять тысяч в год от сэра Ганнибала.

— Почему бы тебе не получить эти деньги самому?

— Я не знаю, где он скрывается.

— Но ведь и я не знаю, Самюэль!

— Мистер Полуин, Мария, если ты не хочешь, чтобы я опять сделал тебе больно. Естественно, ты не знаешь, где он, зато наверняка знает его дочь. Ты была у нее сегодня вечером. И она была столь благобно настроена, что дала вам две тысячи в год. Ты сама сказала мне об этом.

— Но откуда ты узнал, что я у них была?

— Ты сама сказала мне об этом, — повторил ее муж. — И я следил за тобой. Именно поэтому я заглянул к тебе, Мария. Поэтому и пришел, чтобы понять, что ты там замышляешь.

— Не может быть! — ахнула экономка, глядя со страхом на Полуина. — А как ты добрался сюда? Я не слышала стука колес.

— Я прицепился к вашей коляске. Не самый, знаешь ли, приятный способ путешествия.

Миссис Крент ахнула и уставилась на своего супруга округлившимися от ужаса глазами.

— Ты настоящий дьявол! — выдохнула она.

Полуин принял это замечание, как комплимент.

— Да, в смекалке мне не откажешь, — скромно сказал он. — Смотри у меня, Мария, или мало не покажется. Будешь мешать мне — шею сверну. А если поможешь мне заполучить доход в десять тысяч в год, я исчезну из твоей жизни навсегда.

— Я бы дала тебе и вдвое больше, лишь бы никогда тебя не видеть, — всхлипнула Мария. — Что мне нужно делать?

— Много чего. Во-первых, чтобы все стало ясно, я расскажу тебе историю Мертвой головы. Думаю, она вполне могла стать мотивом убийства, если Боуринга убил все-таки Тревик.

— Ты когда-то говорил, что было три предупреждения...

— Да, еще в Африке, но в тот раз я ничего не объяснил. Если честно, тогда я и сам многого не знал. Но теперь я все выяснил и вернулся, чтобы

рассказать Тревику... — неторопливо начал свой рассказ Полуин.

Глава XVI Письмо

Госпожа Крент положила руки на колени и уставилась на своего низкорослого злого мужа. А тот закурил новую сигару и откинулся в кресле, с удовольствием потягивая портвейн.

— Ну, Мария? — протянул он.

— Ты... Это ты принес Мертвую голову? — пролепетала она. — Ты подсунул ее в шатер?

— Именно так, Мария, и я же забрал ее. Я положил ее там на случай... Знаешь, иногда стоит просто понадеяться на случай... Что старик решит заглянуть к гадалке. Он так и сделал, увидел череп и понял, что его гибель не за горами.

— Самюэль, ты хочешь сказать, что госпожа Уорри и в самом деле знает, кто убил...

— Полагаю, что знает, — перебил ее слуга, — потому-то она и изрекла свое пророчество, которому все эти болваны поверили. Что касается Мертвой головы, то я, так и быть, расскажу тебе, почему Боуринг ее так испугался. Он был суеверным ослом.

— Нет, — ответила экономка, испуганно окинув взглядом уютную гостиную. — Господин Боуринг не верил в призраков.

— Зато верил в другие вещи. Например, что ему суждено погибнуть от руки врага...

— Сэра Ганнибала?

— Нет, другого. Знахаря-зулуса.

— А! Морган говорил...

— Да, он сегодня бормотал о колдуне, — закончил за нее Полуин. — Я помню. Он видел его в Трансваале, еще совсем ребенком, когда Боуринг взял мальчика с собой. Этот знахарь напугал Моргана до конца жизни.

— Какое несчастье... Бедный безумный мальчик!

— Не такой уж безумный, раз уж ты выдала за него дочь, — усмехнулся Иосия. — Но довольно. Ты, Мария, много болтаешь, а утро уже близко, вино заканчивается, и огонь в камине скоро погаснет. Так что держи язык за зубами и ничего не говори, пока я тебе не разрешу.

Миссис Крент посмотрела на часы и нервно кивнула — было уже далеко за полночь. Полуин швырнул окурок сигары в камин и начал свою жуткую историю.

— В Трансваале... — заговорил он. — По вполне понятной причине я

не стану называть точного места... Так вот, вышло так, что сэр Ганнибал убил зулуса.

— Нет, я в это не верю! — ахнула старая женщина, отодвигаясь.

— Мария, мне что, снова выкрутить тебе руку? — с неприязнью в голосе поинтересовался ее муж и, увидев с какой дрожью она прижала руку к груди, спокойно продолжал: — У зулуса был алмаз, который хотели заполучить и Тревик, и Боуринг. Дикарь не захотел расставаться с камнем и пустился в бега. Тревик нашел его в глуши, там, где их не видела трансваальская полиция, понимаешь, Мария? Ганнибал пристрелил его и забрал алмаз.

— Нет, — прошептала госпожа Крент, осторожно косясь на мужа в страхе, что он снова начнет ее мучить. — Я не верю, что сэр Ганнибал — вор и убийца.

— Однако он вор, потому что украл алмаз у зулуса, — спокойно объявил Полуин. — И вдвойне убийца, потому что прикончил не только зулуса, но и Боуринга. Об этом не знал никто, кроме Боуринга, и потому Ганнибал его боялся.

— И ты считаешь, что сэр Тревик убил Боуринга из-за этого?

— Да, — согласился Иосия. — Я считаю, что Боуринг устал от угроз Ганнибала, что тот откроет всем историю с поддельными бумагами, и стал, в свою очередь, грозить историей об убийстве зулуса. Вот чтобы спастись, сэр Тревик его и прикончил.

— Да кому есть дело до мертвого негра? — презрительно протянула миссис Крент. — Я же тоже была в Африке, Самюэль!

— Да, но это был не простой зулус, а сын известного знахаря, с племенем которого пытались примириться буры. Из-за смерти сына знахарь доставил белым немало хлопот, и если бы Тревика поймали, он бы попал в тюрьму, а может, его даже и вздернули бы. Даже сейчас сэру Ганнибалу не избежать возмездия, потому что этот знахарь доставил бурам слишком много неприятностей. Пока дикарям не выдадут убийцу, они не подчинятся британским властям — а ведь мы с таким трудом захватили Трансвааль! Так что, как видишь, Мария, его светлость сэр Ганнибал Тревик имел все основания опасаться, что Боуринг отправится в министерство иностранных дел и выложит все, что знает. Правительство до сих пор пытается договориться с этим племенем и ради этого, ничуть не сомневаясь, повесило бы убийцу человека, чей череп так испугал господина Боуринга.

— Его череп! — ахнула экономка в ужасе. — Так значит, алый череп принадлежал тому самому убитому зулусу?

— Именно. Любой череп когда-то принадлежал живому, Мария.

— Но почему господин Боуринг так его испугался? Ведь убийца не он!

— Я как раз к этому подхожу, и ты все узнаешь, если только перестанешь меня перебивать. Все дело в том, что колдун — Мулу, как они его называли — думал, что именно Боуринг убил его сына и украл алмаз. Знахарь не мог привести его в суд, зато напустил порчу на его бизнес.

— Какую порчу? — с суеверным страхом поинтересовалась Мария.

— Сила внушения, — отрезал коротышка. — Он отрезал парню голову, выварил всю плоть, раскрасил череп и водрузил на него серебряную корону. А потом показал его Боурингу и объявил, что этот череп станет предвестником его, Боуринга то бишь, смерти.

— Но почему он сразу не убил господина Боуринга?

— Он хотел, чтобы тот помучился. И напрасно Джон убеждал его в своей невинности. Выдать Тревика он не мог из-за истории с поддельными документами. Мулу не поверил. Колдун решил пытать Боуринга ожиданием смерти, заставить его по-настоящему страдать. И, похоже, ему это удалось. Как-то раз в Трансваале Боуринг обнаружил в своей палатке череп и в тот же день едва не погиб от удара копьем. Позже, в Кейптауне, он нашел череп у себя в комнате, и его пырнули ножом — рана была тяжелая, он чудом выжил. Мулу сказал, что, увидев череп в третий раз, он не уйдет от смерти. Теперь ты, Мария, можешь представить себе, что он почувствовал, увидев череп в шатре гадалки? Впрочем, боялся он зря, — зевая, закончил Полуин. — Когда Джон отправился в Англию, Мулу умер и не осталось никого, кто бы мог продолжить вендетту. Но Джон об этом не знал и продолжал трястись от страха. Вот она, сила внушения!

— А ты привез алый череп в Англию. Зачем?

— Я решил, что он может пригодиться, ведь Боуринг до смерти его боялся. Я подложил его в палатку к предсказательнице, но, клянусь тебе своей душой, Мария, — тут коротышка посерьезнел и встал с кресла, — я знал, что Мулу мертв и не ждал серьезных последствий. Я просто хотел припугнуть бывшего компаньона. Но его, как ты знаешь, убили. Может быть, разговоры о черепе и подтолкнули Тревика к убийству? Впрочем, это только догадки. Но ничего другого у меня нет, так что именно это мы расскажем мисс Тревик и потребуем десять тысяч в год за молчание. Получив деньги, я навсегда исчезну из твоей жизни.

— Как бы я хотела, чтобы ты был мертв, — с горечью произнесла госпожа Крент.

Иосия ухмыльнулся и со всего маха влепил ей пощечину.

— А теперь, моя дорогая, — заговорил он так, словно только что

поцеловал супругу, — мне пора отправляться назад в Санкт-Эвалдс.

— И не страшно тебе идти по темной дороге, зная, что совесть у тебя нечиста? — всхлипнула Мария, потирая алеющую щеку.

Злобно усмехнувшись, низкорослый негодяй легким шагом направился к двери, а за ним, тяжело ковыляя, последовала его жена. Открыв дверь в холл, он на мгновение замер в театральной позе, словно собирался что-то сказать на прощание, но так и не решил, что именно. Его лицо вновь стало кротким, и он словно в один миг превратился в того Иосию Полуина, с которым общался Освальд Форд.

— Именно в таком образе я известен в Санкт-Эвалдсе, — продолжил он мягким голосом. — Но когда ты, моя дорогая госпожа Крент, увидишь меня снова, не стоит меня узнавать. А иначе... — тут он выпрямился, и лицо его вновь превратилось в дьявольскую маску. — ...мне придется принять меры, — вытянув руку, он ущипнул ее так сильно, что женщина вскрикнула. В следующий момент коротышка шагнул в сырую тьму и растворился в ночи, словно привидение.

— Почему я такая слабая? — простионала Мария, направляясь в свою комнату. — Почему мне не хватает духа удавить этого паршивца?

Она сама не понимала, почему такая крупная, решительная женщина не может справиться со злобным карликом. Если бы миссис Крент больше читала, то, возможно, узнала бы в своем муже мистера Квилпа^[9].

— Он ушел, мама? — спросила Дженни, которая все это время наблюдала за происходящим, спрятавшись в тени на верхней площадке лестницы. Услышав вскрик матери и лязг наружной двери, она метнулась вперед.

— Да, ушел, — сказала миссис Крент, а потом, опустившись на ступени, заплакала. — Дженни, моя девочка, боюсь, для нас наступили плохие времена!

— Нет, матушка! Что ты такое говоришь?! — запротестовала ее дочь. — Ты же у меня такая хорошая!

— В том-то и беда! — застонала пожилая женщина, раскачиваясь взад-вперед. — Была бы я плохая, придушила бы мерзавца еще давным-давно! Почему, ну почему он снова вошел в мою жизнь?

— Избавься от него, мамочка!

— Дженни, моя дорогая, я не могу. Ты даже не представляешь, что он за дьявол. Я лишь надеюсь, что со временем он исчезнет сам по себе.

— Мама, а может, получив деньги, нам лучше самим уехать куда-нибудь подальше и спрятаться?

Госпожа Крент кивнула и поцеловала склонившуюся над ней дочь.

— Какая ты милая, — вздохнула она. — Да, быть может, нам придется отправиться на край земли, чтобы Самюэль нас не нашел. Никогда! А где Морган?

— Я велела ему ложиться в постель, — ответила Дженни. — Подожди секундочку, мама. Я посмотрю, все ли он сделал как надо, а потом вернусь и помогу тебе раздеться.

Мария с усталым вздохом кивнула, и девушка скользнула в коридор. Сейчас, в белой ночной рубашке, она напоминала призрака. Через пару минут Дженни вернулась.

— Моргана в комнате нет! — воскликнула она обеспокоенно.

Ее мать вскочила с места и засуетилась, снова превратившись в ту деятельную женщину, какой была до визита низкорослого злодея.

— Нет в своей комнате? — она с ужасом повторила слова дочери, а потом, выхватив у Дженни лампу, побежала в залу. Вдруг сумасшедший отправился следом за ее мужем? Однако шапка и пальто Моргана оставались на месте. Неужели он ушел голым?

— Мамочка! Мамочка! — воскликнула девушка, окончательно осознав, что происходит. — Буди слуг! Мы должны найти Моргана!

Однако вместо того, чтобы послушать дочь, госпожа Крент затворила входную дверь и заперла ее на засов.

— Моя дорогая, мы все равно уже ничего не сможем сделать. Морган и раньше убегал, и, как ты должна помнить, нам ни разу не удавалось поймать его.

— Да. Он всегда возвращался под утро. Но он так давно этого не делал... Ты не думаешь?..

— Мы ничего не сможем с этим поделать, — уверенно повторила Мария. — Пойдем спать. Бедный мальчик вернется к утру.

И в самом деле, сделать ничего было нельзя. Бедный сумасшедший и раньше, бывало, бродил по ночам, а под утро возвращался весь мокрый от росы, со стертymi и израненными ногами. «Но сегодня он наверняка последует за Полуином в Санкт-Эвалдс», — решила миссис Крент и вздрогнула, вспомнив своего мужа. А ведь он мог найти в ночи смерть от рук безумца... Но почему она подумала, что Морган собирается убить Самюэля? Скорее, сумасшедший боялся его... Рассуждая подобным образом, Мария легла в кровать, но еще долго не могла уснуть, пытаясь представить себе мрачную дорогу, по которой шагал уверенный в себе Иосия-Самюэль, а вдоль обочины, в переплетении теней, за ним крался безумный Морган.

Неизвестно, почувствовала бы старая дама облегчение или

разочарование, если бы узнала, что на следующее утро Иосия Полуин плотно позавтракал на кухне в доме Тревиков. Он вернулся туда без приключений, а потом отправился в свой домик, расположенный в глубине сада, и никто не заметил ни его отсутствия, ни возвращения. Теперь он вновь стал кротким и робким слугой и, естественно, не подозревал, что Морган Боуринг следовал за ним предыдущей ночью. Но даже если бы Иосия знал об этом, то был бы уверен, что умалишенный не посмеет причинить ему никакого вреда. Этот человек знал, как управлять Морганом, и мог это делать с такой ловкостью, о которой госпожа Крент и не подозревала.

Но если Полуину не было ничего известно о ночной прогулке Моргана, то Дерика о ней узнала. Она спустилась в гостиную, ожидая появления мисс Лавинии, и, просмотрев почту, подошла к окну. К своему удивлению, она увидела человека, спящего на террасе. Выйдя к нему через открытое окно, мисс Тревик осторожно коснулась его носком туфли.

Незванный гость, вскрикнув, вскочил. К ужасу Дерики, это оказался Морган Боуринг, который в ярком дневном свете выглядел особенно пугающе.

— Что вы здесь делаете? — резко спросила у него хозяйка дома.

— Я пришел... Пришел... — запинаясь, проговорил гость, дрожа с головы до ног. — Пришел увидеться с тобой.

— Увидеться со мной? — Дерика отступила в глубь комнаты, заметив в глазах безумца нездоровый блеск. — Что вы имеете в виду? Нет! Стойте где стоите, — приказала она, потому что ей показалось, что он собирается войти, а она совершенно не хотела, чтобы этот сумасшедший оказался внутри дома.

— Мне холодно, — пролепетал Морган, потирая руки. — Я пришел... Я пришел... — продолжал он, не решаясь назвать истинную причину своего визита. — Речь идет о твоём отце.

— Что вы знаете о моем отце? — спросила мисс Тревик.

Но произнесла она эти слова столь воинственным тоном, что Боуринг-младший резко сжался, словно в ожидании удара.

— Не сердись на меня, — пробормотал он. — Не бей меня, красавица.

— Я не собираюсь вас бить, — заверила его Дерика более мягким тоном, не сводя взгляда с его лица. — Что вы хотели сказать о моем отце?

— Есть хочу, — неожиданно объявил незванный гость, уставившись на столик за спиной девушки. — Есть хочу и пить.

Мисс Тревик посмотрела на Моргана. Его вид был столь жалок, что она смягчилась и вынесла ему чашку горячего кофе и кусок хлеба.

Молодой человек нетерпеливо выхватил пищу из ее рук, сел и принялся за еду. Дерика же осталась на пороге комнаты, готовая в любой момент закрыть окно, если Морган попробует выкинуть что-то опасное. Она ничуть не боялась странного гостя, но отлично понимала, что нужно вести себя осторожно, когда имеешь дело с таким существом.

— Я люблю тебя... Я люблю тебя, — бормотал Боуринг, глядя на нее с умилением собаки, одновременно жуя хлеб и запивая кофе. — Ты намного лучше Дженни.

— Чепуха! — возразила мисс Тревик. — Дженни — ваша жена.

— Я предпочел бы тебя. Мой отец говорил, что я должен был жениться на тебе... Да, да, так говорил мой отец, но теперь он мертв. А я не похож на отца, ты же знаешь, — продолжал он бормотать. — Он часто бил меня. А Дженни меня не бьет. Мама Крент иногда стукнет... Хотел бы я дать ей сдачи...

— Ну-ну, — попыталась успокоить безумца Дерика, видя, что еще чуть-чуть, и он расплечется. — А теперь скажите, что вы тут делаете?

— Ты на меня злишься, — захныкал сумасшедший.

А я вовсе не хотел тебя разозлить. Смотри... — и, нагнувшись, он поцеловал носок туфельки Дерика. Та тут же отдернула ногу.

— Морган, вы должны идти домой, — сказала девушка ласково. Она не хотела, чтобы, спустившись вниз, тетушка Лавиния натолкнулась на этого безумца.

Доев хлеб, Морган встал и вытер рукавом рот.

— Ухожу, ухожу, — заверил он ее. — Спасибо, что накормила меня. Ты мне нравишься, а твоего отца я не люблю. Он убил моего отца. Ты об этом знаешь?

— Как вы смеете так говорить! — вспыхнула Дерика, на мгновение забыв, что разговаривает с умалишенным.

— Так сказал господин Полуин... Да, господин Полуин... Он даже показал мне череп... Знаешь, такой череп, весь красный... Страшный череп, — тут Боуринг-младший весь напрягся, словно вспомнив что-то ужасное. — Страшный череп, словно весь в крови. Один раз, второй, а на третий смерть! О-о-о! Я так боюсь! Поговори с Дженни! — воскликнул он жалобно. — Никто не понимает меня, кроме Дженни-венни-пенни...

Мисс Тревик с удивлением уставилась на сумасшедшего. Она не могла понять, почему он вдруг заговорил о Полуине и о черепе. И вдруг ей пришло в голову, что их слуга приехал из Южной Африки, а значит, и правда мог что-то знать о Мертвой голове.

Она уже хотела было задать безумцу вопрос, когда Морган вновь

заговорил сам, и в этот раз голос у него был совершенно нормальный, как у здорового человека.

— Вчера вечером я сбежал из дома, — объявил он. — Прошел по дороге, потом поднялся на холм к хижине. Старая ведьма пустила меня, а Анак... Ты ведь знаешь Анака? Он такой большой...

— Так что Анак? — нетерпеливо перебила его Дерика.

— Он дал мне это и сказал, что я должен отнести это тебе. Я так и сделал на рассвете. Красном, красном рассвете... А теперь ты дала мне поесть, и я должен идти. Я должен танцевать в солнечном свете. Видишь? — Молодой человек сунул какую-то бумагу в руку девушки, а потом принялся кружиться. — Видишь, я могу танцевать, как фея? Фея... Фея...

Он спрыгнул с террасы на дорогу и, пританцовывая, побежал по ней.

Дерика замерла, ошеломленная, с конвертом в руке. Она стояла и смотрела вслед безумцу, а тот, прежде чем скрыться за поворотом, остановился и, низко поклонившись, послал ей воздушный поцелуй, после чего исчез

— Сон да и только, — пробормотала мисс Тревик себе под нос, а потом опустила взгляд на конверт, который держала в руке. Письмо и в самом деле было адресовано ей и написано почерком отца.

Девушка разорвала конверт и прочитала несколько строк. Сэр Ганнибал писал, что скрывается в заброшенной шахте и хочет видеть ее. Дорогу ей должен был показать Анак. Прочитав это, Дерика без сил опустилась на стул. Она была в полном недоумении. То, что ее отец скрывался, мисс Тревик и так отлично знала, но вот того, что помогал ему в этом его враг Анак, она понять никак не могла.

Глава XVII Под землей

Дерика вернулась в комнату с письмом в руке. Она едва могла поверить своим глазам. Выходит, сэр Ганнибал неподалеку от дома, в шахте на пустошах! Она-то думала, что отец скрывается в Лондоне или уехал за границу, чтобы избежать ареста. Девушка и представить себе не могла, что он по-прежнему в окрестностях Санкт-Эвалдса.

Тем временем в комнату вошла мисс Лавиния — как всегда, величественная и чопорная. Она ознакомилась с письмом, которое принес умалишенный, и продемонстрировала куда меньше удивления, чем племянница.

— Очередная глупость, вполне в духе Ганнибала, — заметила она. — Человек поумнее взял бы и уехал за границу, пока тут все не успокоилось. Но он, как всегда, сунул голову льву в пасть. У меня уже нет сил на этого человека.

Дерика согласно вздохнула:

— Знаете, тетушка, быть может, папенька не так уж глуп, как вы думаете. Он не смог бы оставить Англию после того, как был выписан ордер. Полиция, без сомнения, следила за всеми портами. Если бы он остался в Лондоне, то полицейские рано или поздно обнаружили бы его. Но вот чего уж точно никто не ожидал, так это того, что он вернется домой.

— Я в этом сомневаюсь, — заметила мисс Куинтон ледяным голосом. — Почему, как ты думаешь, господин Аркл зашел сюда навести справки?

— И что же с того? Аркл убедился, что папы тут нет, и вернулся в город. Так что отец поступил весьма разумно, спрятавшись среди старых отвалов. Там-то его точно никто не станет искать.

— Там его будут искать в первую очередь, — упрямо продолжала гнуть свою линию мисс Куинтон. — Если Аркл догадался, что Ганнибал вернулся в Корнуолл, то заброшенная шахта — самое очевидное из убежищ.

— Тогда ему придется попотеть. Этих шахт в округе десятки.

— А ты-то как собираешься искать нужную? — поинтересовалась Лавиния, постучав лорнетом по письму. — Об этом он написал?

— Нет, тетушка, он не сообщил мне, где именно прячется. Но Морган Боуринг получил письмо от Анака, а значит, Анак сможет привести нас к моему отцу.

— В таком случае нет необходимости держать дома столь компрометирующие письма, — подвела итог старая дева, пододвинувшись поближе к огню. Подхватив письмо со стола, она швырнула его в камин, а потом под села к столу для завтрака. — Ну, дорогая, ешь и пей, тебе надо восстановить силы.

— У меня нет аппетита, — ответила Дерика, со вздохом сделав маленький глоточек кофе.

Мисс Лавиния устала сидеть на тарелку яичницы с беконом:

— Моя дорогая девочка, в тебе нет веры. До сих пор Провидение спасало моего непутевого зятя, спасет и в этот раз. Господь хранит детей, пьяниц и дураков. Едва ли нужно уточнять, дитя мое, к какой категории относится твой отец.

— Значит, вы все-таки не считаете, что он виновен? — поинтересовалась мисс Тревик, взявшись за нож и вилку.

— Не уверена. На это дело можно взглянуть и с той стороны, и с этой. Давай подождем и посмотрим. Что ты намерена делать, Дерика?

— Надо рассказать о письме Освальду и сходить вместе с ним к этому Анаку. Может, тогда нам удастся встретиться с отцом.

Приняв решение, девушка позавтракала. Несмотря на растущее беспокойство, она решила воспользоваться благоразумным советом тетушки и держать себя в руках. Спустя полчаса к ним заглянул господин Форд, и мисс Тревик рассказала ему о встрече с Морганом Боурингом и о письме. Юрист был очень удивлен, однако остался доволен тем, что узнал.

— Что ж, — кивнул он, — теперь мы наконец узнаем правду.

— Это от Ганнибала-то? — насмешливо поинтересовалась Лавиния. — Нашли кому доверять. Он расскажет все так, чтобы выставить себя в лучшем свете.

— Ему придется рассказать все, что он знает, — с мрачной решимостью объявил адвокат. — Если, конечно, он хочет спасти свою шкуру.

Мисс Куинтон уверенно кивнула и снова взялась за вязание, в то время как Дерика отправилась в свою комнату, чтобы переодеться для прогулки по болотам. Когда она ушла, старая дама оторвалась от рукоделия и внимательно посмотрела на молодого адвоката, словно хотела спросить о его дальнейших планах. Вместо ответа Освальд только тягостно вздохнул:

— Как хотел бы я посмотреть письмо, которое вы сожгли!

— Там не было ничего, о чем бы мы вам не рассказали, господин Форд, — заверила его Лавиния. — А хранить такой документ в доме весьма неразумно.

Сюда в любой момент могут нагрянуть с обыском детективы.

— Не думаю, что кто-то нагрянет. Аркл, по-моему, удовлетворился первым визитом, — возразил юрист.

— Только если он полный болван, — заметила его собеседница, потряхнула головой и принялась вязать с удвоенной энергией.

— Будем надеяться на это, хотя бы ради сэра Ганнибала, — сухо согласился Форд.

Пока они разговаривали, в комнату вернулась Дерика в плаще и шляпке, которые ей очень шли. Следом за ней вошла еще одна девушка с красивым кукольным личиком. Выглядела она очень бледной и испуганной.

— Тетя! Освальд! — объявила хозяйка дома, пропуская вперед незнакомку. — Это — миссис Боуринг, и она хочет нам что-то рассказать.

— Нет! Нет! На самом деле, мисс Тревик... — запротестовала Дженни, пугаясь еще сильнее. — На самом деле, я пришла лишь затем, чтобы узнать, что случилось с Морганом. Вчера ночью он пропал из дома. А сегодня утром я отправилась на пустоши искать его и встретила Анака, который рассказал, что отправил его с письмом к мисс Тревик.

— Да, он был здесь, но, как я уже сказала, ушел больше часа назад. Думаю, он пошел домой, — ответила Дерика.

— Нет, дома он так и не появился. К тому же я шла по ближней дороге, и если бы он отправился домой, я непременно встретила бы его, — помотала головой ее гостя.

— Тогда, вероятно, он пошел по другой дороге, которая намного длиннее, — предположила мисс Куинтон. — Так часто поступают люди со слабым разумом — делают совершенно противоположное тому, что стал бы делать нормальный человек.

Дженни рухнула на стул и всплеснула руками. Выглядела она усталой и напуганной. Дерика мгновение смотрела на нее, а затем вышла и вскоре вернулась с бокалом портвейна.

— Вот, выпейте. Вам надо восстановить силы, — объявила она, повторяя слова своей тети.

— Большое спасибо, мисс Тревик, вы очень добры. Я сделаю все, чтобы вам помочь, — пробормотала усталая девушка.

— И что же вы можете сделать? — с сомнением заметила мисс Лавиния. Однако прежде чем Дженни успела ответить, вмешался Форд.

— Минуточку, — проговорил он, желая задать вопрос, который вертелся у него в голове с того момента как Дженни упомянула о своей встрече с Анаком. — А этот Хью Карни не сказал, что было в письме, которое он передал вашему мужу?

— Нет, — ответила миссис Боуринг. — Да и как он мог сделать это, сэр? Анак ведь и сам ничего не знал. Он же не стал бы вскрывать письмо, написанное мисс Стретгон.

Освальд неожиданно вскочил на ноги:

— Вы сказали, мисс Стретгон?

— Да. Анак сказал, что она обронила это письмо, адресованное вам, мисс Тревик, на пороге хижины его матери. Анак побежал, чтобы вернуть его мисс Энн, но та словно в воду канула. Поэтому он отдал его Моргану, которого встретил на пустошах. Видите ли, Анак не мог сам доставить письмо, так как не мог бросить карьер, где работает бригадиром.

Юрист потер подбородок. Это объясняло, почему Хью Карни, будучи враждебно настроен к сэру Ганнибалу, все же доставил письмо: за этим стояла мисс Стреттон, и она единственная была осведомлена о местоположении баронета.

Пока молодой адвокат размышлял, как бы ему встретиться и поговорить с Энн, Дерика обратилась к миссис Боуринг, которая, благодаря живительному напитку, постепенно стала приходить в себя.

— Так что вы хотели мне рассказать? — тихо спросила она свою гостью.

— Только не рассказывайте маме о том, что я скажу, — умоляющим голосом попросила все еще бледная Дженни. — Она никогда не простит мне. Но этот человек так ужасен, что мать не сможет бороться с ним одна. Я знаю, вы очень умны, мисс Тревик. Вот я и подумала, что вы можете помочь моей матери — тем более что тем самым вы спасете и своего отца!.

Форд резко повернулся к ним.

— Что-что вы сказали? — спросил он.

— Я прокралась на лестницу, когда мать разговаривала с этим человеком, — лихорадочно проговорила миссис Боуринг. — И слышала почти все, о чем они говорили.

— Прежде всего, о ком идет речь? — не понял Освальд.

— О господине Полуине... Но это не его настоящее имя.

— Гм! — Молодой человек потер подбородок и постарался как можно лучше припомнить свой разговор со слугой. — И как же его зовут на самом деле?

— Самюэль Крент. Он — муж моей матери.

— Что?! — воскликнула мисс Тревик. — Он ваш отец?

— О нет, нет, как вы могли так подумать?! Моего отца звали Джерри Уорд. Господин Крент — второй муж моей матери. Он злой человек, и мама очень его боится.

Если бы она знала, что он живет здесь, она бы уехала на другой край света.

— И чем же опасен этот мямля? — удивилась Дерика.

— Он вовсе не мямля, мисс Тревик, он очень страшный человек. Прошлой ночью он запугал мою мать и побил ее. Только вы не говорите Полуину, что я все слышала, а то он убьет меня. Это не шутки, он это сделает! Вы даже не представляете, какой это ужасный злодей!

— Будь он хоть злейшим негодяем во всей Англии, у меня на него найдется управа, — мрачно усмехнувшись, ответил адвокат. — Продолжайте, миссис Боуринг, расскажите, что вы услышали, а потом мы поговорим с господином Полуином.

Тут девушка вскочила и вцепилась в руку Форда.

— Не делайте этого! — задохнулась она, дрожа от страха. — Если вы собрались рассказать ему, я не скажу ни слова.

— Но я думаю... — начала было Дерика, однако тетя перебила ее: — Миссис Боуринг совершенно права, — объявила она. — Если Полуин, или Крент, или как он там себя называет, и в самом деле опасный человек, то не стоит говорить ему, что мы знаем или хотя бы подозреваем о его истинной природе.

Юрист кивнул:

— Хорошо, я согласен!

Он подошел к двери и тщательно прикрыл ее, а затем вернулся, поставил стул для Дженни посреди комнаты, а рядом-рядом стулья для Лавинии и Дерика. Затем он наклонился к самому уху госпожи Боуринг и прошептал:

— А теперь расскажите нам все, только тише.

Та испуганно осмотрела комнату, а потом шепотом воспроизвела почти весь разговор матери и Иосии, который состоялся прошлой ночью.

По мере того, как девушка рассказывала об африканской жизни Ганнибала, лицо мисс Куинтон становилось все более серьезным. Форд с довольным видом кивал. Дерика глядела на Дженни и внимательно слушала ее, не выказывая никаких эмоций. Когда история закончилась, адвокат пододвинул свой стул еще ближе к рассказчице.

— Вы можете вернуться домой, миссис Боуринг, — тихо сказал он. — Отдыхайте и поверьте мне: ни ваша мать, ни мистер Полуин не услышат о том, что вы нам сейчас рассказали.

— И вы поможете моей матери? — поинтересовалась девушка.

— Позже, без сомнения. Но сейчас все мы должны молчать, чтобы Полуин сам себя выдал.

— Думаешь, это он во всем виноват? — быстро спросила Дерика.

Освальд ответил уклончиво:

— Не могу сказать, но я должен все обдумать. А пока пусть госпожа Боуринг идет домой и ничего никому не говорит.

Дженни слабо кивнула и запахнула плащ, готовясь уходить. Ее хрупкая фигурка с жалким и несчастным видом удалялась по аллее, но трое оставшихся не думали о ней, а с недоумением смотрели друг на друга.

— Думаете, нужно позвать Полуина и побеседовать с ним по душам? — поинтересовалась мисс Тревик, внимательно глядя на своего возлюбленного.

— Не сейчас, хотя было бы неплохо узнать, чем он сейчас занят, — отозвался тот.

Дерика позвонила в колокольчик и спросила подошедшую служанку, дома ли мистер Полуин. Оказалось, что, позавтракав, он отправился в карьер «по своим делам».

— Он взял хозяйский мопед, — добавила служанка.

— Ну? — поинтересовалась мисс Куинтон, когда за той закрылась дверь и трое заговорщиков остались в одиночестве. — И что нам теперь делать?

— Дерика, мы отправимся к мисс Стреттон, — неожиданно объявил Форд.

— Почему, Освальд?

— Потому что только она может отвести нас к шахте, где прячется ваш отец.

— Но в письме говорилось, что нас будет направлять Анак.

— Ах! — с досадой вздохнул адвокат. — Жаль, что я не видел этого письма. Судя по тому, что рассказала нам госпожа Боуринг, Анак об этом ничего не знает, тем более что он ненавидит твоего отца. Полагаю, что и в письме было сказано не «Анак», а «Анна».

— Вполне возможно, — согласилась мисс Тревик. — Почерк у папеньки тот еще. Ну что ж, тогда нам стоит поговорить с ней.

И влюбленные отправились к юной художнице. Та оказалась дома. Лицо Энн было бледным, на нем читалась растерянность. Но когда Форд рассказал ей о письме, лицо Энн прояснилось.

— Я рада, что письмо все-таки попало по адресу и вы пришли ко мне, — сказала она, заламывая руки. — Я боялась, что письмо так и не дойдет до вас. А Анак читал его?

— Не думаю, — покачал головой Освальд, вспоминая рассказ Дженни.

— Возможно, теперь сэру Ганнибалу было бы лучше спрятаться в

другом месте? — задумчиво пробормотала художница.

— Значит, вы и в самом деле знаете, где папа? — быстро спросила Дерика.

— Он написал мне из города, что его предупредили об ордере на арест. Он решил скрываться, пока не сможет подготовить свою защиту. Я посоветовала ему приехать сюда. Он так и сделал: изменил внешность и доехал по железной дороге до станции Гвинн. Я встретила его и отвезла в коляске господина Пенрифа к одной из заброшенных шахт. Это моя идея спрятаться в здешних местах, в руднике Пенгелли.

— Я знаю это место! — быстро проговорила мисс Тревик. — Это неподалеку от дома господина Пенрифа, в миле за карьером.

— Именно. Если вы спуститесь в шахту, напевая «Дом, мой милый дом», сэра Ганнибал выйдет вам навстречу.

— «Дом, мой милый дом», — повторил Форд, улыбаясь, несмотря на свое беспокойство. — Настоящая насмешка!

— Но мы же должны были выбрать какой-то условный сигнал! — с раздражением воскликнула мисс Энн. — Вы пойдете сами или мне вас сопроводить?

— Сами, — решила мисс Тревик после минутного колебания. — А вам, мисс Стреттон, лучше прилечь. — Она потянулась вперед, а потом совершенно неожиданно поцеловала Энн в щеку. — Я была к вам несправедлива, — объявила Дерика. — Я вижу, что вы были и остаетесь лучшим другом моего отца.

— Значит, и с вами мы больше не враждуем? — спросила художница, тронутая поступком обычно скупой на эмоции девушки.

— Нет. Думаю, если папа женится на вас, это будет к лучшему. А сейчас — до свидания. Мы сможем поговорить об этом позже, — ответила мисс Тревик.

Мисс Стреттон посмотрела в окно вслед удаляющейся парочке и со вздохом отвернулась. Она была довольна тем, что спасла сэра Ганнибала и получила благосклонность его дочери, но очень устала, и как только влюбленные покинули ее, последовала совету и отправилась спать, думая о том, как обернется дело.

— Мне вот и самой интересно, выйду я замуж за баронета или нет, — пробормотала она, зевая.

Между тем Форд заглянул к госпоже Трегар, владелице «Королевской брони», чтобы нанять коляску для «прогулки вдоль пустошей». Оставив Дерика с хозяйкой, он вышел поговорить с кучером.

Мисс Тревик не понравилось то, с каким любопытством хозяйка

гостиницы посмотрела на нее, так как была уверена: эта дама, как и многие местные жители, винит в убийстве отца. Впрочем, та вскоре развеяла опасения девушки.

— Я слышала, что господин Боуринг Морган женат на дочери госпожи Крент, — улыбнувшись, заметила миссис Трегар. — И я так рада за вас и за господина Форда!

— Спасибо за участие, мэм, — отозвалась девушка. — Но мой отец никогда бы не заставил меня выйти замуж за Моргана Боуринга.

— Еще бы, мисс, тем более, что у вас такой хороший спутник. Когда же вы собираетесь пожениться?

Дерика вздохнула:

— Не могу сказать. У нас сейчас большая беда...

— Не принимайте это близко к сердцу, — улыбаясь, посоветовала девушке миссис Трегар. — Ваш папа вернется, невинный, как ангел. Он, да убийца? Никогда бы в это не поверила, даже если все присяжные Великобритании хором скажут «виновен».

Мисс Тревик поблагодарила хозяйку отеля за сочувствие, но тут появился Форд и сообщил, что коляска ждет, и через несколько минут они уехали. Освальд нанял и кучера, чтобы тот правил коляской, а потом присмотрел за ней, пока они бродят по пустошам.

День выдался прекрасным, воздух был чист и свеж. Молодые люди не спеша поднялись на вершину холма, откуда открывался отличный вид на Санкт-Эвалдс. Они почти не говорили во время поездки, так как не хотели сболтнуть что-то, не предназначенное для ушей кучера.

Повозка проехала мимо места убийства, мимо карьеров, где упорно добывали камень, и сделала дугу между деревней Пенриф и фамильным особняком Пенрифов. Деревушка была выстроена из серого камня — суровая и хмурая, настолько соответствующая этой мрачной стране, что издали она казалась творением природы, а не рукотворной постройкой. Пенрифы обитали здесь с допотопных времен, и поэтому деревня с усадьбой назывались их именем.

Адвокат знал от мисс Тревик, что рудник Пенгелли находился чуть выше по склону холма, нависавшего над выющейся дорогой. Он попросил кучера остановиться у «Герба Пенрифов», единственного паба в деревне. Оттуда они с мисс Тревик направились прямо вверх по крутому зеленому склону холма, по тропинке, протоптанной овцами. На вершине возвышался могучий кромлех. В его тени они остановились перевести дыхание.

— Нам туда! — показала Дерика, указав на высокую трубу, поднимающуюся неподалеку.

Ее спутник кивнул и, не тратя лишних слов, так как времени было мало, направился вниз по противоположному склону холма среди груд щебня и мусора — следов горных работ, которые велись тут давным-давно. Они прошли мимо развалившихся сараев и хозяйственных построек. Рядом с печью, от которой в небо устремлялась труба, разверзся зев шахты. Подойдя ближе, влюбленные увидели вертикальную лестницу, уходящую в глубину.

Мисс Тревик вспомнила, что не так давно один из подрядчиков попытался заново открыть эту шахту, осушил ее, но потом все бросил, так как предприятие оказалось совершенно невыгодным. Тем не менее после ремонта шахта стала сравнительно безопасной. Видимо, из-за этого ее и выбрал своим убежищем сэр Ганнибал.

— Ужас какой! — пробормотала Дерика, рассматривая черное отверстие.

— Я думаю, тебе, дорогая, лучше остаться здесь, — заметил Форд.

В ответ девушка наградила его удивленным взглядом, полным возмущения, и уверенно поставила ногу на верхнюю ступеньку лестницы. Мгновение, и она исчезла во тьме, в то время как Освальд все еще стоял на месте, пораженный ее храбростью.

Все дальше и дальше спускались влюбленные во влажном мраке, тщательно нащупывая ногами каждую ступеньку. Потом Форд услышал, как Дерика запела ту самую мелодию, которая должна была стать сигналом для ее отца — похоже, они углубились до того уровня, где баронет устроил свое первобытное логово. Как ни странно, и молодой человек, и его подруга забыли о необходимости прихватить с собой свечи или фонарь, так что теперь они очутились глубоко под землей в полной темноте.

Взявшись за руки, они ненадолго задержались у лестницы, ведущей на поверхность. Дерика дрожала от влажного холода, пропитавшего воздух шахты.

— А теперь что нам делать? — спросила она шепотом, боясь нарушить тишину подземелья.

— Петь, — ответил адвокат. — Эти длинные коридоры разносят звук на огромное расстояние.

Затрепетав, мисс Тревик снова запела. Ее голос, ясный и сладкий, словно пение жаворонка, серебряным звоном разнесся по коридорам. Шла минута за минутой, и когда Форд уже решил, что они все же ошиблись и пришли не туда, он заметил в конце одного из коридоров мерцание свечи.

Взяв девушку за руку, он повел ее на свет, и тут они едва не упали, натолкнувшись на рельсы для вагонеток. Они шли вперед, иногда задевая

головами низкий потолок. Свет становился все ярче, сильнее и вдруг пропал. Дерика снова запела, и в ответ свеча опять загорелась. Наконец, вдали, в конце галереи, они увидели фигуру человека.

— Отец! — воскликнула мисс Тревик, вложив все свои чувства в этот крик.

— Наконец-то, — отозвался господин Ганнибал. — Как я рад, Дерика, что ты пришла!

Глава XVIII Откровенный рассказ

Мисс Тревик, все еще держа Форда за руку, шагнула к баронету. Тот крепко обнял дочь, а потом повел ее и ее спутника по извилистому коридору. Они вышли в небольшую пещеру, и сэр Ганнибал, сойдя с рельс, запалил еще несколько свечей. Вокруг стало светлее. Оглядевшись, Дерика поняла, что они оказались в своего рода нише, выдолбленной шахтерами в прежние времена. Пол в этой нише был чуть выше уровня пола в коридоре, и потому там было сравнительно сухо.

В дрожащем свете девушка увидела лежащую в углу кучу сухой травы и папоротника, которая служила кроватью ее несчастному отцу. Тут же находилась коробка с едой. Кострище тлело на самом краю галереи, чтобы дым уходил вверх. Никакой мебели, само собой, не было, и садиться им пришлось прямо на каменный пол, который, к счастью, был сухим.

Оглядев эту цитадель, Дерика уставилась на отца и с удивлением заметила, как сильно тот изменился. Еще недавно он был моложавым пожилым джентльменом, красивым и надменным. Теперь же он побледнел, еще сильнее поседел и вдобавок зарос щетиной. Его плечи поникли, лицо осунулось и приобрело восковой оттенок, и даже глаза, казалось, потускнели.

Мисс Тревик была потрясена, увидев, что ее отец за несколько дней превратился в дряхлого старика. Ее эмоции были слишком сильными, чтобы облечь их в слова. Сэр Ганнибал, похоже, догадался, что она чувствует, а также увидел страдальческое выражение в глазах Освальда.

— Да, — горько протянул баронет. — Есть чему удивиться. Тем-то и отличается убежище в шахте от уютного особняка...

— Но скоро все изменится, — с уверенностью объявил молодой юрист. — Вы скоро вернетесь домой, сэр.

— Увы, это зависит от многих обстоятельств, — задумчиво ответил Тревик.

— Отец! — Дерика судорожно сжала его руку. — Никогда не поверю, что ты убил мистера Боуринга!

— Нет, дорогая, нет, я никого не убивал, — ответил сэр Ганнибал, похлопав дочь по руке. Его лицо озарила радость от того, что дочь верила в него. — Я, конечно, совершенно невиновен. Но у меня есть враги, которые готовы на все, чтобы меня уничтожить.

— Но почему, отец?

— Ах! — тяжело вздохнул старый аристократ. — Это долгая история.

— Ну а мы как раз пришли, чтобы выслушать вашу долгую историю, — быстро вставил Форд.

Затравленный баронет посмотрел на молодого адвоката:

— Что вы говорите?

— С тех пор как вы исчезли, мы с Дерикой слышим о вас всевозможные странные истории.

— Обо мне? — у Тревика перехватило дыхание.

Адвокат кивнул:

— Да, о вас и о господине Полуине...

— Полуине? Моем слуге?

— Да, — многозначительно произнесла Дерика. — О твоём слуге Самюэле Кренте.

Баронет вздрогнул и сжал руку дочери так сильно, что та вздрогнула.

— Как вы узнали, что Полуин на самом деле — вовсе не Полуин, а Крент?

— О, — протянула Дерика, передразнивая отца. — Это тоже долгая история.

— Не понимаю, к чему такой ироничный тон, мое дитя, — сказал сэр Ганнибал, пытаясь подавить волнение.

— Похоже, мы друг друга не понимаем, — заметил Освальд, пожав плечами. — Будет лучше, если вы расскажете нам все, причем с самого начала.

— О чем я должен рассказать? — продолжал упираться баронет.

— К примеру, о Мертвой голове.

— Я ничего не знаю об этом, господин Форд.

— И о Мулу ничего не знаете, и о его...

— Кто вам это рассказал?! — властно перебил молодого человека сэр Тревик, сильно разволновавшись.

— Миссис Боуринг.

— Кто-кто? Жена господина Боуринга умерла много лет назад.

— Я имею в виду молодую миссис Боуринг, жену Моргана.

— Так вы знаете об этом тайном браке, — пробормотал господин Тревик.

Форд уставился на него, глядя в упор.

— Кажется, вы, сэр Ганнибал, многое забыли, — сухо сказал он. — Конечно, мы знали. Помните, не так давно...

— Да, да, — перебил его баронет, отмахнувшись. — Должен был распространиться слух, что я дал согласие на свадьбу Дерики с Морганом,

а затем госпожа Крент должна была объявить о невозможности этого брака. Я знаю... Я знаю. Поймите, я так разволновался, что уже начал забывать, кто что знает.

— Бедный отец, — мягко проговорила мисс Тревик. — Но у нас мало времени, мы не можем оставаться тут надолго. Расскажи нам все побыстрее, чтобы мы как можно скорее вернулись домой.

— Не могу, Дерика. В этой истории все против меня.

— Отец, ты должен вернуться домой и объясниться с теми, кто обвиняет тебя.

— Но ты же знаешь, что на мой арест выписан ордер. Меня не было на празднике, когда был убит

Боуринг, и мне никак не доказать, что я к этому непричастен.

— Полуин смог бы это доказать, — быстро сказал Освальд.

— Но он не станет, — с горечью вздохнул сэра Ганнибал. — Этот человек злодей, он хочет меня погубить. Я не знаю почему, ведь я делал ему только добро.

— Многие не ценят доброту, — заметил Форд, пожав плечами. — Они пытаются навредить человеку, который был добр с ними. Но ситуация такова, сэра Ганнибал. Полуин утверждает, что после того, как мисс Стреттон покинула праздник с господином Пенрифом, вы выехали на мопеде по дороге, огибающей холмы. Он, то есть Полуин, встретился с вами где-то на пустошах, и вы спросили его, видел ли он мисс Энн. Он ее не видел, так как они ехали по другой дороге. Тогда вы отдали ему мопед и отправили с письмом в особняк Пенриф. Затем...

— Затем я вернулся в Санкт-Эвалдс, — быстро продолжил Тревик. — Но не на праздник. Послушайте меня, Форд, и ты, Дерика. Я люблю мисс Стреттон и хочу жениться на ней. В день праздника, если бы не вмешались вы, я попросил бы ее руки. Но я не успел с ней объясниться. Она уехала вместе с Пенрифом, который, насколько я знаю, в нее влюблен. Больше всего я боялся, что он сделает предложение раньше меня, и тогда я потеряю Энн навсегда. Вот почему я в спешке написал письмо, в котором просил ее стать моей женой, и отправился на мопеде в погоню.

— Но была ли необходимость в таком письме? — поинтересовалась девушка. — Ты мог бы просто догнать мисс Стреттон и сделать предложение.

— Когда рядом был этот Пенриф? Не смей меня, Дерика! Я собирался сунуть ей письмо в руку под каким-нибудь благовидным предлогом и исчезнуть. К сожалению, я выбрал не ту дорогу, по которой поехал Пенриф.

— И на которой произошло убийство...

— Вот именно. Проезжая по второй дороге как раз мимо этой шахты, я встретил Полуина, спускавшегося с холма. Я устал и отдал ему мопед, чтобы он поехал за мисс Энн. Он согласился. Тогда я пешком пошел обратно домой и гулял по пляжу за особняком до самого ужина.

— Почему же ты не вернулся на праздник? — поинтересовалась мисс Тревик.

Баронет покраснел:

— Я был влюблен, Дерика. Я брел по пустынной дороге и думал о женщине, которую люблю. Но, видишь ли, я не могу доказать свое алиби, поскольку никто меня на пляже не видел. А господин Боуринг, с которым я как раз перед этим поссорился, был убит примерно в это же время, так что я находился в очень опасном положении.

— Мисс Стреттон видела вас на вершине холма рядом с гранитной глыбой, которая в дальнейшем перегородила дорогу. Это была именно та глыба, в которую врезался автомобиль Боуринга, — заявил Освальд.

— Господин Форд! — воскликнул баронет с яростью, когда адвокат закончил свою речь. — Мисс Стреттон — мой друг. Она бы не стала такое говорить...

— Но это правда, отец?

— Нет, Дерика, душой клянусь, меня там не было. Я сделал то, о чем уже рассказал, а когда Полуин уехал на моем мопеде, я пешком отправился к особняку и на пляж.

Девушка посмотрела на Форда, а он — на нее.

— Странно! — с удивлением сказал адвокат. — Интересно, а не изображал ли вас кто-нибудь, сэр Ганнибал? Мисс Стреттон заявила, что видела именно вас.

— Не знаю, кто мог устроить подобный маскарад, — помедлив, ответил сэр Тревик. — Но меня и близко не было к месту убийства. Однако вам лучше рассказать мне все, что вы узнали, и тогда мы, быть может, прольем свет на это дело.

— Я вам все расскажу, — заверил его юрист, — но взамен и вы должны быть совершенно откровенны.

— Обещаю. Продолжайте.

Адвокат был вынужден довольствоваться этим обещанием. Он рассказал сэру Ганнибалу о разговоре с Иосией, о неожиданном появлении Моргана, о визите мисс Стреттон в хижину Анака и, наконец, подробно пересказал то, что поведала им молодая госпожа Боуринг про Полуина, также известного как Крент.

Баронет спокойно все выслушал, держа дочь за руку и не прерывая рассказчика почти до самого конца истории, хотя, судя по его выражению лица, он был возмущен. Наконец, когда рассказ уже подходил к концу, сэр Тревик не выдержал.

— Вы рассказали достаточно, — объявил он. — Крент — мой враг.

— Вот как! — воскликнула Дерика. — Думаешь, это он убил господина Боуринга?

— Нет, — резко объявил ее отец. — Они с Боурингом сговорились, чтобы уничтожить меня. Есть определенная истина в том, что говорила миссис Крент, как и в истории ее мужа. Полуин, или Крент, называйте его как угодно, настоящий злодей. Он был нашим с Джоном партнером в Африке, но вел себя так отвратительно, что нам пришлось его вышвырнуть. Он вечно устраивал нам неприятности с туземцами.

— А насчет подделанных бумаг — это правда? — поинтересовался Форд.

— Правда. Но я никогда не шантажировал ими Боуринга. Я просто держал их под рукой как гарантию того, что он не попытается мне навредить. Не сказал бы, что я занимался бизнесом с алмазами совершенно честно, но я был не хуже других. Господин Боуринг все знал и время от времени пытался запугать меня, угрожая все рассказать о моих делах жителям Санкт-Эвалдса. Но я пригрозил, что если он это сделает, я подам на него в суд за подделку моей подписи. Бумаги... Да, все в мире повторяется, — с горечью произнес сэр Ганнибал. — Да, Джон подделал их в недобрый час, а я завладел ими с помощью Крента. Боуринг и так зарабатывал больше чем достаточно, ему не было резона что-то подделывать, но он все же сделал это, надеясь сорвать еще больший куш. В результате сделка сорвалась, я ничего не получил и остался ни с чем, а Джон превратился в миллионера.

— Но, имея эти бумаги, вы могли получить у него свою долю, — заметил Форд.

— Нет, — возразил сэр Тревик. — Я никогда не опустился бы до шантажа. Я совершил много низких поступков, но не такое.

— Но вы участвовали в сделке по продаже алмазов, сэр Ганнибал, вы должны были получить свою часть.

— Разумеется. Но пока я был в Кейптауне, а Боуринг в Рэнде, он подделал мою подпись и купил от моего имени множество алмазов, надеясь улизнуть с ними. Вот только Крент...

— Называй его Полуином, отец, так будет понятнее, — вмешалась вдруг Дерика.

Ганнибал кивнул и продолжил:

— Через Полуина я раздобыл фальшивые бумаги и пообещал Боурингу встречу в суде, если он попытается скрыться с моей долей алмазов. Он согласился. Но потом произошла эта ужасная история с Мертвой головой, и я сам оказался в его власти.

— Отец! — на глазах дочери баронета выступили слезы. — Ты и в самом деле убил сына этого колдуна Мулу?

— Нет. Это сделал Боуринг. Но они с Полуином обставили все так, что все посчитали: убийца — я, ведь именно в моих руках оказался алмаз, ради которого был убит сын знахаря. Боуринг отдал мне проклятый камень и отказался забрать его назад.

— А почему вы просто-напросто не выбросили этот алмаз? — быстро спросил Форд.

— Мой дорогой мальчик... Алмаз стоил пять тысяч фунтов, и, кроме того, если бы я даже выбросил его, это не доказало бы мою невиновность. Джон убедил всех в моей виновности, да и Полуин готов был поклясться, что это я убил зулуса. Поэтому я покинул Африку таким же бедным, как приехал туда, и поселился в Санкт-Эвалдсе. Остальную часть моей жизни ты, Дерика, видела своими глазами.

— Но ведь господин Боуринг дал вам денег? — озадаченно произнес Освальд.

— Гроши. Я находился в его власти точно так же, как он в моей. Он мог доказать, что я виновен в убийстве зулуса, а я мог подать на него в суд за подделку бумаг. А потом... — тут сэр Ганнибал заколебался, — признаюсь тебе откровенно, Дерика, я продал алмаз, чтобы хоть как-то удержаться на плаву, так что если бы Боуринг публично обвинил меня, я не смог бы оправдаться.

— Какая гадость! — воскликнула девушка, сильно обеспокоенная этими неприятными откровениями. — Но как вышло, что господин Боуринг поселился в Грандже?

— Это я его заставил, — резко сказал сэр Тревик. — Наша вражда зашла в тупик, так что я согласился подождать, пока он умрет, прежде чем получить деньги, которые по праву были моими. После того что он сделал, я настаивал на том, чтобы ко мне отошло все его состояние. Он согласился на подобный вариант, но стал настаивать, чтобы ты, Дерика, вышла замуж за его безумного Моргана. Однако в завещании этот брак был упомянут лишь как пожелание. Я заставил Боуринга поселиться в Грандже, чтобы он не исчезал с моих глаз. А потом появился Крент. Он поменял фамилию и стал Полуином. Так как он слишком много знал, мне пришлось взять его в

слуги.

— Постойте! — возразил Форд, заметив в истории изъян. — Но Мулу знал, что убийца его сына Боуринг!

— Он не ошибался, — кивнул Тревик. — Старый знахарь был умнее, чем белые люди, поверившие в мою вину. Не удивляйся, Дерика: против меня были слухи и подозрения, но без свидетельства Боуринга и Полуина доказать ничего было нельзя. Закон мне не грозил, но ситуация была столь неприятна, что мне пришлось покинуть Африку.

Наступила долгая пауза, а потом Форд заговорил снова:

— Все это очень запутанно, сэр Ганнибал. Я вижу, что вас не назвать невинной жертвой обстоятельств, но никаких преступлений вы не совершали. И все же какую роль в этом всем сыграла Мертвая голова?

— Я и подумать не мог, что она у Полуина, — быстро ответил баронет. — Но я легко верю, что с ее помощью он собирался пугать Боуринга. Мулу действительно сказал Джону, что тот умрет, когда увидит голову в третий раз. И, насколько мне известно, в Африке он видел ее дважды.

— Тогда мне кажется, — медленно произнес адвокат, — что Полуин — единственный, кто знал о значении Мертвой головы. Он использовал ее, чтобы напугать Боурингу смерть. Выходит, он и совершил убийство.

Дерика покачала головой.

— Нет, — уверенно объявила она. — Судя по всему, Полуин так же озадачен смертью господина Боуринга, как и мы. По крайней мере, так утверждала Дженни, подслушавшая, как он разговаривал с ее матерью. Он мог использовать Мертвую голову, чтобы напугать Боуринга, но не представляю, как он мог бы убить его.

— А вы, сэр Ганнибал, что думаете по этому поводу? — спросил Освальд.

— Я согласен с Дерикой, — кивнул баронет. — Живой Боуринг был куда полезнее для Полуина, чем мертвый. Пока Джон был жив, тот мог тянуть из него деньги.

— А может, у вас есть какое-то предположение о том, кто убил господина Боуринга? — поинтересовался юрист.

— Нет, совершенно никаких. Точно так же, как я и представить не могу, кто мог изображать меня.

— Действительно, — сухо заметил молодой человек. — Если бы мы узнали, кто выдавал себя за вас, то, несомненно, нашли бы и убийцу. Что ж, сэр Ганнибал, выслушав вашу историю, я убедился, что вам и в самом деле лучше оставаться в этом убежище, по крайней мере, до тех пор, пока мы не

обнаружим истинного убийцу и не докажем вашу невиновность.

— Но как нам это сделать? — спросила Дерика, поднимаясь на ноги.

— С помощью Полуина, — объявил Освальд. — Я намерен поговорить с ним. Может быть, вы, сэр Тревик, поможете нам вывести его на чистую воду.

Баронет только головой покачал:

— Я ничего не могу сказать против Полуина, зато он может многое сказать против меня.

— Вы точно нам все рассказали? — резко спросил юрист старого аристократа.

— Да, — без колебания ответил тот. — Может быть, я глуп и даже безрассуден, но я не преступник. Идите и подумайте над тем, что я рассказал, а потом возвращайтесь, когда решите, что лучше всего сделать. Я здесь не пропаду... Только, Дерика, в следующий раз, когда решишь навестить меня, принеси бутылку портвейна.

С тяжелым сердцем девушка пообещала ему это, и, попрощавшись, влюбленные поднялись по лестнице в верхний мир.

— Ну? — спросила мисс Тревик Форда, когда они стали спускаться по холму.

Молодой человек покачал головой.

— Сейчас я ничего не могу сообразить, — объявил он. — Если мы с тобой продолжим все это обсуждать, то окончательно запутаемся. Давай-ка, Дерика, оставим этот вопрос в покое на несколько дней, пусть время все расставит на свои места.

— Но мой отец?!

— С ним будет все в порядке, — заверил ее Освальд и замолчал.

И действительно, на следующий день к этому и без того загадочному делу прибавилась новая деталь. Новости принесла не кто иная, как сама госпожа Крент.

Эта милая дама появилась в доме Тревиков под вечер и объявила, что хочет увидеть молодую хозяйку.

По счастью, Освальд также оказался в доме. Марию препроводили в библиотеку, где ее встретили двое влюбленных: мисс Куинтон, не желая мешать им, тактично отлучилась в гости. Дерика нервно посмотрела на громоздкую фигуру гостьи, потом перевела взгляд на жениха.

— Надеюсь, что вы, господин Форд, и вы, дорогая моя, были откровенны, когда говорили, что вам нет никакого дела до денег, — начала экономка, войдя в комнату.

— Да, — шагнул вперед Освальд, сделав Дерике знак молчать, — так

и есть. Тем более что ваши требования более чем справедливы.

— Ну, тогда вы не слишком огорчитесь, — объявила пожилая женщина, протянув адвокату синий конверт.

— Что это? — поинтересовалась мисс Тревик, в то время как молодой человек вскрыл конверт.

— Это, моя милая, второе завещание, согласно которому все деньги господина Боуринга должны быть переданы его сыну. Теперь вашему отцу ничего не достанется, а Морган получит все, — объявила Мария.

Глава XIX Что было дальше

Форд замер, так и не открыв до конца синий конверт, когда миссис Крент сделала это удивительное заявление. Влюбленные разом устали на гостью.

Толстая старуха Крент была одета в нелепый костюм, который она так любила. Она обмахивала кружевным платком свое круглое, покрасневшее лицо, поминутно поправляя торчащие из-под чепца волосы, крашенные в желтый цвет. Невозмутимо глядя на изумленных влюбленных, она продолжила свой монолог: — У меня самой дыхание перехватило, когда я наткнулась на это второе завещание, — тут она кивнула на синий конверт в руках Форда. — Я нашла его в столе в кабинете господина Боуринга. Я просто перебирала бумаги в поисках неоплаченных счетов, обшаривала ящики и в углу одного из них обнаружила этот конверт. Он был запечатан, но к нему прилагалась записка. Если вы прочитаете ее, сэры, то узнаете, что господин Боуринг раскаивался в том, что оставил все свое состояние сэру Ганнибалу, но его вынудили сделать это. Но раз уж он мертв, бояться ему нечего, и он хочет отплатить сэру Ганнибалу. Также он просит меня присматривать за Морганом, что я и так делаю — мальчик ведь женат на моей дочурке! Мистер Боуринг так и не узнал, что они женаты.

Она, тяжело пыхтя, перевела дыхание. Дерика сочла за благо промолчать, а Форд молча вынул из конверта новое завещание. Оно оказалось начертанным на листе писчей бумаги и выглядело подлинным, так как было заверено должным образом, с указанием свидетелей. В документе, коротком и составленном по существу, говорилось, что господин Джон Боуринг оставляет все деньги своему сыну Моргану под доверительным управлением госпожи Крент, которая должна получить доход в тысячу фунтов в год. В записке, приложенной к завещанию, покойный писал, что Мария Крент — его единственный друг, а сэры Ганнибал принудил его написать первое завещание шантажом. Первое завещание, писал Джон, было составлено только для того, чтобы удовлетворить сэра Тревика, но законную силу имеет лишь более поздний документ, оставлявший все его сыну. Боуринг был рад, что ему удалось обмануть баронета. Внизу стояли подписи самого миллионера и двух свидетелей. Подписи были едва разборчивы, но Освальд определил, что это

расписались двое слуг, работавших в доме миллионера.

— Ну, — протянул молодой адвокат, внимательно ознакомившись с документом и убрав его назад, в синий конверт. — Должен сказать, это интересный поворот.

— Теперь сэра Ганнибал получит не больше, чем заслуживает! — довольная собой, воскликнула миссис Крент. — Он не имел права заставлять господина Боуринга лишать денег собственного сына.

— Это верно лишь отчасти, — возразил юрист. — Вы должны знать, госпожа Крент, что часть из этих шестидесяти тысяч в любом случае принадлежит сэру Ганнибалу.

— Это почему еще? — взвилась Мария. — Я видела, как господин Боуринг зарабатывал каждый пенни в поте лица.

— Гм! Если честно, то я склонен думать, что потели совершенно другие люди, миссис Крент.

— Откуда вам знать, сэра?

— Я как раз недавно беседовал об этом с сэром Тревиком.

— Тогда, выходит, вы знаете, где он находится? — с подозрением спросила старуха.

Адвокат понял, что совершил ошибку, и, покраснев от досады, прикусил язык. Дерика, отлично умевшая распознавать эмоции своего любимого, тут же отвлекла внимание гостыи на себя.

— Миссис Крент, вы отлично знаете, что обвинения против моего отца беспочвенны, — сказала она холодным, практически ледяным тоном.

— Если не он убил господина Боуринга, то кто же? — отрезала гостыя.

— А вот это мы и должны узнать, и пока не узнали, должна вам сказать, что мой отец будет скрываться и что господин Форд и я знаем, где он скрывается, — заявила мисс Тревик.

От таких слов госпожа Крент закашлялась:

— Почему же вы, не боясь, говорите мне об этом? Я ведь могу сообщить в полицию!

— Не думаю, — ответила Дерика, не сводя с нее пристального взгляда. — Вы никому нас не выдадите.

— Вы не сможете ничего мне сделать, — с отчаянием возразила та. — Вы не сможете заставить меня молчать.

— Я — нет, но есть другие люди, которые это смогут.

— И кто же это, мисс Тревик?

— Иосия Полуин.

В один миг кровь отхлынула от лица гостыи. Побледнев, как лилия, она застыла, переводя взгляд с Форда на Дерика и обратно. На лице ее было

написано сильнейшее беспокойство. Тем не менее она попыталась защититься:

— Какое отношение имеет ко мне мистер Полуин?

— Может, вы сами нам это объясните? — прищурилась девушка.

— Не понимаю, о чем речь, — упрямо стояла на своем экономка.

— Тогда позвольте объяснить мне, — вмешался Форд, понимая, что его возлюбленная имела в виду. — Как мистер Полуин он, конечно, не имеет к вам отношения, зато под именем Самюэля Крента...

Женщина застыла, беспомощно размахивая руками.

— Что вы говорите... Почему вы говорите это?.. Как вы можете!.. Мой муж мертв... — беспомощно пролепетала она.

— Он жив под именем Иосии Полуина, — спокойно возразил Освальд.

— Это ложь!

— Это правда, и вы можете это доказать.

— С какой стати?

Юрист поднялся и, пожав плечами, убрал синий конверт в свой нагрудный карман.

— Тогда нам больше не о чем говорить, — вежливо сказал он.

— Конечно, не о чем! — воскликнула госпожа Крент. — Верните завещание, и я пойду.

— Нет, — спокойно возразил Форд. — Я отвезу его господину Граттону, и мы проверим его подлинность.

— Подлинность! — теперь лицо Марии зарделось. — Неужели вы думаете, что Полуин... Я имею в виду...

— Вы не зря о нем вспомнили, — проговорила Дерика, заметив оговорку гостя. — Госпожа Крент, прежде чем вы покинете эту комнату, нам следовало бы расставить все точки над «Ъ».

Вздыхнув, гостя плюхнулась на ближайший стул и неуклюже всплеснула руками.

— Не знаю, что и делать, — всхлипнула она. — С тех пор, как Боуринг умер, у нас одни неприятности. Я никогда не заботилась о деньгах. Мы с Дженни и Морганом можем отлично прожить и на две тысячи в год, которые вы нам обещали. Можете уничтожить завещание. Только сдержите свое слово.

— Нет, — строго сказал Освальд. — Если это подлинный документ, — он похлопал по своему нагрудному карману, — деньги и в самом деле перейдут к Моргану.

— И вы готовы отказаться от денег? — удивилась Мария. Ее маленькие пороссячи глазки широко открылись. Это было выше ее

понимания.

— Да. Почему мисс Тревик или ее отец должны владеть чужими деньгами?

— Но вы же говорили, что часть денег заработал сэр Тревик!

— По меньшей мере половину. Но если завещание подлинное, Морган получит все, а сэр Ганнибал потеряет то, что принадлежит ему по праву.

— И что вы хотите, чтобы я сделала? — спросила экономка после затянувшейся паузы.

— А как вы думаете? — усмехнулся Форд.

— Ну, вы и она... я имею в виду, мисс Тревик, вы были так добры ко мне, когда этого завещания не было, что я готова полностью отдаться на вашу милость. Я просто хочу тихий уголок, где можно спокойно жить, не боясь превратностей этого жестокого мира, сэр. Надеюсь, вы станете мне друзьями и поможете выпутаться из всех этих трудностей...

— Так как же мы поступим с деньгами?

— Да, сэр, в этом-то все дело! — воскликнула старуха. — Как только все узнают, что Морган разбогател, они слетятся к нему, надеясь урвать кусок. Мне и сейчас-то нелегко с ним справляться, а когда у него появятся деньги, этот сумасшедший может взбрыкнуть и уйти, бросить меня и Дженни. А я боюсь этого... Очень боюсь.

Похоже, теперь Мария говорила искренне. Она была решительной женщиной, но сейчас полагалась на милость Форда. Дерика несколько смягчилась, так как считала собеседницу честным человеком. Она даже подошла к двери, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает, а потом села рядом с трясущейся от страха гостьей и, глядя ей в глаза, попросила:

— А теперь госпожа Крент, расскажите о своем муже.

— Он мертв... мертв... — прошептала та.

— Нет! Послушайте. — И Дерика изложила все, что подслушала и пересказала им Дженни. — Мы хотим быть вашими друзьями, миссис Крент, — закончила она свою речь. — Мы с господином Фордом убедились в вашей искренности и готовы вам помочь.

Несчастливая старуха сидела, вцепившись пухлыми руками в колени и уставившись прямо перед собой. Взгляд ее остекленел. Когда мисс Тревик замолчала, она тяжело вздохнула.

— К сожалению, вы ничего не сможете сделать против Самюэля, мисс. Он — сам дьявол.

— Закон существует именно для того, чтобы сдерживать таких дьяволов, — успокоил ее Освальд. — Не бойтесь, миссис Крент, он больше вас не побеспокоит.

— Если вы сможете сделать так, чтобы мне больше никогда не пришлось его видеть, я буду вам невероятно благодарна, сэр! — с чувством произнесла экономка. — Досадно, конечно, что Дженни выдала вам мой секрет, но в конце концов это пойдет нам всем на пользу. Сейчас я понимаю, что мне самой следовало рассказать вам. Но теперь, когда вы знаете, кто тут настоящий дьявол и кто такой этот так называемый Полуин, вы можете мне помочь?

— Поможем, обещаю, — успокаивающе произнес адвокат. — Но вы должны быть со мной полностью откровенны, мэм.

— Спрашивайте, господин Форд.

— Тогда скажите, когда в последний раз вы видели этого Полуина?

— Сегодня. Он приехал утром и сказал, что у господина Боуринга хранились какие-то документы, связанные с Южной Африкой. Я обещала поискать. Собственно, потому-то я и оказалась у стола, в ящике которого и обнаружила это завещание.

— Ага, — довольным голосом протянул господин Форд. — А заходил ли Иосия в ту комнату, где стоял стол, в ящике которого вы обнаружили это завещание?

— Нет, сэр. Я не позволила ему войти. Он лишь постоял у двери... Но почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что подумал, что он мог подбросить это завещание.

— Господи, но зачем ему это делать? Если Полуин... Простите, но я буду называть его так: не желаю больше пачкать фамилию, которую ношу, связью с этим человеком, хоть она и досталась мне от него... Так вот, если бы у него было это завещание и он знал, что по нему все деньги отходят Моргану, а я назначаюсь управительницей, то непременно стал бы меня шантажировать и угрожать, что уничтожит бумагу, если я его не озолочу.

— О чем ты задумался, Освальд? — поинтересовалась мисс Тревик.

— Не могу отделаться от мысли, что Полуин приложил руку к этой находке. Я думаю, он спрятал это завещание в столе, а потом отправил миссис Крент, чтобы та нашла его.

— Вы хотите сказать, что это завещание — подделка? — охнула Мария.

— Именно! Я, конечно, не знаю подпись господина Боуринга, но...

— О, подпись выглядит вполне настоящей, — проговорила госпожа Крент, вытирая пот с лица. — Но я надеюсь, что завещание поддельное. Мне хватит тех двух тысяч в год, что вы мне обещали, плюс спокойная жизнь. Все лучше, чем иметь дело с Полуином!

— Что ж, — помолчав, подвел итог юрист, — я должен увидеть

господина Граттона, который отлично знает почерк Боуринга. Он и решит, подлинное это завещание или нет. А еще я непременно заставлю его приехать сюда и переговорить с обоими свидетелями, указанными в завещании.

— Эти двое, мужчина и женщина, раньше служили в доме, но оба уехали неделю назад, — сказала экономка. — Они поженились и покинули Грандж.

— Выглядит подозрительно, — хмыкнул Форд. — Скорее всего, Полуин причастен к их отъезду, — потом молодой адвокат неожиданно повернулся к госпоже Крент и посмотрел на нее в упор. — А у вас нет оснований подозревать, что это ваш муж застрелил господина Боуринга?

— Господи, спаси и сохрани нас! — в ужасе воскликнула Мария. — Откуда же мне знать? Полуин способен на все. Но, должна сказать, мне показалось, что он не меньше других удивлен этим убийством.

— Вы уверены?

— Точно так же, как и в том, что я сижу здесь и жалею, что я не вдова! — искренне воскликнула женщина. — Я не злой человек, я всегда говорила: живи сам и давай жить другим. Но если бы я только могла, то не раздумывая накинула бы ему на шею петлю и придушила бы. Господи... — она снова положила руки на колени и, тяжело дыша, начала раскачиваться из стороны в сторону. — Подумать только, чтобы такие деньги оказались в руках Моргана! У него же ума как у младенца! Господин Форд, просто бросьте конверт в огонь, дайте мне доход в две тысячи фунтов в год и оставьте меня в покое. Я ничего никому не скажу.

— Нет, нет, нет, миссис Крент! — запротестовал молодой человек. — Я не пойду на такое. Это же преступление.

— Если вы этого не сделаете, нам грозят преступления похуже, — с горечью в голосе ответила гостья. — Запомните, господин Форд, вы имеете дело с самим сатаной. Помяните мое слово.

Повисло неловкое молчание. Оно длилось в течение нескольких минут, в то время как Мария сидела, постанывая и раскачиваясь из стороны в сторону. Очевидно, она до смерти боялась Полуина, так же известного как Крент, и готова была сделать все что угодно, лишь бы избавиться от него.

Однако тайна убийства все еще не была разгадана, а уничтожение второго завещания никак не помогло бы им приблизиться к истине. Вот почему молодой адвокат решил обратиться за советом к господину Граттону. Он посчитал, что если сэру Ганнибалу, а вернее, его дочери, суждено потерять шестьдесят тысяч фунтов дохода, то пусть оно так и

будет. Все, чего хотел сейчас Форд, это восстановить доброе имя сэра Тревика и спасти его от виселицы — само по себе задача не из легких, если учесть запутанность всего дела и темные дела в Южной Африке, к которым приложил руку баронет.

Освальду было нужно время, чтобы все обдумать. Он решительно обратился к миссис Крент:

— Идите домой, — тихо сказал он экономке. — Идите и никому ни о чем не рассказывайте.

— А если Полуин спросит про завещание?

— Если он сам спрятал его, то не станет о нем спрашивать, — быстро ответил адвокат. — Он затаится и подождет, пока мы не проверим его подлинность. Впрочем, я, конечно, могу и заблуждаться относительно его причастности...

На это Мария только покачала головой.

— Это в его духе, — всхлипнула она. — Он подождет, пока Морган получит деньги, а потом выманит у него все, а меня сведет в могилу... Хорошо, сэр, я пока буду держать язык за зубами. Но вы-то, господин Форд, вы с ним поговорите?

— Нет, нет! — вмешалась в разговор Дерика. — Это его только насторожит. Все мы должны молчать, пока не определим точно, что нам делать. Вы, миссис Крент, должны вернуться домой и сделать вид, словно ничего не произошло.

— Как скажете, мисс. Буду молчать как рыба.

— Кстати, а Морган вернулся домой? — спросила мисс Тревик.

— Да, госпожа, вернулся. Я знала, что он вернется. Бывает, его тянет на прогулку, но он всегда возвращается. Что ж, теперь я вернусь к Дженни и стану надеяться на лучшее, ожидая худшего. Этой ночью мне не сомкнуть глаз. Почему, ну почему я не могла довольствоваться стиркой? Правду говорят, все зло от денег. Боже, боже...

Пока гостя причитала, у Освальда возникла интересная идея. «Было бы неплохо взглянуть на стол, в котором было найдено второе завещание, — подумал он. — Кроме того, Полуин может вновь заявиться в Грандж и выдать себя с поличным». Молодой адвокат шепнул об этом Дерике, которая согласно кивнула, а потом обратился к плачущей экономке.

— Я отвезу вас домой, миссис Крент, — ласково сказал он. — И если Полуин явится, я сумею вас защитить.

— Благодарю вас, сэр, тысячу раз благодарю, но если он поймет, что вы знаете...

— Постараюсь, чтобы он ни о чем не догадался. Но если он узнает, что

нам известно о его играх... мы его обыграем, вот и все.

Мария застонала и кивнула, слишком устав, чтобы спорить. Она позволила, чтобы ей помогли спуститься на первый этаж. Зная, что ее муж находится где-то в этом доме, она вздрагивала от каждой тени. И только оказавшись на полпути к Гранджу, пожилая женщина пришла в себя настолько, чтобы вновь заговорить. Однако Форд остановил ее. Кучер тоже имел уши, и вовсе не нужно было, чтобы по окрестностям поползли новые слухи. Поэтому всю дорогу они молчали. Ночь выдалась холодной, с порывистым ветром, который едва не срывал пассажиров со своих мест. Тем не менее госпожа Крент была слишком массивной дамой, чтобы стихия смогла с ней совладать, а Освальд — достаточно сильным мужчиной, чтобы удержаться на своем месте в открытой двуколке. В небе не было ни следа луны, и тьма стояла — хоть глаз выколи.

Вдруг они услышали стук копыт, и мимо них пронесся всадник, изо всех сил пришпоривавший взмыленную лошадь.

— Боже мой! — воскликнула экономка. — Что случилось?

Но ответа не последовало, и вскоре стук копыт лошади растаял в ночи.

Адвокат решил, что всадник, скорее всего, скакал за врачом — он успел разглядеть, что это был один из крестьян, живших в деревне Пенриф. Подобное объяснение успокоило миссис Крент.

Все дальше и дальше ехали они сквозь тьму. Наконец, обогнув подножие одного из холмов, двуколка выехала к особняку Грандж.

Но там было светло как днем. Старинный дом превратился в гигантский факел, раздуваемый порывами ветра.

Глава XX Ужасная ночь

Форд с трудом удерживал госпожу Крент — увидев пылающий дом, она тут же попыталась выскочить из коляски. Она кричала, что Дженни сгорит и что поджог, конечно, устроил проклятый Самюэль, что по его вине она потеряла свою дорогую дочку. Снова и снова пожилая женщина пыталась выскочить из мчащейся коляски, и ее спутнику стоило больших усилий удержать ее, а кучер изо всех сил гнал лошадей вперед, чтобы быстрее оказаться на месте происшествия. Коляска, бешено раскачиваясь, неслась по дороге к поднимающемуся до небес пламени, а потом вдруг остановилась так резко, что Освальд и госпожа Крент вместе вылетели из коляски.

Однако полная женщина тут же вскочила на ноги и, несмотря на свои объемы, с распростертыми руками помчалась в сторону горящего дома.

— Дженни, ах, моя дорогая Дженни! Где ты?! — кричала она, задыхаясь.

— Мама! Мама! — из толпы слуг и рабочих с карьера, вззирающих на пожар, выскочила Дженни и бросилась к матери. За собой она тащила Моргану. — Со мной все в порядке. Мы уже послали гонца за пожарными в Санкт-Эвалдс.

Тут господин Форд вспомнил о странном всаднике, которого они встретили по дороге.

— Как это могло случиться? — спросила у дочери госпожа Крент.

— Не знаю, — пролепетала бледная девушка. — Я готовилась к ужину. Уже стемнело. Потом я услышала, как Морган закричал что-то о пожаре. Я побежала наверх и столкнулась с ним на лестнице.

— Да! Да! — быстро закивал умалишенный. — Я видел красный огонь! Видел!

— Где? — с тревогой спросила Мария.

Морган хитро взглянул на нее, а потом вновь повернулся в сторону горящего здания.

— Я видел красный огонь, — нараспев продолжал он. — Я видел, видел, как он горел, горел.

Однако, кроме этого, ни супруга, ни ее мать не смогли вытянуть из него ни слова.

В то же время к особняку стекалось все больше и больше людей. Сам дом, сложенный из гранита, не мог сгореть целиком, но внутри каменных

стен огонь бушевал вовсю. А сильный ветер все сильнее раздувал пламя, с ревом рвущееся в небо. Из Пенрифа, из карьеров, из хуторов стекались люди посмотреть на грандиозный пожар. Отсветы пламени раскрасили в багровые оттенки мрачные пустоши. Где-то высоко в темном небе, разбуженные невиданным действием, кричали морские птицы, думая, что это новый маяк.

Госпожа Крент стояла на лужайке перед домом, беспомощно заламывая жирные руки.

— Все пропало, — рыдала она. — Все пропало!

Тем временем мужчины, женщины и даже дети старались вынести из горящего дома все, что только могли. Газон был усеян стульями и столами, креслами и шторами, китайскими ширмами и посудой, картинами и множеством других мелких предметов, всего и не перечислить.

Мария, не переставая плакать, опустилась на диван рядом с портретом в золоченой раме и продолжала оплакивать гибель своих вещей. До прибытия пожарной бригады из Санкт-Эвалдса никто даже не пытался бороться с огнем, так как не было никакой возможности залить ревущее пламя. Правда, рабочие, выстроившись в несколько цепочек, передавали из рук в руки ведра воды, но с тем же успехом они могли пытаться затушить огонь, поливая его из шприца.

— Господи! Господи! — стонала старая экономка, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я всегда так боялась пожара! Дженни, беззаботная ты девчонка, почему ты не проверила лампы?

— Мама, но они были в порядке, когда я поднималась, чтобы переодеться, — оправдывалась девушка.

— А где начался пожар?

— Похоже, в гостиной. По крайней мере, когда я спустилась, она была в огне.

— Видимо, лампа взорвалась, — решила Мария.

— А где был Морган, когда вы переодевались? — спросил стоявший рядом с ней Форд. Ему было очень жаль, что сгорело родовое гнездо Дерики.

— **В** гостиной, — чуть поколебавшись, ответила Дженни.

— Тогда он, должно быть, и поджег дом! — воскликнул молодой человек.

Госпожа Крент даже подпрыгнула от возмущения и завопила:

— Морган! Это ты устроил пожар?!

— Я видел, кто поджигал, я видел, как он это делал! — стал выкрикивать умалишенный, размахивая руками. — Все это было

красным... красным... Это был Полуин... Полуин со спичками, Полуин со спичками!..

— Что?! — ошеломленно воскликнула его теща. — Так выходит, дом поджег этот негодяй! Так я и знала, так и знала!

— Это неправда, мэм, — объявил Иосия Полуин, выходя из толпы. До этого он помогал остальным тушить пожар. Он выглядел кротким как никогда, и Освальду было сложно поверить, что это тот самый страшный человек, о котором говорила старая экономка. — Если хотите знать правду, то пожар устроил вот этот юноша, — и он указал на Моргана, все еще пританцовывающего в алых бликах огня.

— А чем вы можете это доказать? — взяв себя в руки, поинтересовалась госпожа Крент, понимая, что ее супруг продолжает играть свою роль на публике.

— Я пришел к вам с посланием от моей хозяйки, мисс Тревик, — ответил Иосия. — Я звонил. Долго звонил. Но никто так и не открыл мне дверь, поэтому я подошел к окну гостиной. Я заметил, что внутри кто-то есть, так как лампы горели. И я видел, как этот молодой человек, — тут он снова указал на Моргана Боуринга, — зажигал спичку одну за другой и бросал их на ковер. Почти вся комната уже была в пламени. Тогда я выбил окно, заскочил в гостиную и отобрал у него спички. Видимо, поэтому он неустанно повторяет: «Полуин со спичками». Потом я поднял тревогу.

— Тревогу поднял Морган! — воскликнула Дженни, отшатнувшись от Иосии.

Тот молнией повернулся в ее сторону:

— Он побежал наверх предупредить вас, — сказал он тихо, но в голосе его слышались и угроза, и презрение. — Я же дал знать слугам... Однако было уже слишком поздно.

— Да, это так, — подтвердила полная кухарка Боу-рингов. — Мистер Полуин вбежал на кухню, крича, что в гостиной пожар. Мы все туда бросились, но было уже поздно.

— Джейн Трабби, — негодуя спросила миссис Крент, — я рассчитала вас почти месяц назад. Что вы делаете в этом доме без моего ведома, когда должны быть с мужем?

— Мы пришли сюда вместе... — уважительно ответила бывшая служанка, указывая на немолодого мужчину с бегающими глазками, но тут ее слова были прерваны ужасным грохотом — это обрушился верхний этаж здания.

Иосия скользнул назад в толпу и принялся помогать передавать ведра с водой. Мария бросилась было следом за ним, но Форд поймал ее за локоть

и усадил на спасенный из огня диван.

— Кто такие мистер и миссис Трабби? — спросил он и, не дожидаясь ответа ошеломленной женщины, тут же задал следующий вопрос. — Это те самые слуги-свидетели, которые подписали новое завещание?

— Да! — подтвердила госпожа Крент.

Юрист на несколько секунд глубоко задумался, а потом проворчал себе под нос:

— Что ж, отличные свидетели у господина Полуина. Похоже, завещание и впрямь подделка.

А потом, пробежав взглядом по толпе зевак и рабочих, пытающихся тушить пожар, он неожиданно заметил Энн Стреттон. Выглядела девушка бледной и больной. Рядом с ней стоял хмурый Ральф Пенриф. Заметив Освальда, он вежливо кивнул молодому адвокату.

— И вы здесь, господин Форд? — вместо того, чтобы поздороваться, поинтересовалась Энн, подойдя к молодому человеку. — Ужасно, не правда ли? Неужели ничего не спасти?

— Боюсь, нет, по крайней мере, до прибытия бригады пожарных из Санкт-Эвалдса, — заметил удивленный

Форд. — Однако простите меня, мисс Стреттон, я думал, вы в Санкт-Эвалдсе.

— Я приехала в особняк Пенриф на ужин и осталась ночевать по приглашению госпожи Пенриф, — объяснила художница. — Потом мы увидели зарево, и я решила, что, быть может, смогу чем-то помочь. Не так ли, Ральф?

— Да, верно, — угрюмо подтвердил ее спутник, выйдя вперед. Он был в вечернем костюме, но выглядел настоящим мужланом. Потоптавшись на месте, молодой человек вновь присоединился к тушению огня. Когда же он оказался вне пределов слышимости, мисс Стреттон подскочила к адвокату и прошептала ему на ухо: — А вы что тут делаете?

— Приехал по делу к госпоже Крент.

— Она знает, что сэр Ганнибал скрывается...

— Нет, он в безопасности. Прошу вас, тише! Такие разговоры небезопасны, мисс Стреттон, не нужно говорить слишком много. Глаза и уши есть везде, — и Освальд бросил многозначительный взгляд на Полуина, который пробирался к краю толпы, хмурясь и украдкой бросая взгляды на Форда и миссис Крент. — Видите этого человека? Я считаю, что именно он поджег дом.

— Полуин? Я его знаю, это слуга сэра Ганнибала. Он первым пустил слух о том, что его хозяин виновен в убийстве.

— Я думаю, слухи распустила миссис Крент по собственной глупости. Тем не менее сэр Тревик должен оставаться в своем убежище, пока мы не докажем его невиновность.

— Вы видели его?

— Да, мы встречались с ним, я и Дерика.

— И он вам все рассказал?

— О чем? — настороженно спросил юрист.

Мисс Стреттон рассмеялась:

— О, можете меня не подозревать. Сэр Ганнибал рассказал мне все о своих торговых операциях в Африке с господами Боурингом и Крентом.

— Что именно?

— Я знаю, что Полуин — это на самом деле Крент, изображающий ангела. А еще я знаю о Мертвой голове.

— Сэр Ганнибал не мог вам все об этом рассказать, — воскликнул Форд. — Он и сам этого не знал!

— Об этом я узнала из другого источника, — тут же нашлась Энн. — Видите вон того человека? — она указала на огромную фигуру, маячившую на фоне пламени. — Вот он знает все и о Мертвой голове, и о господине Полуине.

— Да ведь это Анак!

— Разумеется.

— И это Анак тогда привел толпу, которая хотела ворваться в дом сэра Ганнибала?

— Конечно. Теперь вы и сами можете сложить два и два.

— Вот как, — Освальд быстро посмотрел в насмешливое лицо мисс Стреттон. — Значит, вы считаете, что Анак действовал заодно с Полуином и они оба замешаны в этом убийстве?

— Я в этом совершенно уверена, — решительно объявила молодая художница. — Тише! — и она замолчала, так как Иосия повернулся в их сторону, словно прислушиваясь. — Думаете, он услышал?

— Не знаю. Мне все равно.

— А вот мне не все равно, — пробормотала мисс Энн. Теперь она снова выглядела смущенной. — Мистер Полуин — очень опасный человек.

— А выглядит он достаточно кротким, — возразил адвокат.

— В его случае внешность обманчива.

— Но откуда вам это известно?

И на это у мисс Стреттон был готов ответ:

— Сэр Ганнибал много рассказал мне, а затем я понаблюдала за Полуином. Вы, конечно, знаете его настоящее имя?..

— Самюэль Крент, — объявил Форд. — Да, я это знаю. Я считаю, что так называемый Полуин — краеугольный камень всего этого дела.

— Да, — согласилась Энн. — И все же я не видела его...

— Где? — спросил юрист, когда девушка заколебалась.

— Неважно, — резко оборвала его художница. — Позже я все вам расскажу, так как, боюсь, мне потребуется ваша помощь. А теперь я хотела бы сообщить вам одну вещь, — добавила она, приблизившись губами к уху молодого адвоката. — Сэр Ганнибал должен срочно перепрятаться. Место, где он находится, небезопасно.

— Кто еще знает, где... — начал было допытываться Освальд, но тут девушка прижала палец к его губам, а к ним тем временем направился Иосия в компании с Анаком.

— Слышите? Это, должно быть, пожарные, — громко сказала Стреттон, делая вид, что прислушивается к чему-то.

Пауза в разговоре наступила очень кстати, так как Полуин, похоже, заметил их разговор. Почему он вместе с Анаком? Этого Энн не понимала, хотя ей предстояло узнать об этом в самое ближайшее время. А пока ее внимание, как и всех присутствующих, было обращено на подъехавшую наконец пожарную команду из Санкт-Эвалдса. Шланг опустили в ближайший ручей, включили насосы, и через несколько минут струя воды ударила в раскаленные стены обреченного особняка. Однако шансов на спасение родового дома Тревиков оставалось очень мало.

— Все погибло... Все! — не переставала причитать миссис Крент, которая стояла между Дженни и Морганом, держа их обоих за руки. — На старости лет я стала нищей!

— Нет, нет, — шепнул Освальд ей в ухо. — Мы вас не оставим.

— Спасибо, спасибо вам, господин Форд, но есть вещи, которые невозможно заменить: семейные фотографии, серебряный чайник моей матери, не говоря уже об игрушках Дженни, которые я надеялась сохранить для ее детей.

Адвокат содрогнулся при этом последнем замечании, а потом посмотрел на Моргана, который все еще пританцовывал, наблюдая за огнем. «Было бы большим грехом, если бы Дженни стала матерью», — подумал молодой человек.

Тем временем Мария продолжала причитать и заламывать руки, Морган все пританцовывал, а Дженни застыла, словно статуя.

Рядом с шумной толпой стоял Иосия — кроткий и скромный, истинный злой гений. А около него застыл Анак, не сводивший взгляда с мисс Стреттон, которая словно бы не замечала зловещую парочку.

Какая-то пожилая женщина подошла к миссис Крент и закутала ее в меха, стараясь укрыть от ночной прохлады, а потом обратилась к плачущей дородной даме:

— Я — миссис Пенриф, владелица усадьбы по соседству. Прошу, проведите эту ночь у нас. Не стоит вам и вашей дочери оставаться ночью на свежем воздухе. Все равно ваш дом уже сгорел, и тут ничем не поможешь.

— Спасибо, — поблагодарила бедная экономка, не отводя взгляда от полыхающего здания. — Я с удовольствием принимаю ваше предложение, ведь мы и в самом деле теперь бездомные. Боже мой, какой ужас...

В этот миг обрушилась крыша, и в воздух поднялось целое облако раскаленных искр. Бригада пожарных ничего не могла сделать с огнем, так как у них был всего один шланг. И хотя они делали все возможное, дом полностью выгорел: остались стоять только стены. За исключением нескольких статуй, все то великолепие, которым наполнил дом Джон Боуринг, было полностью уничтожено. Форд с сожалением наблюдал за гибелью прекрасного особняка. Что же касается госпожи Крент, то она двигалась словно во сне, когда Дженни и госпожа Пенриф повели ее по аллее в сторону холмов. Морган, все еще пританцовывая, отправился за ними следом.

Полуин остался у дома вместе с Анаком. Освальд не мог отделаться от мысли о том, что эта парочка высматривает мисс Стреттон и что они собираются как-то навредить ей... Вот только как?

Вскоре к нему подошел Ральф Пенриф. Выглядел он грязным и усталым, но труд пошел ему на пользу: теперь он выглядел куда менее хмурым и вел себя куда любезнее, чем раньше.

— Здесь все кончено, — прохрипел он, махнув рукой в сторону дома. — Пойду, глотну виски с содовой. Не желаете присоединиться, мистер Форд?

— Нет, спасибо. Мне придется вернуться в Санкт-Эвалдс. Я приехал сюда с госпожой Крент, но ваша матушка пригласила ее вместе с дочерью в поместье...

— Тем больше у вас причин поехать с нами, — с оживлением ответил Ральф.

— И впрямь, мистер Форд, давайте поедem, — добавила мисс Стреттон, и по ее лицу юрист понял, что девушка действительно хочет поскорее отсюда убраться.

Пока Освальд колебался, собравшиеся в небе тяжелые тучи разразились дождем. Ветер стих, и через несколько минут все в толпе

промокли до нитки. Люди быстро начали расходиться: ничто так не охлаждало мужество и энтузиазм, как ледяной дождь. Он становился все сильнее, превращаясь из простого дождя в настоящий тропический ливень. Раскаленные камни горящего особняка отчаянно шипели, когда сама природа, хоть и с запозданием, решила затушить пламя. Пожарные свернули шланг, пришпорили лошадей и уехали прочь. Лужайка перед домом быстро опустела, и вскоре лишь последние огоньки погасшего пожара напоминали о царившем здесь недавно столпотворении. Энн Стреттон лишь поплотнее запахнула плащ и уже хотела вместе с Пенрифом и Фордом покинуть место трагедии, когда дорогу ей заступил Анак.

— Пойдите! — воскликнул гигант. — У меня есть что вам сказать.

— Тогда говорите быстро! — прорычал вспыльчивый Ральф. Повернувшись, он направился в сторону великана. — Не станем же мы торчать тут под дождем всю ночь.

— Придержи язык, франт! — рявкнул в ответ Хью Карни. Несколько человек, которые все еще наблюдали за пожаром, подошли поближе, теперь с интересом следя за начинающейся ссорой. — Ты такой же негодяй, как она.

— Что ты мелешь, мужлан? — спросила мисс Энн, распрямившись.

— Ты сама прекрасно знаешь, — ответил Анак. — Раньше я думал, что это сэр Ганнибал убил хозяина, но теперь-то я знаю...

— Тихо! — воскликнул Освальд, подходя ближе. Он несколько раз огляделся в поисках Полуина, но того нигде не было видно. — Вы что, теперь обвиняете мисс Стреттон?

— Да, сэр, — ответил Хью, с уважением посмотрев на Форда, в котором узнал своего недавнего противника. — Ее и этого Пенрифа. Они подельники!

Сжав кулаки, Ральф шагнул вперед:

— Поберегись, Карни...

— Сам берегись, — фыркнул рабочий. — Я говорю сейчас и повторю хоть в суде, хоть на смертном одре: ты и твоя девица, — тут он ткнул пальцем в сторону Энн, — да-да, именно вы двое убили мистера Боуринга и подставили сэра Ганнибала.

— Это ложь! — возмутился Пенриф.

— Это, будь я проклят, правда, — рявкнул Анак. — Вы преступники. Я видел все своими глазами!

Глава XXI Оправдание мисс Стреттон

После такого невероятного обвинения наступила тишина. Несколько человек, которые присутствовали при этой сцене, стояли с открытыми ртами, переводя взгляд с мисс Стреттон на господина Пенрифа, а с него на обвинителя Анака. Форд не знал, во что и верить. Он взглянул на Энн, но не смог прочесть на ее лице ничего, кроме застывшего ужаса.

Ральф снова зарычал и тихо выругался: судя по его виду, он тоже был в недоумении. В повисшей тишине были слышны лишь шипение затухающего огня и шорох дождя. Но молчание не могло продолжаться вечно, и тут на высоте оказался Освальд, который взял инициативу в свои руки.

— Хватит стоять под дождем, — объявил он, предлагая Энн руку. — Мисс Стреттон, позвольте вас проводить. Мы идем в поместье Пенриф, и вы, господин Ральф, тоже. Карни, вы можете пойти с нами.

— Что вы от меня-то хотите? — хмуро спросил Хью и завертел головой в поисках союзника — вероятнее всего, Полуина.

— Вы должны объяснить причину ваших обвинений, — сказал ему юрист. — А остальные, — тут он повернулся в сторону зевак, — могут идти по домам. Не стоит верить на слово господину Карни. Правда это или нет, еще предстоит разобраться.

— Это правда! — взревел гигант, сжимая кулаки.

— Это ложь! — рявкнул Пенриф и посмотрел на толпу зевак. — И если кто-то из вас скажет хоть одно слово против мисс Стреттон или меня, я лично притащу негодяя в суд. Пойдемте, господин Форд, разберемся с этим делом.

Любопытные местные жители покачали головами, и, несмотря на угрозу Ральфа, пошли по домам, обсуждая увиденное. Адвокат же проследовал вместе с Энн к особняку Пенрифа, а Анак, повесив голову, зашагал за ними. Некоторое время они шли молча. Мисс Стреттон хваталась за руки Форда, вне себя от волнения, а губы ее шевелились, словно она что-то шептала.

Освальд, желая как можно скорее разобраться в происходящем, внимательно прислушивался.

— Так и знала, что дойдет до этого... — почти беззвучно бормотала себе под нос его спутница.

— Вы имеете в виду эти обвинения? — поинтересовался молодой адвокат.

Энн вздрогнула.

— Я что, сказала это вслух? — спросила она, и, когда адвокат подтвердил это, кивнула. — Да. Может, и к лучшему, что дела повернулись таким образом. По крайней мере, теперь я могу обо всем рассказать.

— Выходит, в словах Анака есть доля правды? — уточнил Освальд.

— И да, и нет. Он видел... Впрочем, пусть все объясняет господин Пенриф.

— И что же он должен объяснить?

— Очень многое и ничего.

— Вы говорите загадками.

— Все, что связано с этим убийством, состоит из тайн и загадок, мистер Форд. — Художница на мгновение замерла, а потом быстро зашагала вперед, буквально таща своего спутника за собой. — Скажу вам так, мистер Форд: иногда, если человек влюблен, он теряет всякое чувство чести.

— Вы имеете в виду господина Пенрифа?

— Кого же еще? Он буквально поклоняется мне, а я... Я не могу ответить ему взаимностью, к его несчастью и, пожалуй, к моему собственному. И все же, пусть раньше я была слаба, теперь я стану сильной. Вы вот-вот все узнаете.

— Зная, как вы помогли сэру Ганнибалу, я бы не стал называть вас слабой, — тихо возразил ей молодой человек. — Полагаю, что не ошибусь, если предположу, что это вы предупредили баронета о том, что выписан ордер на его арест, а потом помогли ему бежать?

— Да. В Санкт-Эвалдсе я услышала, что сэра Тревика собираются арестовать. Зная, что он невиновен, я телеграфировала ему, что он в опасности, и назначила встречу на станции Гвинн. Он приехал, и тогда я отвезла его к заброшенной шахте. Но теперь ему нужно перепрятаться. Его могут найти и арестовать.

— И кто же узнал, что сэр Ганнибал там прячется?

Мисс Энн Стреттон посмотрела назад через плечо:

— Господин Пенриф.

— Как ему это удалось?

— Он проследил за мной, когда я отправилась отнести еду сэру Ганнибалу.

Молодой адвокат на некоторое время задумался.

— Мисс Стреттон, не могли бы вы ответить на один вопрос? —

поинтересовался он в конце концов.

— Да, хоть на десять вопросов. Спрашивайте.

— Вы в самом деле верите, что сэр Ганнибал невиновен?

— Верю.

— Тем не менее вы сказали мне, что видели его на холме и...

— И попросила денег за то, чтобы держать язык за зубами, — быстро закончила девушка. — Совершенно верно, и я представляю себе, какого мнения вы обо мне после этой попытки шантажа. Но, как вы скоро убедитесь, мистер Форд, я не дьявол, и совесть моя не так уж и черна.

Освальд тяжело вздохнул:

— Ничего не понимаю.

Энн пожала плечами. Как раз в этот момент они остановились перед крыльцом особняка Пенрифов, и ее речь стала торопливой:

— Я могу все объяснить в трех словах, господин Форд. Я люблю сэра Ганнибала всем своим сердцем и пойду на все, чтобы спасти его.

— Но вы практически обвинили его...

— Хочу напомнить вам, господин Форд, что я сделала это вынужденно, по причине, которую вы скоро узнаете.

В эту минуту Пенриф, обогнав их, подошел к двери и открыл ее, перекинулся несколькими словами со слугой, а потом обратился к спутникам:

— Проходите в библиотеку. Там нас никто не побеспокоит. Не нужно, чтобы мать и госпожа Крент слышали, что говорит этот человек, — и он кивнул в сторону Анака.

Освальд молча повиновался, отпустив руку Энн. Та прошла в библиотеку через дверь, которую придержал Ральф, и села в кресло у камина, даже не потрудившись снять плащ. Хью вошел следом за Фордом. Тяжело протопав по ковру, он замер посреди комнаты, а потом неуклюжим движением стянул с головы кепку — жест, которого едва ли можно было ожидать от человека столь скромного происхождения. Пенриф закрыл за ним дверь и, пройдя в комнату, уставился на Анака, набы-чась и выпятив челюсть.

— Ну, а теперь, Карни, — угрожающе произнес он голосом, напоминающим ворчание простуженного медведя, — вы можете объяснить, что имели в виду, выдвинув подобное обвинение против меня и мисс Стреттон.

— С удовольствием, — объявил Анак, и, отойдя в сторону, оперся о стену. Он был похож на огромного зверя — больше всего на быка.

— Попрошу минутку, прежде чем мы начнем, — взял слово молодой

адвокат. — Скажите, не господин ли Полуин надоумил вас обвинить мисс Энн?

Рабочий вздрогнул и озадаченно посмотрел на Форда:

— А он-то здесь при чем?

— Я полагаю, что Полуин подслушал наш с ней разговор, Карни, и, чтобы заткнуть ей рот, послал вас с обвинениями в самый важный момент, — объяснил Освальд.

— И зачем Полуину клеветать на девушку?

— Дело в том, что мистер Полуин, как он вам представился, замешан в убийстве и, подслушав слова мисс Энн, решил, что она знает о нем больше, чем он желал бы. Проще говоря, этот Полуин спешит впереди всех выскочить с обвинением, чтобы самому не оказаться обвиняемым.

— Так вы, господин Форд, утверждаете, что это Полуин убил Боуринга? — удивился Пенриф.

— Я ничего не утверждаю, — поспешно возразил юрист. — Я и сам еще ни в чем не уверен. Пусть сначала Анак расскажет свою историю, а потом я попрошу сделать то же самое мисс Стреттон.

— Мисс Стреттон ничего не обязана объяснять, — прорычал хозяин дома, уставившись на девушку.

Энн подняла голову. Лицо ее было бледнее, чем обычно.

— Я расскажу все, что знаю, Ральф, — тихо проговорила она.

— Вы же понимаете, к чему это приведет? — проворчал Пенриф в ответ.

Девушка кивнула и повернулась к Анаку:

— Говорите.

Рабочий смутился и опустил взгляд, не в силах посмотреть в глаза женщине, которую взялся обвинять. Он долго колебался, переминался с ноги на ногу, мял в руках кепку, словно не знал, с чего начать. Наконец, его прорвало:

— Ну, ладно... Вы правы, это Полуин попросил меня высказаться, — вызывающе объявил Хью. — Я рассказал ему о том, что видел, и он попросил меня держать язык за зубами, пока не придет подходящий момент. Когда я работал на пожаре, он показал мне на эту даму и ее оруженосца, — тут он ткнул пальцем в сторону Пенрифа, — и сказал, что сейчас, пока они вместе, лучший момент, чтобы выложить все как есть. Я видел, что они делали!

— Ну, — холодно протянул Форд. — И что же они делали? Убивали Джона Боуринга?

— Нет, этого я утверждать не стану, — грубо объявил Хью Карни. —

Но я видел их незадолго до аварии.

— Может быть, вы объясните более внятно? — продолжал Освальд ледяным тоном. Он был уверен, что этот великан — всего лишь глашатай Полуина, который, судя по всему, и стоял за этим страшным делом.

— Я в тот день работал на карьере, — тяжело вздохнув, начал Анак, — и мне понадобилось сходить домой за динамитом. Я шел по тропинке. Над пустошами висел туман. А потом я услышал грохот падающего камня.

— Падающего камня? — с сарказмом переспросил Пенриф.

— Ну, тогда я не знал, что именно происходит. Но любой рабочий каменоломен с легкостью узнает этот звук. Правда, тогда я не обратил на этот шум внимания, решив, что он связан с работой в карьере.

— Но карьер находится совершенно в другой стороне, — хладнокровно заметила Энн Стретгон.

— Ну, мисс, вокруг клубился туман, а пустоши, бывает, со слухом шутки шутят, — возразил молодой гигант. — Не всегда поймешь, откуда идет звук, может, я и перепутал. Но потом я увидел вас, мисс. Вы прошли мимо меня, едва не задев. И выглядели вы очень испуганно.

— Может, вы и меня видели? — с насмешкой спросил Ральф.

— Нет, вас не видел. Но я проследил за мисс, потому как стало мне интересно, что она делает одна на пустошах. Я видел, как она подошла и села в вашу коляску, и вы уехали, но вернулись, когда услышали выстрел.

— Ага! — воскликнула Энн. — Господин Форд! Обратите внимание. Этот человек считает, что я сбросила камень, но подтверждает, что меня не было рядом, когда застрелили Боуринга.

— Я не говорил и того, что вы сбросили камень, — грубо сказал Анак. — А вот ваш кавалер вполне мог это сделать.

— Вы же сами только что сказали, что видели меня в коляске на дороге, — тут же перебил его Пенриф.

— А вот и нет, — возразил Хью. — Я видел, как вы спускались с холма и сели в коляску прямо перед мисс Стретгон. А что вы делали наверху? Ясное дело, толкали камень!

Ральф пожал плечами и повернулся к юристу.

— Ну и что вы об этом думаете? — вежливо поинтересовался он.

— Я воздержусь от суждений, пока не выслушаю рассказ мисс Стретгон, — так же вежливо ответил ему Освальд.

— Думаю, что мисс Стретгон нечего сказать, — продолжал Пенриф.

— О, нет, мне есть что сказать, — резко объявила Энн. — По-моему, дорогой Ральф, сейчас для этого самое время. Пожалуйста, помолчи, — прибавила она, махнув рукой, когда увидела, что тот собирается открыть

рот, чтобы снова заговорить. — Сначала разберемся с обвинением Карни. — Девушка повернулась к рабочему, который по-прежнему пристально смотрел на нее. — Вы правы и неправы одновременно, — продолжила она тише. — Господин Пенриф вез меня в этот дом, где мы сейчас находимся, так как я собиралась принять приглашение его матери и остаться тут ночевать. Однако по дороге я решила заглянуть к вашей матери, Анак. Я попросила Ральфа остановить коляску и отправилась вверх по тропинке. Но поднялся туман, и в конце концов я остановилась, побоявшись заблудиться. А потом, передумав, я отправилась назад. И тут я услышала грохот падающей глыбы и очень испугалась. В тумане я могла, сама того не заметив, забрести в карьер и попасть под взрыв. Я не видела вас, Анак, когда бежала назад по тропинке, но вполне допускаю, что в этот миг я выглядела очень испуганной...

— Позвольте, я продолжу, — объявил Пенриф, когда девушка остановилась, чтобы перевести дыхание. — Я отпустил мисс Стреттон одну, потому что госпожа Карни приглашала только ее. Однако через некоторое время я увидел, что туман сгущается, и испугался, что Энн может заблудиться. Я привязал лошадь к дереву и отправился было пойти ее искать, но, увидев, как она возвращается, поспешил обратно. Я не видел падения глыбы, так как остановил коляску за поворотом. Когда мисс Стреттон вернулась, мы поехали дальше. Через несколько минут мы услышали выстрел и повернули назад. Так что ваше обвинение, мистер Карни, — чепуха да и только! Мы оба, я и мисс Стреттон, невиновны. Не говоря уж о том, что у нас не было никаких причин убивать господина Боуринга.

— Но вы слышали, как упала гранитная глыба? — спросил Форд, в то время как Анак, выслушав столь простое объяснение, на глазах превратился из разъяренного быка в смирную овечку.

— Да, — с готовностью согласился Ральф. — Но, как я уже сказал, я остановился за поворотом и не видел самого падения, и поэтому решил, что, скорее всего, это отзвук работ в карьере. Но вот в чем Карни прав — господин Боуринг ехал следом за нами. Убийца четко рассчитал: камень упал прямо перед тем, как по дороге должен был проехать его автомобиль. Когда стало ясно, что из аварии Боуринг вышел живым, преступник застрелил его. Но, как мы только что слышали от мистера Карни, наша коляска к тому моменту уже уехала, — насмешливо закончил Пенриф.

Адвокат поклонился, приняв объяснение, которое было логичным и сделанным вполне по существу. Затем он вновь повернулся к Анаку:

— Ну?

Хью Карни поплелся к двери.

— Мне нечего больше сказать, — угрюмо произнес он. — Я видел то, что видел. Они все объяснили.

— Если так, идите и расскажите все это своему другу Полуину, — резко объявил Форд. — Только скажите, Карни, черт вас дерит, если вы и в самом деле считали виновными мисс Стреттон и господина Пенрифа, то почему привели толпу громить дом сэра Ганнибала?

— Я думал, что господин Пенриф сбросил камень, а потом сэр Ганнибал стрелял в несчастного, — с легкостью объяснил Анак.

— У вас нет оснований для подобных выводов, — холодно ответил юрист. — Теперь вы можете идти. И будет лучше, если вы прилюдно возьмете назад свое обвинение, иначе можете попасть в неприятности.

Великан кивнул и опустил голову.

— Похоже, я свалял дурака, — проворчал он.

— Нет, это мистер Полуин вас одурачил, — покачал головой Освальд.

Анак странно посмотрел на него, как будто хотел сказать что-то еще, но потом передумал и, тяжело вздохнув, покинул комнату. Все молчали, пока не услышали, как за спиной гиганта хлопнула дверь, а затем Ральф заботливо обратился к Энн:

— Теперь вам, наверное, стоит пойти и присоединиться к моей маме? — спросил он так, словно хотел защитить свою возлюбленную от всего мира.

Мисс Стреттон встала, повернулась спиной к владельцу особняка и обратилась к адвокату:

— Господин Форд, — сказала она совершенно спокойно, — вы ведь приехали в коляске?

— Да, она осталась возле сгоревшего особняка, у ворот.

— А не будете ли вы так любезны отвезти меня назад в Санкт-Эвалдс?

— Охотно... но... — Освальд озадаченно посмотрел на Пенрифа.

Тот побледнел и с тревогой уставился на девушку.

— Энн, что все это значит? — спросил он.

— Это значит, что я собираюсь рассказать мистеру Форду, какой вы галантный джентльмен, — сухо отозвалась девушка. — А потом я покину ваш дом. Надеюсь, навсегда.

Ральф с яростью шагнул в ее сторону.

— Лучше держи язык за зубами! — хрипло воскликнул он.

— Простите, мистер Пенриф, но не стоит так разговаривать с мисс Стреттон, — спокойно сказал Освальд, встав между ними. — Пожалуйста, сделайте шаг назад.

— Вы указываете, что мне делать, в моем собственном доме?

— В вашем собственном доме, — проговорил юрист мягко, но уверенно, — вы должны быть еще более вежливы, чем где бы то ни было.

— Энн! — Ральф снова повернулся к мисс Стреттон, и в его голосе зазвучали умоляющие нотки. — Не рассказывай. Мне кажется, я сошел с ума, когда говорил это.

— Вы имеете в виду, когда угрожали мне? — с ненавистью спросила художница.

— Я еще не начинал угрожать! — выпалил хозяин дома. — Не забывай, я знаю, кого ты прячешь в руднике Пенгелли!

— Это значит лишь то, что вам придется держать язык за зубами, — осадил его Форд.

— Если только и она попридержит свой язычок, — Пенриф тыкнул пальцем в Энн.

— Я молчать не буду! — выкрикнула девушка. — Я уже по горло сыта вашими играми, и я должна оправдаться перед мистером Фордом. Слушайте!

— Ну и пожалуйста! — рывкнул Ральф, после чего рухнул в кресло и принялся нервно крутить усы. — Но помни, что твой любовничек, сэр Ганнибал, завтра окажется в тюрьме!

— Лучше сидеть в тюрьме, чем полагаться на милость такого грубияна, как вы, — отрезала мисс Стреттон, поплотнее запахнув плащ. — Посмотрите, господин Форд, на этого галантного кавалера, который утверждает, что любит меня.

— И это правда! Правда!

— Он любит меня так сильно... — продолжала художница с презрением, — что ревниво следит за мной. Он

следовал за мной до старой шахты и подслушал, что там прячется сэр Ганнибал. Когда я вернулась, этот любезный джентльмен заявил, что я должна солгать вам, будто видела сэра Тревика на холме, и потребовать деньги за молчание, или он выдаст своего соперника полиции!

— Это правда? — спросил Освальд, обернувшись к хозяину дома.

— Да, — неохотно признался Пенриф. — Видите ли, я в трудном положении. Я хочу денег, и мне нужна Энн. Я мог получить и то и другое, да еще и избавиться от соперника, если бы смог убедить следствие, что тот был на холме в момент убийства.

— Значит, это неправда? — продолжал допытываться юрист.

— Это такая же ложь, — ледяным голосом подвела итог Энн Стреттон, — как то, что я взяла бы деньги за молчание о том, чего никогда

не было.

— Значит, то, что вы сейчас рассказали Анаку, — правда? — с облегчением спросил Форд.

— Чистая правда. Все было точно так, как я только что рассказала, и господин Пенриф подтвердил мою историю, но лишь для того, чтобы спасти свою собственную шкуру. Ни он, ни я не видели сэра Тревика. Ральф заставил меня солгать, угрожая, что выдаст сэра Ганнибала. А на самом деле ему были нужны лишь деньги.

Форд посмотрел на Ральфа, который все еще крутил ус — злой, униженный и безмолвный. Он предложил руку мисс Стреттон.

— Позвольте вас проводить, — сказал он церемонно.

Глава XXII Красный череп

Следует помнить, что коляска, воспользоваться которой Освальд предложил девушке, в действительности принадлежала госпоже Крент. Но особняк в Грандже сгорел, и кучер за небольшую сумму был не против вернуться в Санкт-Эвалдс. По идее, он должен был получить новые распоряжения от экономки, но оказался деморализован так же, как остальная прислуга сгоревшего дома, и сидел под дождем в коляске у ворот, пока из темноты не вынырнул Форд в сопровождении мисс Стретгон.

Договорившись о возвращении в Санкт-Эвалдс, юрист помог Энн забраться в коляску, а потом крикнул кучеру:

— Подождите немного... Мисс Стреттон, вы сами доберетесь?

— Я знаю этого кучера и не боюсь, что в дороге со мной что-то случится, — кивнула она. — Но почему вы не хотите поехать со мной?

— На то есть причина, — прошептал адвокат ей на ухо. — Помните, ваш друг угрожал сэру Тревику? Уверен, шахту обыщут завтра же. Поэтому я должен навестить сэра Ганнибала и помочь ему спрятаться до наступления утра.

— Да-да! Это мудрое решение. Но тогда я могла бы пойти вместе с вами...

— Вы должны подумать о себе. Возвращайтесь в Санкт-Эвалдс. Утром я тоже вернусь и непременно встречу с вами. А тем временем вы сможете рассказать обо всем случившемся мисс Тревик.

— Утром я непременно зайду к ней, — пообещала художница и вдруг замолчала, а потом прошептала едва слышно: — Отведите сэра Ганнибала в Трегейгл, что у моря. Там тоже есть шахты и пещеры. Он знает, где они находятся. Мы бывали там как-то, когда я делала эскизы. Там сыро, но он будет в безопасности. Ральф не станет искать его в таком месте.

— Но если это опасно... — заколебался Форд.

— Тем больше оснований сэру Тревику направиться именно туда. Никто, особенно Ральф Пенриф, не станет его там искать. Кроме того, в ближайшие дни не ожидается шторма, так что в пещерах будет сухо. А потом мы вывезем его из страны.

— Хорошо, — согласился молодой адвокат. — Но скажите, мисс Стреттон, неужели господин Пенриф и в самом деле пытался вас шантажировать?

— Да, — ответила девушка искренне. — Поверьте, его финансовое состояние и впрямь печально. Он сдуру растратил все свое состояние, подобным безрассудством разбив сердце своей несчастной матери. Особняк Пенриф уже заложен и вскоре уйдет с молотка. Он знал, что Боуринг оставил деньги Пенриффу, и решил заполучить их шантажом. Как вы понимаете, я участвовала в этом без малейшей корысти, лишь для того, чтобы помочь сэру Ганнибалу.

— Понимаю... Но вы все равно могли бы сказать мне правду.

— Как? Вы тогда не верили ни одному моему слову и со слов мисс Тревик считали бы меня авантюристкой. Теперь же, когда она согласилась на мой брак с ее отцом, я смогла оправдаться и в ваших глазах, господин Форд. Я не удивлена, что вы думали обо мне плохо, ведь я приняла участие в аванюре Ральфа, но лишь для того, чтобы предотвратить худшее.

— Ну что ж, значит, мы должны действовать быстрее, чем Пенриф, — с мрачной уверенностью объявил Освальд. — Пусть завтра полазает по шахте вместе с полицейскими, а птичка тем временем улетит. Честное слово, мисс Стреттон, я восхищен благородством ваших поступков!

— Не забывайте, что я влюблена в сэра Ганнибала, — ответила Энн, слабо улыбнувшись. Молодой человек наклонился и поцеловал ее руку.

Освальд помог девушке подняться в коляску, затем протянул вознице сверен.

— А теперь до свидания, мисс Стреттон, и не забудьте рассказать мисс Тревик все то же, что нам.

— Да, — устало ответила художница, а затем коляска медленно растаяла во мраке, оставив Форда одного. Теперь он должен был в темноте найти дорогу в заброшенную шахту, а потом проводить сэра Ганнибала в пещеры на самом берегу моря.

Тем не менее молодой адвокат считал, что неразумно задерживаться у сгоревшего особняка, потому что Пен-риф в любой момент мог выйти из дома, чтобы поинтересоваться, в самом ли деле они с мисс Стреттон уехали в Санкт-Эвалдс. Однако, подумав, юрист решил, что, вероятнее всего, Ральф сейчас напивается дома, заливая разочарование вином.

Придя к этому выводу, Форд уверенно зашагал по тропинке в сторону старой шахты, поплотнее запахнув пальто — отправившись провожать миссис Крент, он тепло оделся и нисколько не жалел об этом, так как теперь ему предстоял долгий поход под дождем. Было около полуночи, а из Санкт-Эвалдса он выехал около пяти и с тех пор ничего не ел. Пропустив послеобеденный чай, молодой человек чувствовал себя невероятно голодным. Тем не менее он решил не думать об этом, пока его

потенциальный тесть находится под угрозой ареста. Чтобы заглушить голод, Освальд запалил трубку, в одиночестве бредя по склонам холмов. Ночная прогулка превратилась в настоящее приключение. Хорошо, что Форд не был суеверен, ибо, когда дождь прекратился, снова налетел ветер, и на небе появилась луна, заливая холмы призрачным светом. Однако юрист не нуждался в дополнительном освещении. Он уверенно направлялся к заброшенной шахте.

Молодой человек шел по старому пастбищу, тут и там поросшему папоротниками. Холодный свет луны придавал камням уродливые формы, превращая их в настоящих чудовищ. Однако господин Форд знал, что это всего лишь камни, хотя выглядели они как застывшие гномы или лепреконы^[10]. Поэт бы нашел в этой картине много пищи для размышлений и, быть может, даже обрел бы вдохновение или испугался. Но Освальд был настоящим прагматиком и потому проследовал мимо чудных форм и теней, не задерживая на них взгляда, сосредоточив все свое внимание на тропинке и трубке и ни разу не остановившись. В очередной раз он убедился, что начисто лишен воображения.

Вскоре Форд подошел к кромлеху и увидел торчащую в небо трубу. На ощупь — тучи вновь скрыли луну — адвокат побрел ко входу в шахту. Потом он отыскал лестницу и стал не спеша спускаться в темный зев подземелья.

Лезть в кромешную тьму было не слишком приятно: для этого требовалось определенное мужество. Кроме того, Освальд помнил, что сэра Ганнибал по настоянию Деррики обзавелся револьвером, чтобы защищаться, и, не признав ночного гостя, с легкостью мог пустить оружие в ход. Тем не менее юрист должен был предупредить беглеца, хотя бы ради Деррики. Наконец, выпустив из рук перекладки лестницы, молодой адвокат шагнул на каменный пол подземного коридора. Чтобы его узнали, он начал громко распевать мелодию песни «Дом, милый дом», хотя фальшивил при этом невероятно. Достигнув того места, где они с Эрикой впервые встретили сэра Ганнибала, Форд на несколько секунд прервался, а потом начал второй куплет и стал петь громче — баритон его эхом разносился по туннелям, а молодой человек мог лишь мечтать и впрямь оказаться сейчас дома.

В этот раз на его сигнал ответили. Вдали вспыхнул огонек-звездочка, а потом показался баронет с оплывшей, но еще горящей свечой в руке. Она вспыхнула ярко и неожиданно, как желтый брильянт во мраке, и Освальд закричал, словно Ахилл, пытающийся напугать троянцев.

— Это я, Форд, — продолжил он. — Не бойтесь!

Потом он подошел поближе к сэру Тревику, едва не

ударившись головой о низкий каменный свод. Вскоре он оказался рядом с узником шахты.

— Боже мой! — ахнул сэра Ганнибал, чье лицо побелело от страха. — Я напугался до смерти!

— Да, как вы могли заметить, с пением у меня проблемы.

— Кто-то ведь мог случайно узнать про сигнал, — проговорил Тревик, немного успокоившись. — Что вы делаете тут в это время суток?

— Мне нужно многое рассказать вам, — объявил Освальд, присаживаясь на травяную кровать Ганнибала, с которой тот только что встал. — Но сначала дайте чего-нибудь погрызть. А то я умираю от голода.

— Вот хлеб и сыр, во фляге — виски.

— То, что нужно. У меня во рту куска не было почти сутки, — и молодой человек принялся за предложенную еду с завидным аппетитом. — К тому же все эти ночные прогулки по холмам и пустошам вызывают чертовский аппетит. Устал я тут бродить, — добавил он с полным ртом. — А ведь нам еще предстоит дальняя прогулка.

Сэр Тревик запалил дорогую сигару, но, услышав последние слова Форда, выронил ее. Лицо его еще больше побледнело:

— Что стряслось на этот раз?

— Все в порядке, не тревожьтесь, — спокойно проговорил молодой человек. — Но вам придется покинуть это место и укрыться в другом. Господин Пенриф знает, где вы находитесь, он проследил за мисс Стретгон и теперь грозит сдать вас полиции.

— Да, верно! Он — мой соперник, и я не сомневаюсь, что он станет вредить мне как только сможет, — задумчиво произнес сэра Ганнибал, подняв сигару. — Но я не совсем понимаю...

— Скоро вы все поймете. Дайте-ка спичку, мне тоже надо покурить. И еще у меня для вас плохая новость: особняк Грандж сгорел.

— Что? — глаза баронета округлились от удивления. — Не может быть!

— Увы, может. По одной из версий, Морган Боуринг играл со спичками... Но мне эта история кажется сомнительной, так как рассказал ее не кто иной, как Иосия Полуин. Тем не менее старый дом сгорел — камня на камне не осталось.

— Неужели мои несчастья никогда не закончатся?! — в отчаянии ахнул Ганнибал.

— Закончатся, и в ближайшее время. Не забывайте, самый темный час наступает перед рассветом. В конце концов, сэра Тревик, вы завоевали любовь действительно хорошей, умной женщины.

— Вы имеете в виду мисс Стреттон?

— Да. Но позвольте мне рассказать вам все с самого начала, — и молодой человек поведал баронету о визите мисс Крент и обо всех тех разговорах, что последовали за этим, закончив беседой с Пенрифом в его библиотеке.

— И что вы теперь думаете, сэр Ганнибал? — спросил он, завершив рассказ.

Пожилой аристократ сжал руками голову:

— Я совершенно сбит с толку, господин Форд. Не знаю, что и сказать. Но ясно лишь одно: мне действительно нужно перепрятаться.

— Вы спрячетесь в шахте Трегейгл у берега. Это место выбрала мисс Стреттон.

На несколько мгновений баронет замер в нерешительности.

— Это рискованно... — пробормотал он. — Море...

— Да, море! — нетерпеливо перебил его молодой человек. — Но все безопаснее, чем виселица. Никто не догадается, что вы решили прятаться в таком опасном месте. Мы должны уйти отсюда до рассвета. Но, если позволите, мне хотелось бы хоть немного вздремнуть. Разбудите меня около шести часов, и мы отправимся на побережье.

Сэр Ганнибал кивнул, и адвокат, который уже буквально падал от усталости, вытянулся на кровати из травы и закрыл глаза. Менее чем через пять минут здоровый храп Освальда провозгласил, что он наслаждается полноценным отдыхом.

А баронет остался сидеть, дымя сигарой и подкидывая хворост в костер. Он думал о своей несчастной судьбе, в которой принимало участие столько человек, и обо всех неприятностях, которые он сам же на себя и навлек. Если бы в Южной Африке он вел себя более осмотрительно, то не попал бы в переплет с Боурингом и, таким образом, не стал бы жертвой мошенника — господина Крента, ныне Полуина. Конечно, ему удалось заработать денег, но где они теперь?

— Не могу поверить, что второе завещание подлинное, — сказал баронет вполголоса, глядя на угасающие угли. — Но, возможно, так оно и есть. Подставить меня вот так — это вполне в духе Боуринга.

Он повторил это Форду спустя несколько часов, когда они, выбравшись из шахты, крались по пустошам в алом свете утренней зари. Утро выдалось ясным. После дождя солнце ярко сверкало в небе, освещая загадочную красоту бескрайних вересковых пустошей. Над головой раскинулось небо стального оттенка, а на востоке исполинской розой распускался рассвет. Но у путников не было времени любоваться

красотами природы: они спешили достичь берега до того, как в карьеры потянутся рабочие, которых Анак настроил против мистера Тревика — встреча с ними могла закончиться самым плачевным образом. Беглецы поспешили к берегу океана, переливавшегося розовыми огнями рассвета.

— Хотел бы я знать, — тяжело вздохнул господин Тревик, глядя на бескрайний океан. — Неужели это завещание подлинное?

— Нет, — живо заверил его Освальд, чувствовавший себя куда лучше после короткого сна и завтрака. — Во-первых, Полуин не зря крутился возле Гранджа: наверняка он его и спрятал. Во-вторых, его «свидетели» — двое уволенных слуг, выполняющих его волю. И, наконец, Полуин знает, что если деньги достанутся в управление миссис Крент, то он легко запустит в них руки по локоть. Если бы в завещании был назван другой управляющий, я бы, возможно, поверил в его подлинность, но такой умный человек, как Боуринг, не доверил бы свое состояние полуграмотной экономке. А вот Полуину жизненно необходимо, чтобы деньгами распорядилась миссис Крент, его дорогая супруга, послушная каждому его слову.

— Пожалуй, — усмехнулся баронет, — но, должен сказать, это трюк совершенно в духе Джона.

— Я бы предположил, что в доме действительно могло быть спрятано второе завещание. Если это так, пожар уничтожил его, а эта бумажка не выдержит проверки. В любом случае я покажу новое завещание господину Граттону. И более чем уверен, сэр Ганнибал, что, в конце концов, вы получите эти деньги.

— Дерика получит. Я же передал все ей.

— Чепуха. Ни я, ни Дерика особо не нуждаемся. Когда вы освободитесь от всех обвинений, то сможете вернуться в общество, жениться на мисс Стреттон и использовать деньги, чтобы восстановить семейный особняк.

— Я не заслуживаю такой удачи, — виновато вздохнул баронет.

— К сожалению, я полностью с вами согласен, — безжалостно кивнул Форд. — Но, думаю, вы вполне наказаны за свои ошибки. Дальше на эту тему говорить нет никакого смысла. Единственное, что вам стоит сделать, так это не натворить новых... Лично я считаю, что во всем виноват Полуин.

— Я тоже так считаю, — согласился аристократ. — Может, лучше будет, если вы приведете его в шахту Трегейгл, и я попробую с ним договориться?

Освальд замер и резко обернулся к своему спутнику.

— А ведь это неплохая идея, — задумчиво сказал он. — Я постараюсь это устроить.

— Только не позволяйте Полуину выдать меня.

— Для этого ему сперва придется выдать себя, — проговорил Форд, мрачно усмехнувшись, но потом огляделся по сторонам и уже более веселым голосом добавил: — Вот мы и на берегу моря, сэра Тревик. Давайте поспешим к шахте. Вы ведь знаете, где она?

Сэр Ганнибал кивнул и начал осторожно, шаг за шагом, спускаться по скользкому склону. Он пробрался к тому месту, где черные скалы нависли над водой, а потом он указал на квадратную каменную башню, возвышавшуюся футов на тридцать над уровнем моря.

— За ней вход в рудник, — сообщил он адвокату.

Тот отступил немного назад.

— Теперь я понимаю, насколько это опасно, — произнес он с сомнением. — Он же у самого океана!

— Сама шахта расположена под морским дном, — уточнил сэра Тревик. — Когда-то, господин Форд, это был богатый рудник, однако из-за опасности его закрыли. Это место вполне сможет стать моим временным приютом. Дайте мне вашу часть груза, и я начну спускаться.

— Вы не хотите, чтобы я вас сопровождал? — поинтересовался адвокат, снимая с плеч и передавая своему спутнику мешок с едой.

— Нет, вам лучше поспешить назад, пока вас кто-нибудь не заметил. До свидания! — И, не сказав больше ни слова, баронет начал спускаться к серой башне. Освальд несколько минут смотрел в его сторону, а потом, поняв, что драгоценное время уходит, резко развернулся и поспешно направился назад в сторону дороги. Теперь, когда сэра Ганнибал снова оказался в безопасности, он мог позволить себе риск быть увиденным. В худшем случае Освальд просто объяснил бы, что вышел на пустоши прогуляться.

Молодой человек собирался отправиться напрямик в Санкт-Эвалдс и сообщить Дерике о том, что ее отец в безопасности, но когда он проходил мимо карьеров, то услышал крики, а потом на тропинку выскочил пританцовывающий Морган. Очевидно, безумец бегал по холмам всю ночь, потому что одежда его была мокрой, порванной и перепачканной зеленью — травой и папоротником. Но, приглядевшись, Форд понял, что сумасшедший вовсе не веселится. Его глаза сверкали от ярости, и он размахивал руками в самой угрожающей манере. Форд был готов дать сумасшедшему отпор, но, похоже, гнев его был направлен на кого-то еще. Он подбежал к Освальду и впился в него взглядом.

— Почему ты не в доме Пенрифов? — спросил он молодого Боуринга.

— Они хотели меня запереть, — с ненавистью пробормотал тот. — Да, да, я слышал это вчера вечером. Они хотели разлучить меня с Дженни. Посадить меня под замок. Но я знаю, что делать. Он у меня, у меня, у меня!

— Что у тебя? — удивленно спросил Форд.

— Сходи да посмотри! Он в хижине матушки-ведьмы, — и повернувшись, словно обезьяна, сумасшедший помчался в сторону хижины миссис Карни.

Тяжело вздохнув, юрист отправился следом за безумцем, надеясь узнать что-то полезное.

— И кто же собирался запереть тебя? — спросил он у бедолаги. — Не Дженни?

— Нет! Нет! — замахал тот руками. — Тот хитрый человек, которого ненавидит мама... Полуин... Да, его зовут Полуин!

— А я думал, этот человек нравится тебе.

— Так и было. Он был добр к Моргану. Давал Моргану игрушки, напоил его, когда... когда... — тут сумасшедший замолчал и скорчил хитрую рожу. Потом он отправился дальше вверх по склону. — Но я могу проклясть его, и мать Анака мне в этом поможет... Сегодня мы наложим проклятие на Полуина, и тогда он меня уже не запрет! Нет, нет, никогда!

Уверенный, что может выяснить что-то важное, Освальд поспешил за безумцем. Вскоре они очутились перед скромной хижинкой госпожи Карни. Дверь была открыта, и Морган бросился внутрь, двигаясь, словно обезумевший бабуин. Юрист, не зная, что предпринять, остался стоять снаружи. Потом из хижины донеслись крики, и появилась мать Анака. Видно было, что она очень сильно рассержена.

— С помощью этого мы проклянем его! — радостно кричал умалишенный, подбрасывая, словно мяч, какую-то красную штуковину. — Его кости рассыплются, мозг вскипит! Его поразит зло, и тогда Морган спляшет у него на могиле, — с этими словами безумец остановился и повернулся к адвокату. — Я — дочь Иродиады, а это голова Иоанна Крестителя, — пропел он. — Посмотрите, как я танцую. — Быстро прыгая из стороны в сторону, он играл круглым предметом, который издали походил на мяч. Неожиданно этот странный предмет выскользнул из рук Моргана и подкатился к самым ногам Форда. Тот вскрикнул от удивления.

Он увидел перед собой алый череп в серебряной короне. Мертвую голову сына зулусского знахаря по имени Мулу.

Глава XXIII Мать Анака

Освальд Форд со смешанными чувствами наклонился, чтобы поднять красный череп. Он гадал, каким образом миссис Карни получила власть над умалишенным и что за странные мысли в мозгу безумца привели его к мысли, что можно наложить на Полуина проклятие с помощью такой странной вещи. Но, как только он коснулся Мертвой головы, Морган бросился вперед и, выхватив у него череп, с гортанными криками принялся скакать, словно бешеный кот. Юрист, застигнутый врасплох, неподвижно уставился на происходящее.

— Ах, — только и сказала госпожа Карни, качнувшись вперед. — Он эту штуковину любит, наш Морган. Носится с ней, как девчушка с куклой.

— Откуда он ее взял? — спросил адвокат. — Эта вещь принадлежала Полуину... Она связана с убийством!

— Полуин! — повторила старуха, присев на корточки, словно и в самом деле была ведьмой какого-то дикого племени. — Он друг моего сына. Сама я его никогда не видала, но Хью его любит.

— Вы имеете в виду Анака?

— Моего сына зовут Хью, как и его отца, — пробормотала старуха. — Хотя некоторые называют его Анаком, потому что он у меня такой большой. Да, и в наши дни существуют гиганты, как и до Потопа. И народ сейчас только и знает, что пить, гулять да блудить, совсем как тогда. Так-то, мистер!

— Вы меня помните, госпожа Карни? — попытался вернуть ее к реальности юрист.

— Да. Вы — молодой джентльмен, который побил Анака... Можете называть его так, если хотите. Вы — хитрый и умный человек, господин Форд. Что ж, что ж, Анак не худший сын на свете. Он ведь заботится о матери, как о королеве, благослови его бог!

Безумец тем временем продолжал скакать, играя с черепом.

Освальд вновь перевел взгляд на миссис Карни и на неказистую лачугу, которую она называла своим домом. Видимо, ее понятие о жизни королевы было весьма смутным. Но все-таки в манерах и речи этой женщины было нечто благородное. Форд, не удержавшись, попросил:

— Расскажите мне о вашем прошлом, госпожа Карни.

Колдунья подняла голову, и ее черные глаза, блестящие, словно у молодой девушки, гневно сверкнули. Ее лицо было грязным, морщинистым

и желтым, волосы — седыми, а коричневые руки, торчащие из рукавов платья, больше напоминали птичьи лапы. Нос ее едва не касался подбородка. Настоящая ведьма из детских сказок! Тем не менее взгляд старухи был переполнен энергией неукротимой молодости, и Форд не удивился бы, если бы она, как истинная фея, разом сбросила с себя рваные одежды и изможденную личину, представ перед ним в первозданной красоте. Такие глаза, как у госпожи Карни, должны были сверкать на лице молодой красавицы. Теперь же они метали молнии в адвоката, задавшего бестактный вопрос.

— Какое вам дело до моего прошлого, молодой человек?

Освальд пожал плечами:

— Никакого, но только вы, как мне кажется, видели лучшие дни...

— Да, раньше было все не так, но я вам ничего не скажу, — проворчала госпожа Карни и тут же, со старушечьей непоследовательностью принялась бормотать историю своей жизни. Сначала она говорила так тихо, что Форд едва мог разобрать, о чем идет речь, словно разогревалась, желая привлечь к себе его внимание. Вновь закурив трубку, молодой человек присел на камень напротив все еще сидящей на корточках старухи, ставшей еще больше похожей на ведьму. А Морган, все еще напевая про себя что-то странное, продолжал танцевать и играть со своей ужасной игрушкой в теплых и ярких лучах восходящего солнца.

— Да, да! — бормотала госпожа Карни, теребя подол своей грязной юбки. — Я когда-то была молода и красива. Не было в этих краях девушки красивее. Но этот человек, Тревик... Из-за него мне больше жизнь не мила!

— Чем он вас обидел? — спросил адвокат тихо, чтобы не нарушить ход ее мысли.

— Он-то! Нет. Никто меня никогда не обижал! — воскликнула старуха. — Я была слишком умна для них для всех. Сэр Ганнибал, будь проклят он и его фальшивая любовь! Он хотел, чтобы я бежала с ним. Но я сказала ему: «Брак или ничего!» Да, я так и сказала, потому что была самой красивой девушкой в Санкт-Эвалдсе, хотите верьте, хотите нет. И он меня бросил. Эти Тревики, благослови их господь, себя превозносят выше небес, а на меня он смотрел, как на кучу грязи. На меня! — воскликнула миссис Карни, а потом вдруг поднялась в полный рост, выпятила грудь, и голос ее разом возвысился на октаву, а то и на две. — На меня, горничную, которая получила хорошее образование и могла составить компанию любому дворянину! Я знала французский, играла на фортепьяно, вышивала по бархату и умела много такого, чему сегодня уже не учат. Но сэр Тревик

оставил меня. Уехал в Лондон и не вернулся. С глаз долой, из сердца вон! Вот так-то, мой дорогой! — Она спрятала руки под фартук и уставилась куда-то вдаль, на море, видневшееся между серыми и угрюмыми холмами, словно там, на горизонте, остались дни ее золотой молодости.

Форд молчал, ожидая, когда она продолжит рассказ. Он хотел узнать, как можно больше о прошлом этой женщины.

— Да, — продолжала старуха, по-прежнему глядя в никуда, — он ушел от меня, этот сэр Тревик. Но я была такой красавицей, что мне не нужно было сохнуть в одиночестве. Нет... Тогда их было много вокруг, и все хотели моей руки. И когда мисс Джайлс — так ее звали, мою хозяйку, — когда она вышла замуж, я тоже могла выбрать себе в мужа любого красавца. А выбрала того, что был уродливее их всех! Один господь знает, почему я так сделала, — пробормотала ведьма, потирая крючковатый нос. — Тревик мне не достался. Боуринг хотел взять меня в жены, да только я бы никогда с ним не ужилась. Вот я и вышла за Карни, хотя он и был еще хуже. Он закружил мне голову, а потом бросил подыхать с голоду, с младенцем Хью на руках.

— И куда же он делся? — поинтересовался Освальд.

— Господь его знает, молодой господин. Он исчез, испарился двадцать пять лет назад, если не больше. И с тех пор я его ни разу не видела... Нет, ни разу.

— Может быть, он умер?

— Умер! — хриплым голосом повторила старуха. — Такие люди, как Карни, никогда не умирают, так и знайте, молодой господин. Умирают хорошие люди, умирают младенцы, сильные девки, но дьявол заботится о своем потомстве. А Карни, без сомнения, сын самого сатаны, хоть и говорит благочестиво, как по писаному. Но он сбежал... — тут она вновь поникла головой, заново переживая свое горе. — А я осталась тут, как одинокий камень на склоне.

Форд взглянул на серые каменные стены хижины, в трещинах которых пророс мох и лишайник, на соломенную крышу из сухой травы и папоротника, на небольшое окно и темный зев двери, и ему стало очень жаль женщину, которая вынуждена была жить в таких условиях. Анак, конечно, мог позаботиться о себе. Он был достаточно сильным, чтобы посмеяться над непогодой, хотя и жил в полуразрушенном доме, но госпожа Карни выглядела хрупкой и болезненной.

— Как вышло, что вы так низко пали? — спросил адвокат.

Этот вопрос разозлил ее. Мать Анака резким движением сорвала фартук и топнула ногой.

— Низко! — воскликнула она. — Да я бы не променяла эту хижину и на дворец! Здесь я свободна. Здесь я могу колдовать. И все боятся меня, потому что считают ведьмой.

— Но ведь это все ерунда, — осторожно возразил ей Освальд.

— Вы уверены? — старуха злобно посмотрела на молодого человека. — Вот увидите! День и ночь я проклинаяю Карни, и мое проклятие доберется до него. А потом я зарежу его, и отравлю, и раздавлю! Он будет молить о смерти, но она не придет, пока он не изведает тех же мук, что перенесла я, — тут она потрясла кулаком, угрожая чистому небу. — Попадись он мне, я спокойно разорвала бы его на куски. Он ведь не человек, а настоящий зверь. А пока мне остается только проклинать его. Что я еще могу сделать? — упавшим голосом произнесла госпожа Карни. — Он оставил меня без гроша, с ребенком. Я пыталась работать, но те, кто мне завидовал, сделали так, что меня никуда не брали. Потом я занялась предсказаниями судеб и торговлей колдовскими снадобьями, пока много лет назад законники не выдворили меня из Санкт-Эвалдса. Тогда я переехала сюда, чтобы жить поближе к карьерам, где работал мой Хью. И вот я живу тут уже лет пятнадцать, жара на дворе или ливень.

Адвокат встал, убрал давно погасшую трубку в карман и зевнул. Пора было возвращаться в Санкт-Эвалдс, но перед уходом он хотел узнать, где Морган раздобыл череп. Ему хотелось разговорить миссис Карни, которая, похоже, была хорошо знакома с безумцем, и к тому же он умирал от голода. Форд достал из кармана полсоверена.

— Я дам вам это, мисс Карни, если вы накормите меня завтраком.

Ведьма выхватила монету из его руки, проверила на зуб и с хохотом спрятала в фартук.

— Яичница с ветчиной, — объявила она, направляясь к хижине. — Морган, разведи костер!

Форд снова сел, наблюдая за сумасшедшим, который, повинувшись команде, оставил череп и стал собирать палки и сухой мох, а потом положил все, что собрал, в щель между двумя гладкими камнями на черное пятно — место, где раньше не раз уже разводили огонь. Вскоре со сковородкой и спичками вернулась госпожа Карни. Через несколько минут на сковородке весело потрескивала яичница из трех яиц, сдобренная кусочком бекона.

Морган сел на землю, зачарованно глядя на огонь, в то время как хозяйка принесла тарелки, чашки с блюдцами и чайник. А Морган тем временем подкидывал палки в костер и хлопал в ладоши, когда во все стороны начинали разлетаться искры.

— Здорово! Здорово! — всякий раз кричал он, когда искры веером разлетались в разные стороны. И тут юристу пришла в голову очередная идея.

— Это ты поджег дом? — неожиданно спросил он.

Боуринг-младший посмотрел на него, и лицо его скривилось от ненависти.

— Полуин, — пробормотал он сквозь крепко сжатые зубы.

— Значит, это сделал мистер Полуин?

— Я этого не говорил... Я этого не говорил... Я этого не говорил, — затараторил сумасшедший. — Я ненавижу Полуина!.. Я проклинаю Полуина!.. — тут он вскочил на ноги, бросился к черепу и, наклонившись над ним, начал что-то нашептывать и размахивать руками, словно творя заклинания.

Между тем миссис Карни положила на тарелку два яйца и кусочек бекона и протянула все это Форду, а потом налила ему чашку чая.

Освальд был очень рад горячей еде, потому что с тех пор, как он перекусил в заброшенной шахте, прошло уже много времени. Солнце стояло высоко над горизонтом, а над пустошами повис туман. На какой-то миг холм, на котором притулилась под сенью кромлеха убогая хижина, словно повис среди облаков. Море и небо, камень и трава — все исчезло, и Форд утонул в клубах белого пара, среди которых смутно виднелась фигура Моргана, колдующего над черепом. Форд понятия не имел, как ему в таком тумане найти дорогу, но, решив не торопить события, принялся наслаждаться едой и горячим чаем. Все это стоило потраченных денег.

А вот госпожу Карни белый туман несколько не удивил.

— Туман всегда приходит неожиданно, — объяснила она, заметив удивление Форда. — Морган, мой мальчик, иди, покушай.

Но сумасшедший не обратил на ее слова никакого внимания, продолжая играть с Мертвой головой. Сквозь завесу тумана молодой Боуринг, склонившийся над черепом, выглядел поистине ужасно.

— А вы давно знаете Моргана? — поинтересовался юрист.

— Еще как, — проворчала старуха, похоже, ее увлек разговор за чашкой чая, в кои-то веки давший ей возможность посплетничать. — Когда Боуринг вернулся из дальних стран, он пожелал, чтобы я перебралась в более приличный дом. Но я осталась жить там, где жила, чтобы все, кто хочет, чтобы им погадали или сняли сглаз, знали, где меня найти. Тогда Боуринг дал мне денег. Он в то время жил в особняке Тревиков...

— Сегодня ночью этот особняк сгорел, — вставил Освальд.

Миссис Карни затряслась от злобного хохота:

— Это я его прокляла. За все зло, что причинил мне Тревик.

— Вы говорите это лишь потому, что он не женился на вас, — возразил ей адвокат.

— А что, этого недостаточно, господин хороший? Обиженная женщина — страшный враг. Я навела на него порчу, и теперь он скитается неведомо где в ожидании, когда его схватят и отправят на виселицу. Вот так-то!

— Порча, — задумчиво произнес Форд и вдруг вздрогнул от мысли, что, быть может, эта старуха причастна к творящимся преступлениям. А госпожа Карни тем временем внимательно разглядывала молодого юриста, словно хотела догадаться, что у того на уме.

— По букве закона меня обвинить не в чем, — заявила она, словно прочитав его мысли. — Я наслала на Тревика порчу, и жизнь его испортилась. Теперь я прочла заклятие, чтобы он вернулся в эти края, где ухаживал за мной. И когда он вернется, я его повешу, повешу, повешу! — и она в чувствах притопнула ногой.

— Но он же не убивал господина Боуринга, — возразил Освальд.

— Я это знаю, — спокойно ответила госпожа Карни.

— Тогда вы знаете и то, кто это сделал?

— Может, и знаю, — уклончиво ответила старуха, подмигнув адвокату. — Но ты лучше не задавай вопросов, и тогда мне не придется тебе лгать. Тревик может прятаться где угодно, хоть во чреве земном, но однажды он вернется, и тогда я найду его, найду и затяну на шее петлю. Знай, так и будет!

Форд занервничал. Неужели эта злокозненная женщина и в самом деле догадалась, что сэр Ганнибал прячется, как она выразилась, во чреве земном? Если да, то у баронета едва ли останется шанс сбежать. К тому же юрист заметил, что колдунья вроде как обмолвилась о том, что знала, кто убил миллионера. Он осторожно продолжил расспрашивать ее в надежде докопаться до истины окольными путями.

— Как же вы его найдете, если не знаете, где он? — спросил он небрежно.

— Как? Пошлю Моргана, и он мигом его отыщет. Этот паренек знает тут каждую шахту, каждую нору, каждую дырку в земле! Даже эту шахту Трегейгл, которую в любой момент может затопить.

Освальд отдал свою тарелку, чувствуя еще большую тревогу. Ведьма не сводила с его лица черных глаз, а потом проговорила загадочные слова:

— Я встаю раньше всех, на заре. Я собираю травы для зелий и эликсиров на закате.

— Пойдите! Вы хотите сказать, что видели...

— Я видела лишь то, что я видела. Поверьте, молодой господин, стоит мне сказать этому мальчику, — старуха ткнула пальцем в сторону Моргана, — «принеси мне Тревика, чтобы я убила его», и он это сделает в тот же час. Да, да, мы с этим мальчиком большие друзья. Отец разрешал ему ходить ко мне. Как часто я давала ему ночлег, пока его тупая жена и безмозглая теща думали, что он спит где-то на сырой земле. Морган сделает все, что я ему повелю, уж будьте в этом уверены.

— Но если сэр Ганнибал на самом деле невиновен... — возразил Форд, как громом пораженный.

— И что с того? Я за то его ненавижу, что он сделал госпожой Тревик эту бледнокожую проשמандовку, а не меня. Я могу спасти его, но не стану этого делать. Его повесят, как только найдут, а Морган враз отыщет, в какую там дыру он забился.

Услышав свое имя, сумасшедший спрыгнул со скалы и, прихватив череп, подошел к огню. Неожиданно он швырнул череп в пламя и стал танцевать вокруг костра.

— Прокляни его, матушка ведьма, прокляни его! Пусть горит Полуин, пусть горит, и горит, и горит!

— Зачем же мне проклинать Полуина, друга моего сына? — поинтересовалась колдунья. — Я в глаза его не видела, но он может оказаться вполне достойным человеком.

— Он — нечестивец, — тут Морган топнул ногой, сжал кулаки и закатил глаза. — Он хочет заткнуть мне рот. Прошлой ночью я слышал, как он говорил Дженни, что это я поджег дом и что меня надо запретить. О-о-о! О-о-о! — в припадке ярости сумасшедший бросился на землю и стал отчаянно бить по ней кулаками и рвать траву.

Тем временем старуха вытащила череп из огня.

— Не кори себя так, дорогой. Никто тебя не запрет. Ведь ты не поджигал особняк, — сказала она успокаивающим тоном.

— Но это я, я! — от избытка чувств Морган перешел на крик. — Полуин подошел к окну и дал мне спички, поиграть. Дженни никогда мне их не давала, потому что я чиркал ими и смотрел на красивые огоньки. Полуин сказал, что я могу с ними поиграть, я так и сделал, и тогда... Ах, какой был пожар!.. — Морган вскочил на ноги, хлопая в ладоши, а потом замер.

— Где тут дорога в карьер? — неожиданно донесся голос из тумана.

Форд вскочил на ноги, госпожа Карни — тоже. Она была потрясена, лицо посерело, морщинистые пальцы затряслись.

— Этот голос! — прошептала старуха, схватив череп обеими руками.

— Вы что, ответить не можете? — сиплым голосом повторил скрытый в тумане человек. — Я ищу Хью Карни, — и с этими словами незнакомец вышел из тумана.

— Полуин! Полуин! — завопил Морган и бросился к дверям хижины.

Он споткнулся о порог и упал на землю, трясясь от рыданий. Миссис Карни застыла с черепом в руках, словно окаменев. Но и сам Иосия, как только увидел ее, тоже замер, а потом медленно попятился.

Освальд тоже застыл, ошеломленный, не зная, что делать.

— Значит, ты вернулся, Карни, — медленно пробормотала старуха. — Я знала, что мои заклятия приведут тебя ко мне, и... А!

Полуин метнулся назад в туман. Миссис Карни — его давным-давно забытая жена — со всего маху швырнула ему вдогонку полуобгоревший череп, и тот попал точно в затылок негодяя. Иосия споткнулся и упал, а в следующий миг колдунья набросилась на него, словно хищная птица. Морган, услышав ее зов, подбежал и тоже бросился на коротышку. Форд попытался растащить дерущихся в стороны, но, прежде чем он успел их коснуться, Полуин вывернулся из хватавших его рук, вскочил на ноги и растворился в тумане.

— Убей его! Убей его! — кричала вслед Полуину ведьма. — Морган, догони и убей зверя! Ату его, ату!

Глава XXIV Отпетый негодяй

Под крики и проклятия госпожи Карни адвокат бросился по тропинке следом за беглецом. В один миг его поглотил густой, влажный туман, который, казалось, становился гуще с каждым шагом. Форд понимал, что обязан догнать Полуина, поскольку был уверен, что это и есть убийца Боуринга. Правда, странно, что старая ведьма не обвинила его давным-давно, ведь она ясно дала понять, что знает личность убийцы. А впрочем, подумал он на бегу, она лишь сейчас узнала, что под именем Полуин скрывается ее ненавистный муж. Не питая уважения к закону, старуха не стала бы выдавать полиции убийцу, если он не был ее личным врагом.

Адвокат карабкался все выше и выше, прислушиваясь в поисках звуков, которые помогли бы ему напасть на след беглеца. Наконец-то у него появился шанс передать преступника в руки закона, вынудить его сознаться и таким способом спасти жизнь и репутацию сэра Ганнибала. Он не сомневался, что слуга баронета сейчас страшно боится за свою жизнь, ведь за ним гнался не только адвокат, но и натравленный старой ведьмой Морган, который и без ее приказа ненавидел Полуина лютой ненавистью. К тому же Морган Боуринг был сумасшедшим, что делало его крайне опасным во гневе.

Густой туман окутал склон холма, и Освальд не видел дальше своего носа. Он казался сам себе насекомым, попавшим в клубок ваты. Неожиданно молодой юрист споткнулся, упал, поцарапав руку о куст ежевики, ударился головой о камни, да еще и сильно испачкал одежду, прокатившись по глинистой земле. Какой ни напрягал слух, ему не удавалось слышать шаги человека, на которого он охотился. В отчаянии адвокат уже был готов отказаться от погони, когда произошло чудо.

Туман залил низины и вересковые пустоши, но когда Форд поднялся чуть выше по склону холма, он неожиданно выскочил из тумана на свет, и над головой у него оказалось голубое небо. Ниже все было скрыто бескрайним белым морем, но здесь, на вершине, было светло, спокойно и тепло. Над туманом возвышались холмы, поросшие вереском, дроком и папоротником, перевитыми высокой сухой травой. Сердце Освальда затрепетало. Здесь, на вершине холма, он был словно один во всем мире. А потом, оглядевшись, он увидел в оранжевом свете солнца, поднявшегося высоко над горизонтом, темную фигурку, быстрым шагом направляющуюся к кромлеху на вершине, где у Полуина, несомненно, было какое-то

убежище. Не говоря ни слова, Форд со всех ног бросился в погоню.

Полуин неожиданно обернулся и, заметив молодого адвоката, с криком стал, словно олень, прыгать с камня на камень, спеша добраться до убежища. Но Освальд следовал за негодеем по пятам, и когда до кромлеха оставалось всего ничего, нагнал его. Полуин промчался сквозь строй древних друидских камней, Форд не отставал, охваченный неодолимым желанием схватить злодея. Проскочив сквозь кромлех, он увидел, как Полуин спешит, чуть не падая, вниз по склону холма, уже выдохшись и надеясь лишь на укрытие в клубах тумана. И вдруг беглец остановился и сел на землю.

Догнав его, юрист увидел, что Полуин, все еще багровый, как помидор, пытается перевести дыхание.

— Почему... вы... гонитесь... за... мной? — тяжело дыша, проговорил коротышка.

— Потому... что я хочу... узнать... правду... — сквозь зубы пропыхтел Форд и присел рядом со своим пленником. — Сейчас... Дайте перевести... дыхание... — и он стал глотать воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба.

Несколько минут мужчины сидели бок о бок на солнечном склоне, пытаясь отдышаться.

У их ног раскинулось молочное озеро тумана, а в голубых небесах над головой пел жаворонок, словно приветствуя солнце, все выше поднимающееся над скрытой туманом долиной. Тут не было слышно криков Моргана и госпожи Карни, и оба мужчины тоже молчали еще несколько минут, не желая нарушать тишину.

Первым восстановил дыхание Иосия.

— Почему вы гнались за мной? — спросил он снова.

— Долгая история, — ответил Освальд, тоже почти пришедший в себя. — Предпочтете рассказать ее мне или своей жене?

— Жене! Нет у меня никаких жен!

— В самом деле? А мне кажется у вас их целых две, мистер Полуин, или мистер Крент, или мистер Карни, или как вас там еще.

Коротышка даже не покраснел — впрочем, едва ли это было возможно, поскольку и так стал пунцовым от бега. Но выражение его лица было кротким, словно у невинного агнца.

— А доказательства у вас есть?

— Это могут доказать госпожа Крент и госпожа Карни, а также сэр Ганнибал.

— Не понимаю, как вы сможете получить показания вашего

последнего свидетеля, — неожиданно злобно огрызнулся Полуин.

— А вот это не ваше дело, — ответил Форд, насторожившись. Он отлично понимал, что этот человек в любой момент может броситься на него. — Однако думаю, что нам стоит прогуляться и побеседовать с ним.

— Значит, Тревик здесь! — глаза Иосии злобно вспыхнули. — Что ж, замечательно. Для полиции это будет настоящим сюрпризом.

— О, нет, мистер Полуин-Крент-Карни. В этот раз арестуют вас.

— И за что же? — невинным голосом поинтересовался тот.

— За убийство Джона Боуринга.

— Вы не сможете этого доказать, — усмехнулся Полуин.

— Смогу, — заявил Форд, откровенно блефуя. — Я смогу также доказать, что это вы подговорили Моргана Боуринга поджечь особняк в Грандже. Еще вас ждет обвинение в двоеженстве. У вас масса причин оказаться за решеткой.

— А если я не позволю вам схватить себя? — сказал Иосия, начиная выходить из себя.

— Вы уже схвачены! — объявил Освальд и бросился на него. В следующее мгновение они покатались вниз по склону и вскоре вновь очутились в объятиях тумана.

Завязалась серьезная борьба. Туман застилал глаза, противники боролись вслепую, молча и отчаянно. По-луин по большей части царапался, словно женщина, но адвокат, используя известные ему приемы джиу-джитсу, сумел взять над ним верх. Наконец, собрав остатки сил, Иосия отшвырнул молодого человека в сторону и попытался сбежать. Форд, метнувшись вперед, схватил его за лодыжку и тогда в руке его противника сверкнул длинный нож. Освальд молниеносно вскочил на ноги и ударил Полуина в лицо, а потом схватил его за запястье руки, сжимающей оружие. Коротышка, вывернувшись, толкнул адвоката на землю. Без слов, злобно ухмыляясь, он нанес удар ножом, но Форд увернулся, и клинок вонзился в землю. Ударив авантюриста по пальцам, Освальд схватился за рукоятку ножа. Полуин потянулся за ней же, но молодой человек молниеносно вырвал лезвие из земли и пригвоздил руку противника к земле. Раздался страшный вопль: нож пронзил его ладонь насквозь. Не обращая внимания на стоны, юрист вывернулся из-под Иосии и, не отпуская рукоятку, посмотрел на поверженного врага. Тот корчился от боли, словно бабочка, приколота булавкой.

— Выньте нож, выньте его! — завыл преступник. — Я вам все расскажу!

— Ну уж нет, лживый пес! — задыхаясь, произнес Освальд. —

Наверняка у вас в запасе еще пара фокусов.

— Нет! Клянусь, у меня больше ничего нет!

Адвокат медленно встал и наступил на запястье Полуина. Он тщательно обыскал коротышку, который при этом ругался, как сапожник, и нашел револьвер. Забрав его, он выдернул нож и, ногой оттолкнув преступника в сторону, наставил на него ствол. Но у того уже не было сил сражаться. Чертыхаясь сквозь зубы, пленник перевязал кровоточащую ладонь платком. Тем временем из тумана раздался голос, больше похожий на собачий вой — это был Морган, преследовавший свою добычу. Лицо Полуина посерело от ужаса.

— Морган Боуринг! — в ужасе воскликнул он. — Не позволяйте ему...

Вмиг оценив ситуацию, юрист понял, что его пленник ужасно боится сумасшедшего, и этим можно воспользоваться.

— Морган убьет вас, как только увидит, — заверил Ио-сию молодой адвокат. — Без сомнения, миссис Карни дала ему нож или пистолет. Вы ведь знаете эту женщину. В вашем состоянии, — тут Форд многозначительно посмотрел на окровавленную руку Полуина, — не думаю, что вы сможете отбиться от него.

— Не надо! Не отдавайте меня ему! — панически закричал тот. — Да, я боюсь Моргана! Его безумие придает ему нечеловеческую силу! Вы же не позволите ему прикоснуться ко мне, господин Форд?!

— Должен признаться, мне было бы в высшей степени приятно увидеть, как он зарежет вас или забьет до смерти, — зловещим голосом объявил Освальд. — В конце концов, все эти бедствия — ваша вина.

— Нет! Нет!

— Да, да! Вы убили господина Боуринга и подставили господина Тревика. Вы использовали бедного безумца, чтобы сжечь особняк Грандж. И к тому же вы подделали второе завещание.

— Это ложь!

— У меня есть все нужные доказательства. Но могу предоставить вам выбор. Или я оставлю вас тут наедине с Морганом...

— Нет, только не это! — завыл Полуин, словно загнанный зверь.

— Или же, — безжалостно продолжал адвокат, — вы отправитесь со мной и объясните ваши поступки сэру Ганнибалу.

— Так он и в самом деле прячется где-то неподалеку? — пробормотал коротышка, поднимаясь на ноги. — Если бы я знал...

— Вы бы натравили полицию на его след?

— А почему бы и нет? Боуринг оставил ему деньги, которые по праву принадлежат мне.

— Вы лжете! Как будто я не слышал правды от госпожи Крент...

— Моя жена не знает всей правды.

— Миссис Крент — не ваша жена, а Крент — не ваше имя. Вы — Хью Карни, двоеженец, поджигатель, убийца и фальсификатор. Достаточный список преступлений для любого жюри присяжных.

— Я могу все объяснить, — простонал Иосия, и тут снова раздался громкий, полный ненависти крик сумасшедшего, все еще продолжавшего охоту на свою жертву.

— Я дам вам шанс оправдаться перед сэром Ганнибалом. А теперь вставайте!

Гоня Полуина перед собой, словно барана, Форд отправился вниз по склону. Он толком не знал, где на-холится, но был уверен, что в какую бы сторону ни пошел, непременно оказался бы на дороге, огибающей эти холмы. А уж там он найдет дорогу к побережью. Следующий крик младшего Боуринга, словно невидимый кнут, подстегнул Иосию. Было странно, что столь решительный и опасный человек так сильно боялся сумасшедшего, которого хорошо знал. Впрочем, в этот момент молодой человек был больше чем просто безумцем. Сейчас он превратился в маньяка-убийцу, а слова Полуина о том, что Моргана следует запереть, сделали коротышку его мишенью. И все же Освальда удивляло малодушие и страх злодея. По лицу Иосии градом катился пот. Юрист вел его перед собой, придерживая за здоровую руку на случай, если коротышка снова решит освободиться.

Потом они долго спускались по склону, поросшему колючей травой, кустарником и папоротником, натыкаясь то на каменную изгородь, то на огромный бульжник, то на овраг. Наконец, через полчаса, когда туман уже начал рассеиваться, они вышли на большую дорогу. По ней адвокат повел своего пленника к серой башне рудника Трегейгл. Воздух там был чище, но полоса тумана все еще висела между солнцем и землей. В небе сияло солнце, но низины все еще скрывала белая пелена. Где-то там, наверное, все еще бродил Морган Боуринг, охотясь, словно фурия, призванная из ада госпожой Карни.

Когда молодой юрист и его пленник уже свернули на каменистую дорогу, ведущую к руднику, Освальд заметил громадную фигуру, спешащую им вслед. Это был Анак, неожиданно возникший с дороги, идущей от карьеров.

— Что все это значит? — крикнул гигант, замедляя шаг.

Иосия сверкнул глазами, словно высматривая способ сбежать. Но в следующий момент Освальд приставил револьвер к его уху и быстро

прошептал:

— Сделай так, чтобы Анак отправился с нами, пес, или я тебе мозги вышибу.

— Хорошо, — пролепетал Полуин. — Только не говорите ему, что я его отец.

— А разве он не знает?

— Нет. А если узнает, убьет меня. Его мать — настоящий дьявол, она настроила его против меня. Молчите же... он совсем рядом.

— Что это вы делаете с господином Полуином? — угрожающе начал Анак. — Он мой друг.

— Он тебе больше чем друг. Он твой отец, — быстро ответил Форд.

Иосия вскрикнул и попытался бежать, но молодой адвокат крепко схватил его за предплечье, и тот скривился от боли, прижимая к себе раненую руку.

— Что?! — в ярости закричал великан. — Так это мой отец, который бросил...

— Умолкни! — строго перебил его юрист. — Иди с нами в рудник Трегейгл. Этот человек должен ответить за все, что сделал.

— Сейчас он ответит, — продолжал наступать Анак. — Я прибью его, словно муху!

— Хватит убийств, — объявил Освальд, подталкивая Полуина к берегу. — Сейчас он должен объясниться перед сэром Тревиком!

— При сэре Ганнибале? Он что, прячется в Трегейгл?

— Хватит болтать, Карни! — приказал адвокат. — Идемте с нами. Вы заблуждаетесь относительно сэра Тревика и сами в этом убедитесь. Все вот-вот объяснится.

— Да, — откликнулся Полуин, многозначительно глядя на сына. — Все вот-вот объяснится.

Гигант изменился в лице. Ему не верилось, что этот маленький человечек — и в самом деле его отец. Глядя на его колебания, коротышка вновь задумался о побеге, но тут из тумана с воплем выскочил Морган. В руке у него был топор. Увидев Иосию, он взревел от ярости и бросился на него.

— Остановите его! — взвизгнул Полуин и ринулся по дороге к руднику, таща за собой держащего его Освальда. Он боялся смерти, и не напрасно. Морган со сверкающими глазами, в разодранной одежде и с топором в руках выглядел поистине ужасающе.

Но Анак, хоть и не понимал, что происходит, шагнул вперед, широко расставив могучие руки, и кинулся к ослепленному яростью безумцу.

Оставив этих двоих разбираться между собой, Полуин и Форд поспешили в сторону прибрежных черных скал и возвышающейся над ними серой башни. Несмотря на раненую руку, коротышка карабкался по черным камням ловко, словно кошка. Освальд отпустил его, понимая, что его пленник и сам предпочтет укрытие в руднике встрече с разъяренным Морганом.

Цепляясь за камни и твердую скалу, юрист в конце концов тоже вскоре оказался у входа в рудник.

— Я знаю это место! — позвал его Полуин, который был чуть впереди. — Сюда, за мной!

Освальд так и сделал, и вдруг его пленник поскользнулся на камнях, чуть не свалившись в море. Адвокат едва успел схватить его. Скрежеща зубами от боли и пошатываясь, коротышка поднялся на ноги. Потеря крови и бегство от умалишенного лишили его последних сил.

— Вот! — процедил он сквозь зубы, скидывая куртку. — Перетяните мне руку платком, или я истеку кровью.

Форд и сам видел, что это необходимо, так как Полуин был уже весь в крови. Он как следует перетянул платком руку Иосии выше локтя. Все это время негодяй украдкой поглядывал на тропинку меж скал, опасаясь увидеть там Моргана с топором в руках.

— Давайте спускаться, — махнул он в сторону зияющей дыры. — Там один из входов в шахту, самый трудный. Другой изгибается вверх, к вертикальной скважине, этот же идет прямо вниз. Посмотрите сами.

— Нет, — отрезал юрист, подозревая, что если он приблизится к краю, пленник запросто может столкнуть его в черную бездну. — Вы идете первым!

Иосия, кривясь от ненависти, подошел к краю, заглянул во тьму, а потом начал спускаться со скоростью, удивительной при его ранении. Видимо, ему придавала сил мысль о том, что преследующий его Морган может появиться в любой момент. Форд последовал за ним, не спеша и гадая, как они будут отсюда выбираться.

Лестницы, ведущие вниз, давно исчезли, и приходилось спускаться, осторожно ступая на гнилые доски и придерживаясь руками за стены и выступающие камни, чтобы получить устойчивую опору. Тихо, почти бесшумно, двое мужчин спускались все глубже и глубже под землю, пока голубое небо над головой не превратилось в крошечное пятнышко в конце бескрайней черной трубы.

Наконец, они оказались в глубинной шахте, проходившей ниже уровня моря. Полуин, как ни странно, отлично знал дорогу и шел вперед без

всяких колебаний. Убежать он не пытался, но адвокат решил не давать ему слишком много свободы. Схватив своего пленника за руку, Освальд вновь приставил револьвер к его уху.

— Надеюсь, вы понимаете, что произойдет, если вы попытаетесь бежать? — торопливо спросил он.

— Конечно, — отрезал Иосия, шагнув вперед. — Я иду туда по своей воле.

— Чтобы не попасться Моргану Боурингу? — презрительно усмехнулся молодой адвокат.

— И чтобы полностью рассчитаться с сэром Тревиком, — отозвался преступник.

Совершенно очевидно, что в этом человеке было что-то дьявольское, но что он смог сделать, пока молодой адвокат держал его на прицеле? Мгновение подумав, Форд кивнул, разрешая Полуину отправиться дальше.

Они долго шли в полной тьме. В какой-то момент Освальд решил, что его пленник видит в темноте, как кошка, в то время как сам он ориентировался лишь на шорох шагов своего спутника. А потом юрист совершенно неожиданно вспомнил про пароль, и вместо того, чтобы прислушиваться, затянул:

— Дом, мой милый дом...

Едва он пропел пару строк, как раздался крик. Потом зажглась свеча, за ней другая и третья. Оба — пленник и конвоир — быстрым шагом поспешили в сторону этого необычного освещения.

— Я здесь, господин Форд! — громко позвал молодого адвоката сэр Ганнибал.

Схватив своего спутника за руку, Освальд сделал последний шаг и неожиданно оказался в хорошо освещенной пещере, где, кроме сэра Тревика, были еще Дерика и Энн Стреттон.

Глава XXV Откровение

Удивление Освальда при виде дам могло сравниться лишь с удивлением сэра Ганнибала, когда он увидел окровавленного Полуина, которого крепко держал адвокат.

— Как вы попали сюда? — с дрожью в голосе поспешно спросил баронет. — Что вы от меня хотите?

— Спросите у господина Форда, — заскулил его бывший слуга самым подобострастным образом. Теперь он выглядел настоящей кроткой овечкой. — Это он заставил меня прийти.

Сэр Тревик повернулся к юристу.

— Ну? — спросил он с опаской.

Однако Освальд не сразу ответил на этот вопрос. Сначала он рывком заставил пленника опуститься на колени, а потом застыл над ним с револьвером наготове, чтобы пресечь любую попытку к бегству.

— Не шевелись, — приказал Форд, когда тот зарычал, словно дикий пес. — Ты хотел рассчитаться с сэром Ганнибалом. Вот он.

У баронета задрожали колени, и он, наверное, упал бы, однако его поддержала мисс Энн. Воцарилась напряженная тишина, которую первой нарушила Дерика.

— Зачем ты привел сюда этого человека, Освальд? — резко спросила она.

— Я все объясню, и он тоже, — ответил ее жених. — Но сначала скажите мне, как вы с мисс Стреттон здесь оказались?

— Мы с ней вышли рано утром, — быстро ответила Энн. — Вчера вечером, когда я добралась до Санкт-Эвалдса, я нашла мисс Тревик все еще ждущей известий.

Я рассказала, что произошло, и мы решили отправиться к сэру Ганнибалу.

— Но как же вы спустились в эту ужасную шахту?

— Мы воспользовались другим путем, — отозвалась мисс Стреттон. — Второй спуск совсем недалеко отсюда.

— Но сюда непросто добраться.

— Отнюдь, — ответил мистер Тревик, стараясь придать своему голосу уверенность. — Другая шахта действительно очень опасна, но та, которой воспользовались дамы, куда удобнее. Спустившись по десятифутовой лестнице, они попали в полого спускающийся тоннель, ведущий прямо

сюда. Мы с мисс Стретгон нашли его, исследуя рудник. Но если ты...

— Тогда я надеюсь, что Морган не знает эту дорогу, — пробормотал себе под нос Освальд.

Дерика прислушалась.

— Что вы сказали? — спросила она.

— Госпожа Карни сказала мне, что Морган знает все шахты в округе и, следовательно, должен знать легкий путь в эти пещеры. Боюсь, он скоро будет здесь, — ответил ей Освальд, и Полуин вздрогнул, услышав эти слова.

— А Морган тут при чем? — спросила мисс Энн.

— Вчера вечером он услышал, как Полуин советует госпоже Крент запереть его из-за того, что он якобы поджег особняк в Грандже, — объяснил юрист. — Морган пришел в ужас при этой мысли и обезумел настолько, что теперь готов убить его. Мы оставили его на большой дороге, где он пытался наброситься на Анака. Но если он вырвется из рук гиганта, то обязательно прибежит сюда, а тогда... — тут Форд снова посмотрел на своего пленника.

Однако тот неожиданно заговорил жестко и по существу:

— В таком случае дайте мне, наконец, решить все споры с сэром Ганнибалом, а потом я попытаюсь спрятаться в самом дальнем уголке этих подземных катакомб.

— Значит, вы боитесь этого юноши? — с презрением поинтересовалась Дерика.

Иосия поднял свою перевязанную руку.

— Я ранен и не могу бороться с человеком, вооруженным топором, — хладнокровно объявил он.

— Кто вас ранил, Полуин? — с тревогой в голосе поинтересовался господин Тревик.

— Я, — спокойно объявил Форд. — Но не раньше, чем он попытался пырнуть меня ножом. Кроме того, у нашего общего друга был револьвер. Вот он, — показал он всем отобранное у слуги оружие, — и я всенепременно использую его, если этот негодяй не объяснит, как убил Боуринга.

— Что он сделал?! — хором переспросили обе девушки и старый баронет.

— Нет, я этого не делал! — громко объявил Иосия и попытался встать на ноги. Но рука Форда, лежавшая у него на плече, удержала коротышку стоящим на коленях.

— Вы это сделали, — строгим голосом объявил адвокат. — Миссис

Карни — ваша жена — намекала на это...

— Ага, — прервал адвоката сэр Ганнибал. — А знает ли госпожа Карни...

Форд в свою очередь перебил аристократа:

— Полагаю, она знает все, но до сих пор молчала, поскольку не знала, что господин Полуин — ее муж. Но вы-то знали об этом, сэр Тревик?

— Да, — вздохнул Ганнибал. — Я знал это, но вынужден был держать язык за зубами.

— Вы и дальше будете молчать, — угрожающе объявил бывший слуга. — Иначе вам же будет хуже.

— Разве может быть хуже? — пожал баронет плечами.

— Конечно, может — на виселице!

— Придержи язык, животное, — приказал своему пленнику Форд, вновь встряхнув его, отчего Дерика слабо вскрикнула. — Лучше начинай говорить правду.

— Хорошо, только скажу я вовсе не то, чего вы от меня ожидаете, — огрызнулся Полуин. — Я не убивал Боуринга, хотя у меня и были для этого все основания.

— Тогда кто же преступник?

— Если я скажу вам и докажу вину этого человека, вы меня отпустите?

— Да. Но от Моргана я вас защищать не стану. И если он убьет тебя, как крысу, тем лучше, — безжалостно заявил Освальд.

— Думаю, — вставила мисс Стретгон, до того внимательно слушавшая, — будет лучше, если вначале сам сэр Ганнибал расскажет все о своих отношениях с этим... Полуином.

— Его настоящее имя — Карни, — с охотой начал баронет. — Я знал его, как и Боуринга, еще когда мы были мальчишками. Мы снова встретились в Африке и организовали там фирму, покупающую брильянты. Этот человек, — тут он указал на человечка, корчащегося у ног молодого адвоката, — обманул как Боуринга, так и меня. Поэтому мы и выгнали его из фирмы.

— Я ушел по собственному желанию, — возразил Иосия. — Мне надоело ваше надувательство!

— Тебя выгнал Джон за то, что ты пытался его шантажировать из-за подделанных бумаг, — возразил сэр Тревик.

— А они и в самом деле были подделаны? — уточнил юрист.

— Я этого и не отрицал, — быстро признался старый аристократ. — Боуринг подделал мою подпись и совершил сделку, желая меня обмануть. Когда ты попытался устроить Боурингу из-за этого неприятности, я сказал,

что подпись настоящая. Тогда ты отомстил: растрезвонил везде, что Джон убил сына этого африканского знахаря.

— Ты должен был бы сказать мне за это спасибо, — усмехнулся Полуин. — Настоящий-то убийца ты!

— Я в это не верю, — прошептала Дерика, прислонившись к стене.

— Спасибо, моя дорогая, — мягко обратился к ней отец. — Нет, я невиновен. Но этот негодяй Карни распространил слухи и обо мне. Чтобы избежать конфликта с колониальными властями, я был вынужден вернуться в Англию. Боуринг остался в Африке и получил еще один шанс меня обмануть. В результате он вернулся сюда миллионером, в то время как я остался без средств. Однако когда я пригрозил ему, что раскрою правду о его махинациях, он согласился переехать в особняк в Грандже и оставить мне свои деньги, а точнее, мою долю, но лишь в завещании.

— Он отдал тебе все, — фыркнул коротышка. — И треть этих денег моя, согласно условиям партнерства.

— Ты не был партнером, Полуин, потому что мы выгнали тебя. А средства были оставлены мне при условии, что Дерика выйдет замуж за Моргана.

— Но ты и этого не сделал!

— Я не мог. Во-первых, покойный указал это в завещании лишь как пожелание, а не обязательное условие. А во-вторых, миссис Крент — твоя жена, к слову сказать, — к тому времени уже женила Моргана на своей дочери.

— Его настоящая жена — миссис Карни, — уточнил Освальд. — А миссис Крент — на самом деле миссис Уорд.

— Да, Форд, я с самого начала знал это, но этот человек заставил меня держать язык за зубами. Он угрожал, что распустит здесь все слухи, которые ходили обо мне в Южной Африке.

— Слухи, как же, — торжествующе хохотнул Полуин. — Я знаю все о твоих махинациях. Когда я выйду на свободу, каждый будет знать о том, как ты промышлял контрабандой алмазов!

— Это вы с Боурингом меня в это втянули, — огрызнулся баронет. — Это с самого начала было грязное предприятие. Не собираюсь оправдываться, Полуин, но, видят небеса, я уже сполна заплатил за свою глупость.

— Все это в прошлом, дорогой, — тихо прошептала мисс Стреттон. — Не продолжай.

— Нет, я продолжу! — объявил Тревик. — Так будет честно, Энн, вы должны знать, за какого человека собираетесь замуж. Мы занимались в

Африке темными делами. Не скажу, что мы совершали преступления, но, без сомнения, постоянно балансировали на грани.

— Не совершали преступления? — издевательским тоном произнес слуга. — А как насчет того зулуса, которого вы убили ради алмаза?

— Его убил Боуринг, и ты это отлично знаешь! — спокойно сказал аристократ. — И Мулу это знал. Поэтому он угрожал красным черепом не мне, а Боурингу. Но ты почему-то решил во всем обвинить меня. Всему этому пора положить конец. Когда я выйду из этой шахты, то отправлюсь прямо в полицию с повинной. Я согрешил и должен быть наказан.

— Когда вы выйдете из шахты, — решительно объявил Освальд, — вы будете знать, кто настоящий убийца. Вы будете свободным человеком.

— И при этом нищим, — выкрикнул Полуин. — Как насчет второго завещания?

— Эта подделка? — поинтересовался юрист. — Она у меня в кармане. Пробравшись в особняк Грандж, вы положили его в стол и потом отправили госпожу Крент покопаться там, чтобы она нашла подложную бумагу.

— Это подлинная воля Боуринга.

— Это не так. Тем не менее я обязательно навещу супругов Трабби, ваших свидетелей, и тогда мы все выясним.

— Послушайте, — заскулил Иосия, чувствуя, что планы его рушатся один за другим. — Если я исправлю ситуацию, вы дадите мне доход в пять тысяч фунтов в год и позволите уехать из Англии?

— Да, — быстро произнес сэр Ганнибал, но Форд остановил его.

— Нет, — отрезал адвокат. — Вы немедленно расскажете правду о завещании и убийстве господина Боуринга, иначе я отдам вас Моргану.

— Только попробуйте! — решительно заявил Полуин.

— Дерика, — спокойно начал Освальд. — Поднимись по лестнице, там, на дороге, ты увидишь Анака и Моргана. Скажи им...

— Нет! Нет! — выкрикнул Полуин, увидев, что девушка и в самом деле собралась куда-то идти. — Я скажу все, что вы захотите!

— Тогда говори правду.

— Я знаю правду, — объявила Энн. — Этот человек с помощью шантажа заставил сэра Ганнибала взять его на работу.

— Он так и сделал, — в отчаянии проговорил господин Тревик. — А теперь...

— А теперь он будет с позором уволен, — объявила художница. — Вы много натерпелись, но теперь все неприятности закончатся.

— Только если вы станете моей супругой, моя дорогая, — улыбнулся

ей старый аристократ.

Дерика вздрогнула в полутьме, прислушавшись к шуму над головой — это волны катали по морскому дну валуны.

— Мы что, собираемся сидеть тут весь день? — вмешалась Дерика. — Почему бы для начала не вытащить этого человека на свет божий, и уж тогда...

— Нет, нет! Я боюсь Моргана! — ахнул Иосия, судорожно хватаясь за руку Форда. — Позвольте мне рассказать все, что знаю, и спрятаться!

— Морган знает эту шахту так же хорошо, как ты, если не лучше, так что спрятаться не получится, — покачал головой адвокат, стряхнув его руку.

— Но тут я смогу устроить ему засаду, — с хитринкой в голосе проговорил негодяй. — Если я умру, он тоже умрет, и я не откажусь отправиться на тот свет вместе с ним.

В тусклом свете его мертвенно-бледное лицо выглядело ужасно. При взгляде на него обе девушки поежились. Желая как можно скорее закончить все эти разговоры, Форд хорошенько встряхнул своего пленника.

— А теперь расскажи все с самого начала, — потребовал он.

— В этом нет необходимости, — захныкал Полуин, потирая раненую руку. — Про Африку вы и так все знаете, хотя Тревик не рассказал и половины тех жутких дел, что мы там творили.

— Вы творили, — уточнил сэра Ганнибал. — Ты и Боуринг. Я не хочу знать ничего, кроме одного: зачем ты его убил?

— Да не убивал я его, — угрюмо сказал коротышка. — Хотя и очень этого хотел.

— Почему?

— Боуринг вышвырнул меня из фирмы. Он не хотел делиться ни со мной, ни с тобой. Не пойму, почему ты так печешься из-за его смерти. Ты же сам хотел его убить — я слышал, что ты сказал в тот день у себя в библиотеке.

— Откуда вы об этом знаете? — тут же спросила Дерика.

— Мне сказала мисс Уорри.

— Когда?

— Сразу, как только сэра Тревик с Боурингом вышли из библиотеки.

— Ага! — неожиданно воскликнул баронет. — Тогда-то ты и подложил череп в шатер гадалки?

— Да. Когда мисс Софи рассказала мне о вашей ссоре, у меня родилась идея. Когда-то в Африке я столкнулся со знахарем Мулу, который думал, что это ты убил его сына. Он выварил голову убитого, очистил ее от

плоти, выкрасил череп в красный цвет, увенчал серебряной короной и читал над ним заклинания, чтобы отравить существование убийцы — твое!

— Пф! — с презрением отозвался сэр Тревик. — И что же ему помешало?

— Я. Я тебя спас. Я рассказал Мулу, что настоящий убийца — Джон. Тогда Мулу направил Боурингу предупреждение: дескать, тот увидит череп своей жертвы трижды, и каждый раз будет в смертельной опасности, а на третий раз непременно умрет. Джон перепугался и до конца жизни страдал от страха.

— А как череп оказался у вас? — поинтересовалась мисс Энн.

— Мулу дал мне его вместе с определенной суммой денег и попросил подсунуть его Боурингу домой или в контору — куда угодно, где тот его непременно увидит. Я сделал это дважды, и оба раза Мулу удавалось устроить покушение на Боуринга. Скажу вам, Джон не на шутку перетрусил, шарахался от каждой тени, — посмеиваясь, добавил Полуин.

— Какая низость — травить своего бывшего товарища, — фыркнула Дерика.

— Мне за это заплатили, — с неприкрытой наглостью ответил Иосия. — К тому же я ненавижу Джона, ведь он надул меня на круглую сумму.

— Продолжай, — объявил Форд, не скрывая отвращения к своему пленнику. — Когда ты принес череп в палатку миссис Уорри, ты сказал ей, что все это значит?

— Да, я сказал ей, чтобы она нагадала господину Боурингу, что он умрет, прежде чем доедет до дома.

— Так, значит, это ты убил его!

— Говорю вам, не я!

— В твоей истории, Полуин, есть изъян, — заметил Освальд. — Что ты делал в доме с черепом, когда сэр Ганнибал встретил тебя на дороге, возле места преступления?

— Меня там не было, — быстро нашелся слуга. — Я же говорил, что находился по другую сторону холмов.

— Тебе всего-то нужно было подняться на холм и столкнуть камень.

— Может, и так, но я камень не сбрасывал. А что до того, как я оказался поблизости — так мопед есть не только у сэра Тревика.

— Никогда не знал, что у тебя есть свой мопед, — заметил баронет.

— Конечно, не знал, — глумливо ответил Полуин. — Я держал это в тайне, зато мог незаметно ездить на значительные расстояния. А когда кто-то увидел меня на мопеде, я говорил, что это твой. Когда ты меня догнал, я

слез со своего, спрятал его за камнями и поехал в особняк Пенрифа на твоем.

— Но почему ты уехал из дома сразу после того, как подсунул череп в палатку гадалке? — озадаченно спросил Освальд.

— Чтобы выполнить пророчество миссис Уорри, — грубо заявил негодяй. — Я же не знал, что Тревик нагонит меня на нижней дороге. Но, с другой стороны, это было даже к лучшему, потому что окончательно все запутало и бросило на него подозрение. Я собирался убить Боуринга, потому что он оставил все деньги Тревику.

— Кто тебе это сказал?

— Сам Боуринг. Он подозревал, что я мог бы попытаться лишить его жизни. Но он сделал ошибку, сболтнув слишком много. На самом деле лишь узнав, что все деньги достанутся тебе, Тревик, я и решил от него избавиться. Наш с тобой общий друг-миллионер был круглым дураком во всем, что не касалось зарабатывания денег!

— Ну что ж, — подытожил сэра Ганнибал, — ты признался, что хотел убить Джона. По-моему, ты это и сделал.

— Нет. После того как мисс Уорри рассказала мне, что вы пообещали его прикончить, я договорился с ней о пророчестве и подкинул череп в шатер. Затем я взял свой мопед и погнал в карьер, где встретился с Анаком, на которого имел большое влияние.

— В каком смысле?

— Анак, работая у Боуринга бригадиром на карьере, присвоил себе некоторые деньги — часть заработной платы рабочих, — спокойно объяснил Полуин. — Он не знал, что он мой сын. Я не решался сказать ему это из-за старой ведьмы. Под личиной Полуина я оставался для нее незаметным, она бы так никогда и не узнала, кто я такой, не заблудись я в чертовом тумане этим утром.

— Ну, хорошо! — нетерпеливо воскликнул Форд. — Давай про Анака.

— Я велел ему сбросить камень на дорогу, как только проедет коляска мисс Стреттон и мистера Пенрифа, чтобы машина Джона врезалась прямо в него. Поговорив с Анаком, я спустился с холма на вторую дорогу и встретил там Ганнибала. Как я и сказал, я спрятал свой мопед и поехал на ганнибаловом в особняк Пенрифа. Между тем Анак дождался, когда в поле зрения появится машина Боуринга, и тогда, подсунув стальной лом под гранитную глыбу, сбросил ее на дорогу.

— А! Значит, я встретила с ним, когда он возвращался в карьер, — уточнила Энн.

— Точно так. Дело было сделано, Анаку ни к чему было торчать на

месте. Вы, мисс Стреттон, услышали грохот и повернули назад.

— Чудовище! — воскликнул адвокат. — Что же ты врешь, будто не убивал его?

— Я признался во всем, что сделал, — нетерпеливо объявил Иосия. — Но вы должны помнить, что он был убит выстрелом из револьвера.

— И кто же стрелял?

Тут бывший компаньон господина Боуринга и сэра Ганнибала выпрямился и усмехнулся.

— То, что я скажу, сильно вас удивит, — ответил он. — Мне об этом рассказал Анак, который, прежде чем уйти с места преступления, чуть задержался, чтобы посмотреть на дело рук своих.

— Пусть так. Но кто же все-таки стрелял? Кто убил господина Боуринга? — посыпались на него вопросы со всех сторон.

— Его собственный сын, — спокойно объявил господин Боуринг. — Морган!

Глава XXVI Потоп

— Это невозможно! — воскликнул Форд, в то время как сэр Ганнибал уставился на бывшего слугу, словно перед ним был настоящий черт с рогами на голове.

— Это правда, — заверил его Полуин. — Почему вы мне не верите? Анак сказал мне, что Морган в этот день гулял по холмам, и к тому же у него был револьвер.

— И где же сумасшедший мог получить такое опасное оружие? — хмыкнул баронет.

— Я дал, — спокойно ответил Иосия. — Боуринг, которого достали капризы сына, угрожал запереть его. Морган, которого идея сидеть под замком повергала в ужас, рассказал об этом мне. Я напугал его еще больше, рассказав, какими жуткими методами лечатся душевные болезни.

— Наплел сказок, — пробормотал Форд, нахмурившись. — В нормальных клиниках с сумасшедшими обращаются очень бережно. Ты просто зверь!

— Я же должен был привести Моргана в надлежащее настроение, чтобы он сам захотел убить отца. К тому времени у него уже больше месяца был револьвер, но он так и не использовал его по назначению. Однако он все время боялся, что его неожиданно схватят и запрут в клинике. В тот день они долго болтали с Анаком, после чего тот сказал, что Морган может прийти и посмотреть, как он — Анак — прикончит его папочку.

— Сердца у вас нет! — воскликнула Дерика.

— А вам-то какое дело? — огрызнулся Полуин. — Не перебивайте. Дайте мне закончить эту историю, вы мне все надоели. В общем, Морган увидел, как разбилась машина, а Анак уже собирался возвращаться на карьер. И тут бедный псих увидел: его отец не умер, он встает. Вот тогда-то Морган сбежал с холма и пристрелил его. Затем он побежал прочь и натолкнулся на Анака. Гигант отобрал у него револьвер и велел молчать, пригрозив безумцу, что если тот проболтается, его же и повесят. Вот, собственно, и все!

— Этого более чем достаточно, — объявил побледневший от такой истории сэр Ганнибал. — А миссис Крент об этом знает?

— Нет. И даже молодая миссис Боуринг ни о чем не подозревает. Но мне кажется, что матушка-ведьма, как называет ее Морган, то есть моя

драгоценная первая жена, знает все. Она молчала обо всем ради Моргана. Вот только теперь, когда она узнала, что я ее муж, она непременно пойдет в полицию и расскажет всю правду. Мне нужно бежать из страны. Но в одном вы можете быть уверены: живым я не дамся.

Иосия замолчал. Больше сказать ему было нечего. Форд повернулся к сэру Ганнибалу.

— Мне кажется, сэр, что миссис Карни поможет нам доказать вашу невиновность. И все же было бы неплохо, если бы этот мерзавец написал признание и поставил под ним подпись.

Однако прежде чем сэр Тревик смог ответить, раздался крик, а за ним еще один, по-настоящему дикий вопль. Рванувшись, Полуин выскользнул из захвата молодого адвоката и скрылся во тьме. Все сразу повернулись в сторону безопасного спуска и увидели Моргана, который приближался к ним, размахивая топором. Его одежда была разорвана в драке с Анаком, а глаза горели безумным огнем.

Дерика и Энн разом закричали, увидев несущегося к ним безумца.

А потом откуда-то из-за спины сумасшедшего донесся громовой голос Анака:

— Держите его! Держите! Он вконец спятил. Ранил мне руку топором! Поймайте его, господин Форд!

На губах у Моргана была пена. Он визжал, словно дикий кот. Уклонившись от Форда, который попытался схватить его, он со всего маха рубанул топором по одной из свечей.

— Где Полуин!.. Я хочу убить Полуина! Дайте мне разрубить его... Дайте мне... А-а-а!.. А-а-а!.. — дико закричал он, снова оказавшись в могучем захвате Анака. Потом они качнулись в сторону мисс Стреттон, и та выронила свою свечку. Теперь всю сцену освещала только одна, последняя свеча.

— Дерика! Дерика! Сюда! — позвал Форд. Схватив девушку за руку, он толкнул ее к выходу мимо дерущихся. — Сэр Тревик!

— Я с Энн! — откликнулся сэра Ганнибал, стоя рядом с единственной все еще горевшей свечой в руке. — Боже, смилуйся над нами!

И в самом деле, только длань Всевышнего могла помочь им здесь, в недрах земли, под дном морским и почти в полной темноте, где насмерть схватились сумасшедший и преступник-гигант. В таком положении даже самому разумному из людей недолго было бы тронуться умом.

Однако, несмотря на все это, Дерика не потеряла голову. Схватив за руку своего возлюбленного, она устремилась вверх, к выходу через туннель, по которому они с мисс Стреттон спустились в эти катакомбы. Сэр

Ганнибал, подхватив на руки близкую к обмороку Энн, попытался протиснуться между Анаком и Морганом, но те метались из стороны в сторону, не давая ему пройти.

Вдруг они услышали шум, подобный удару грома, и через мгновение из темного тоннеля выскочил Полуин.

— Я пробил стену, и скоро все эти пещеры и шахты затопит! — радостно прокричал он. — Теперь Морган утонет... Морган...

Сумасшедший, услышав ненавистный голос, вырвался из рук Анака и словно дикий зверь бросился на бывшего слугу. Одновременно с этим откуда-то из тьмы темных коридоров хлынула вода. Недолго думая сэра Тревик, таща за собой Энн, бросился ко второму выходу, где подняться на поверхность было намного труднее. Заметив ошибку, Энн попыталась остановить Ганнибала, но было уже поздно.

— Мы не сможем подняться там... Мы не сможем!.. — в ужасе прокричала она.

— Но мы должны... должны... — пропыхтел баронет, спотыкаясь на неровном полу пещеры, которая уже по щиколотку была залита водой.

Где-то сзади визжал от ужаса Иосия, уворачиваясь от младшего Боуринга, который пытался зарубить его топором. В какой-то миг, ища спасения, он стал цепляться за великана, но тот, вовсе не собираясь тонуть вместе с безумцем и его жертвой, стряхнул с себя коротышку, словно мокрую крысу. А Морган, услышав шум рвущейся в подземелья воды, схватил их обоих и закричал от восторга.

— Мы будем вместе плавать в воде... Плавать — это хорошо... Мыться полезно... Ха-ха-ха! — его смехдиким эхом разносился по подземным галереям, перемежаясь с руганью Анака и завываниями Полуина. И тут по подземелью прокатилась большая волна, которая молотом сбила их с ног и поволокла в сторону мисс Стретгон и сэра Ганнибала.

— Оставьте меня... Оставьте! — закричала Энн, пытаясь вырваться из объятий своего жениха.

— Нет! Мужайтесь! Я вас спасу, — объявил баронет.

Это был его долг — непременно спасти девушку, которая ради него рисковала столь многим. Внезапно она споткнулась и упала бы, не подхвати он ее на руки с невесть откуда взявшейся силой. Дальше Энн и Ганнибал уже брели по пояс в воде. К счастью, они были не так далеко от выхода и вскоре увидели высоко над головой пятнышко дневного света. Тут их накрыла новая волна, а следом — еще одна. Мимо них по тоннелю, уходящему куда-то в глубь скалы, подхваченные волной, пронеслись трое

все еще дерущихся людей — Морган, Полуин и Анак. Безумец мертвой хваткой вцепился в отца и сына, и лишь небесам известно, в какие подземные глубины понесла их разбушевавшаяся стихия.

Сэру Тревику удалось удержаться на ногах: они с мисс Стреттон успели проскользнуть в устье шахты, ведущей наверх, которая находилась чуть в стороне от основного бурлящего потока. Из последних сил, стоя по плечи в воде, он приподнял свою спутницу, надеясь, что она зацепится за обломки лестницы, ведущей наверх.

— Цепляйтесь, — взмолился он. — Быстрее, быстрее, вода поднимается!

Отчаянным усилием Энн зацепилась за какую-то балку, сэра Тревик полез следом за ней.

Вода поднималась все выше и выше. Казалось, море, затопившее и пещеры, и шахту, не желало отдавать свою добычу. Цепляясь за обломки балок и камни, подталкиваемые снизу водой, сэра Ганнибал и мисс Стреттон медленно карабкались вверх. Наконец, вода перестала прибывать. Они повисли, держась за крупный камень и молясь, чтобы тот не вывалился из стены.

Баронет кричал, пока не охрип. Когда он уже был готов сдаться, наверху показалось два лица. Форд и Дерика с надеждой всматривались в темный зев уходящего вниз тоннеля, и неожиданно девушка вскрикнула от радости.

— Мы уже решили, что вы погибли! — воскликнула она, разглядев плавающих внизу отца и его невесту.

— Так и будет, если вы нам не поможете! — прохрипел сэра Ганнибал.

— Подождите... Подождите... Тут у выхода валяется старая ржавая цепь, — воскликнул Форд. — Держитесь!

Они убежали, а минут через десять, которые показались сэру Тревику и мисс Стреттон вечностью, вернулись вместе с цепью. Руки девушки и ее жениха были расцарапаны до крови — размотать цепь, освободив ее от сырой, разломанной лебедки, оказалось очень непросто. Ее конец спустили в колодец шахты. Энн крепко схватилась за ржавый металл, и Форд с Дерикой вытащили девушку на поверхность. Следующим был сэра Ганнибал. Только выбравшись из шахты под сияющие небеса, он понял, какой ужасной смерти избежал.

— А остальные? — с дрожью в голосе спросила Дерика.

— Мертвы! — скорбно объявил ее отец.

Форд снял шляпу.

— Тогда остается сказать то, что обычно судья говорит осужденному:

да помилует бог их души, — опустив голову, произнес он.

Эпилог

Как и следовало ожидать, когда вся эта история стала известна в Санкт-Эвалдсе, она произвела там большое волнение. Затем журналисты внимательно расследовали все детали событий, и полный отчет о них был направлен в лондонские газеты. Было установлено, что выкачать воду из затопленной шахты невозможно.

Видимо, Полуин-Крент-Карни, зная слабость каменных стен, отделяющих шахту от моря, проломил одну из них в надежде утопить Моргана, которого он боялся, и собственного сына, Хью, который мог выступить свидетелем в суде по делу об убийстве Джона Боуринга. Но сумасшедший полностью отомстил человеку, который заставил его убить собственного отца и сжечь особняк Грандж. В недрах земли, глубоко под соленой водой, упокоились три тела — шахта Трегейгл стала их могилой.

Госпожа Карни полностью реабилитировала баронета. Она согласилась дать показания, невзирая на то, что могла быть арестована, как соучастник, и рассказала следователям свою историю. Она и в самом деле не встречала Полуина, поскольку он успешно скрывался от нее до того рокового часа, когда он в поисках Ана-ка столкнулся с ней нос к носу. Рабочий-гигант сам признался матери, что пытался убить Боуринга, но завершил дело Морган. Нисколько не рассердившись, миссис Карни даже похвалила тогда своего сына за то, что он хотел избавиться от человека, которого она ненавидела. Впрочем, эта старуха ненавидела всех подряд и не могла точно объяснить, почему. Из-за долгой череды неудач, одинокой жизни и веры в собственные колдовские силы ее разум помутился. Обиды старухи на сэра Ганнибала были совершенно надуманными, в то время как господин Боуринг, которого она ненавидела, в действительности был очень добр к ней. Она молчала, чтобы навредить лорду Тревику, но ненависть к Полуину развязала ей язык. В итоге колдунья рассказала всю правду, сэр Тревик был полностью оправдан и покинул зал суда без единого пятнышка на репутации.

Кроме нее, против Иосии Полуина дали свидетельские показания Освальд, Дерика и Энн, в присутствии которых он признался в своих преступлениях. Однако то, что имелся и независимый свидетель, миссис Карни, пошло только на пользу дела.

Ходили разговоры о том, что необходимо судить госпожу Карни, однако смерть сына окончательно пошатнула ее разум. Вместо того чтобы отправить ее в тюрьму, женщину поместили в сумасшедший дом, и сэр Тревик постарался сделать так, чтобы ее содержали со всеми удобствами

— ведь ее свидетельские показания спасли ему жизнь. Тем не менее вскоре она умерла, до самой смерти проклиная Боуринга и Полуина. Единственным человеком, которого она поминала добрым словом, был ее покойный сын Анак.

Оказалось нетрудным доказать и то, что второе завещание — подделка. Супруги Трабби признались, что Полуин заставил их поставить свои подписи, пообещав, что даст три тысячи фунтов для поездки в Америку. После этого второе завещание было уничтожено, и Форд не стал возбуждать против них дело. Бывшие слуги Боуринга покинули Граттон без гроша в кармане и рекомендаций. Так что в конце концов все деньги достались Дерике.

Когда же сэр Ганнибал окончательно освободился, его дочь заявила:

— Мы разделим эти деньги. Папа получит тридцать тысяч и женится на Энн. А мы с господином Фордом заберем остальное и...

— Станем мужем и женой, — добавил адвокат, поцеловав девушку. — Но как же быть с миссис Крент, моя дорогая?

— Я выделю госпоже Крент и Дженни то, чего они хотели. Они получают доход в две тысячи фунтов в год, — решила мисс Тревик.

— Совершенно верно, Дерика, — поддержал ее отец. — Ты дашь тысячу, и я — тысячу.

Велика же была радость бедных дам — Марии и Дженни — когда они услышали это. Теперь, после смерти Крента и Боуринга, они обе стали вдовами, а после того, как сгорел особняк, — еще и бездомными.

— Что ж, могло быть и хуже, — сказала миссис Крент, когда в сопровождении дочери приехала, чтобы поблагодарить свою благодетельницу. — Все равно рано или поздно нам пришлось бы отдать бедолагу Моргана в сумасшедший дом, а там он бы долго не протянул. А ведь я любила его.

— И я тоже, — добавила Дженни и расплакалась. — Если бы отец и Полуин не напугали Моргана, он бы не разозлился и не обезумел бы вконец.

— Сложно сказать, что в голове у сумасшедшего, — вздохнула Дерика.

— Я тоже так думаю, — согласилась с ней Мария. — Однако мы даже не смогли его по-человечески похоронить. Господи, какой кошмар!

— Все хорошо, что хорошо кончается, миссис Крент.

— Уорд, — поправила девушку вдова. — Миссис Уорд, моя дорогая. Я вернула себе прежнее имя. Одного того, что этот ужасный человек больше не потревожит меня, уже достаточно для счастья. Мыс Дженни благодарим вас за эти две тысячи. Благодаря вам, мисс Тревик, мы с дочерью сможем

вернуться в Южную Африку, и я надеюсь, что моя девочка выйдет там замуж еще раз.

— Может, и вы еще найдете себе спутника жизни, миссис Крент... Ах, извините, миссис Уорд, — пожелала ей Дерика.

— Нет, что до меня, то я останусь миссис Уорд навсегда, — твердо заявила дородная женщина. — У меня было достаточно мужчин, так что хватит до конца жизни.

Так и случилось. Дженни снова вышла замуж, а миссис Уорд, в прошлом миссис Крент, прожила одна до конца жизни. И эта жизнь, после всех ужасов жизни с Полуином, была исключительно мирной и спокойной.

Лжепрорицательницу мисс Уорри разоблачили и собирались наказать за то, что она не предупредила о готовящемся преступлении, но она изменила имя и бежала в Южную Америку.

Дерика долго удивлялась, как столь кроткая женщина могла пойти на такой ужасный поступок. Но Софи была в той же ситуации, что и миссис Карни. Обе они были отвергнутыми женщинами, а все знают, что сказал о них в свое время Конгрив.^[11] Потом сэр Ганнибал женился на Энн Стреттон и приступил к восстановлению родового особняка. Дерика отложила свадьбу с Фордом на несколько месяцев, так как прежде чем покинуть отца, хотела убедиться, что он удачно устроился под опекой своей молодой жены. Эти события оказали сильное влияние на баронета, и он искренне раскаялся за все свои деяния в Южной Африке. Стоит ли говорить, что из Энн вышла прекрасная жена, и даже мисс Куинтон переменила свое мнение о ней.

— Однако, как бы там ни было, отчасти я была авантюристкой, — созналась леди Тревик Дерике, когда они, отправившись вдвоем на прогулку, издали наблюдали ремонт старого особняка.

— Ты — лучшая женщина в мире! — заметила та, поцеловав ее. — Немногие женщины сделали бы для моего отца столько, сколько сделала ты.

— Он спас мне жизнь, моя дорогая.

— Лишь для того, чтобы получить лучшую жену в мире. Кстати, Энн, а как теперь господин Пенриф?

Энн покраснела.

— Думаю, что поступила с ним довольно плохо, моя дорогая Дерика, — сказала она, понизив голос. — Он уехал в Америку, и, как я слышала, собирается жениться на богатой наследнице.

— Раз он утешился так быстро, тебе не в чем себя винить, — заметила мисс Тревик. — Но тише, сюда идут папа и Освальд.

Сэр Ганнибал, несмотря на то, что все переживания остались в прошлом, за прошедшие месяцы сильно постарел. Он вышел вперед и с улыбкой поприветствовал жену. Вскоре баронет увел ее смотреть на новую лестницу, которую хотел пристроить к дому.

Оставшись наедине с невестой, Освальд Форд сделал ей странное предложение:

— Не съездить ли нам к руднику Трегейгл, дорогая?

Девушка отступила назад.

— Почему ты хочешь отправиться в это жуткое место? — удивилась она.

— Скажу, когда мы туда доберемся.

Дерика с сомнением посмотрела на жениха, однако любопытство взяло верх, и она взяла его за руку. Влюбленные спустились на большую дорогу и отправились вниз по каменистому водотоку, который привел их к серой башне. Это был прекрасный весенний день, и Дерика наслаждалась прогулкой. Но она побледнела, когда они оказались на месте давней трагедии.

— Ах, Освальд, подумать только, ведь мы все могли там погибнуть, если бы не второй выход!

— Но ведь ваш отец и его супруга управились и без него, — весело заметил адвокат. — Иди сюда, милая.

Все еще недоумевая, Дерика осторожно подошла к краю шахты. Молодой человек помог невесте присесть на один из камней, а сам отправился вдоль берега, что-то высматривая. Наконец, удовлетворенно хмыкнув, он наклонился и поднял нечто, напоминающее красный мяч.

— Ах! — в ужасе воскликнула девушка, побледнев. — Это же та самая Мертвая голова! Где ты ее нашел?

— Она должна была валяться где-то здесь. Морган принес ее сюда, но когда он схватился с Анаком, черепа у него не было. Я искал его уже несколько раз... — объяснил адвокат. — А ты, моя дорогая, принесла мне удачу.

— И что же теперь? — спросила Дерика, с отвращением глядя на этот сверхъестественный предмет.

— Сбросим его в шахту, — решил Освальд и тут же так и сделал.

— Но почему ты вообще отправился на поиски? — спросила его возлюбленная, когда ужасный красный череп с бульканьем исчез в черной воде.

— Моя дорогая, мы должны пожениться на следующей неделе, и я хотел, чтобы все детали этого неприятного дела оказались похоронены в

прошлом в прямом и переносном смысле.

— И больше мы никогда не станем вспоминать об этом, — поспешно добавила Дерика.

— Да, — согласился молодой адвокат, все еще глядя в темную воду, которая едва не поглотила сэра Ганнибала и мисс Энн Стреттон. — Мертвой головы больше нет.

Теперь мы больше никогда не станем говорить об этих событиях и вспоминать их. Однако, как бы то ни было, все случившееся принесло нам удачу, и у нас теперь есть тридцать тысяч дохода.

— Деньги — не главное. Главное, что мы теперь вместе. Давай скорее покинем это ужасное место, поднимемся на скалу и в самом деле оставим все в прошлом!

И, повернувшись, они отправились вверх по склону навстречу солнцу, золотыми лучами освещавшему их удивительное будущее.

---

notes

Примечания

1

Елизавета I (1533–1603) — королева Англии и Ирландии с 1558 года.

Екатерина Медичи (1519–1589) — королева и регентша Франции (1560–1563 и 1574).

Георгианский стиль — общее обозначение для английской архитектуры XVIII века. Назван в честь короля Георга I, правившего в 1714–1727 годах.

Существует ряд околonaучных теорий, приписывающих сочинения Шекспира другому лицу или группе лиц. Согласно одной из версий, подлинным автором был философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626).

«Свобода на баррикадах» — картина Эжена Делакруа, изображающая Французскую революцию 1830 года.

Бейсуотер — элитный район Лондона.

Анак — «дитя», «крошка» (индонез.).

Калибан и С и к о р а к с а — персонажи пьесы Уильяма Шекспира «Буря»: дикарь-невольник и его мать, ведьма.

Квилп — персонаж романа Чарльза Диккенса «Лавка древностей», злобный коротышка-ростовщик.

Лепрекон — персонаж ирландского фольклора, маленький уродливый человечек с проказливым нравом и колдовскими способностями.

Уильям Конгрив (1670–1729) — известный английский драматург. В пьесе «Скорбящая невеста» (1697) он написал строку, ставшую афоризмом: «В самом аду нет фурии страшнее, чем женщина, которую отвергли!»